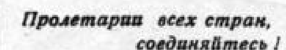

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РЕКА И ЛЮДИ: КТО-КОГО?

МАРШРУТ УКАЗАН ПЯТИЛЕТКОЙ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 16 (2025)

17 АПРЕЛЯ 1966

Ленинская идея **электрификации всей страны** является определяющей и для нового пятилетнего плана. Производство электрической энергии увеличится за пять лет примерно на 70 процентов.

Среди крупнейших новостроек советской энергетики — Нурекская ГЭС. Директивы XXIII съезда партии по пятилетнему плану предусматривают: «Ввести в действие первые агрегаты на Нурекской ГЭС...»

Наши специальные корреспонденты ведут репортаж из Пулисангинского ущелья, где воздвигается гигантская электростанция. Читателям «Огонька» уже известно из газет, что в конце марта в створе будущей плотины Нурекской ГЭС была взорвана перемычка, отделяющая реку от первого строительного туннеля. Могучий Вахш вошел в русло, сотворенное руками человека. В репортаже рассказывается о днях, предшествовавших этому событию.

Юрий СБИТНЕВ, Фото Б. КУЗЬМИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Сухая и жаркая выдалась нынче зима в Таджикистане. В феврале да и в январе термометр иногда показывал 23—25 градусов тепла. А в середине марта вдруг похолодало, хлынули дожди. Со всех концов республики неслись тревожные вести: потоки сносят мосты, размывают дороги, угрожают кишлакам и селениям, из берегов выходят стремительные горные реки, участились камнепады и сели.

И вот в эти-то дни строители Нурекской ГЭС готовились сдать в эксплуатацию первый туннель, по которому в скором будущем должен был устремиться Вахш. 1 628 метров пройдено в глубокой толще горы, выломано и вывезено четверть миллиона кубометров скального грунта, уложено 80 тысяч кубометров бетона.

Это сложнейшее сооружение пока что редчайшее. И потому к бетонной облицовке предъявлялись очень жесткие требования. Буквально каждый сантиметр громадного водопровода прилизывался, шлифовался так, чтобы нигде не осталось ни раковинки, ни трещинки, ни выемки. Ведь громадная скорость течения, обломки скал, валуны весом в добрую тонну, которые волочит за собой Вахш, могут использовать любой незаметный изъян, чтобы вызвать катастрофу и разрушить туннель. Десятки строительных бригад в эти дни занимались почти ювелирной работой — отделывали облицовку, лечили бетон. Круглые сутки проводили люди в туннеле.

Ливни бушевали целую неделю. Посуровел, разбух Вахш. Измерительные приборы отмечали быстрый подъем воды...

И вот взъярившаяся рыжегривая река всей своей силой обрушилась на перемычку, отделявшую ее от входного канала туннеля. Буквально за несколько часов дамба шириною в 10—14 метров превратилась в узенькую — всего 2—3 метра — полоску земли. Мутные струи воды, просачиваясь через нее, пока еще медленно поползли в туннель. Расход воды в

Могучий взрыв на могучей реке.

Наверное, все строители собрались на праздничный концерт.

После взрыва. Воды Вахша ринулись в туннель.

Вахше подскочил до 655 кубометров в секунду. Тогда была отдана команда: всем бригадам — до единого человека — покинуть туннель, прекратить подачу электроэнергии.

В это время к узкой полоске земли, к перемычке, двинулись вереницы машин. Заглушая рев Вахша, обрушивались в воду с самосвалов многотонные глыбы, скальный грунт. Люди восстанавливали то, что уносила река.

Под проливным дождем энергетик Ольга Галич, электрики Хусейнов, Слепцов и Казанфаров установили прожекторы, чтобы можно было ночью продолжать борьбу с рекою.

К вечеру вода поднялась на четыре метра. Волны неустанно наваливались на перемычку, и так же неустанно спешили к ней машины. Ночью все, кто был в силах, кто мог вести машину, сидели за рулем. Битва с Вахшем достигла апогея. Река и люди! Кто кого?

И без того опасные дороги сейчас, в дождь, стали еще опасней, порою колеса самосвалов нависали над пропастью. Но машины все шли и шли, от карьеров к перемычке, от перемычки к карьерам...

В ту незабываемую ночь каждый работал за десятерых.

Потом о них, о шоферах Павлюкове, Мухамедиеве, Иванове, Халееве, говорили просто: здорово потрудились... А на мой вопрос: «Трудно пришлось?» — каждый из них пожимал плечами: «Работа...»

И созидательный труд людей победил неукротимого, воспетого в легендах богатыря Вахша.

Уже 16 марта бригады строителей снова вошли в туннель. А 22 марта государственная правительственная комиссия приняла их работу с высокой оценкой.

Туннель будущего Нурекского гидроузла сдан в эксплуатацию.

...В ночь на 24 марта я сидел подле входного портала и слушал злую воркотню старого строптивца Вахша. Где-то там, в черном зеве туннеля, сшибались лбами волны, волоча за собой громадные камни, и шум их далеко катился по ущелью, напоминая гневный басовитый голос.

— Ворчит, бродяга,— усмехнулся, присев рядом со мной, щуплый паренек.— Ну ничего, станешь ты у нас ручной, обуздаем! — Покурил, швырнул в реку окурок, поднялся и ушел в темноту ночи. Потом совсем рядом взревел мотор «Белаза», и машина проползла мимо к створу будущей плотины.

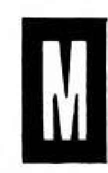
И я на секунду увидел лицо паренька, одного из тех, кто уже померился силой с Вахшем.

На память потомкам.

Анатолий
СОФРОНОВ

С «ИНТ

ы настолько привыкли в последнее время к чудесам, что уже перестали удивляться: кажется, все уже изведано, чудес не бывает. И все-таки утром 4 апреля 1966 года в Кремлевском Дворце съездов произошло такое, что иначе как чудом не назовешь. Но чудо это особое, подготовленное трудом советского народа, волей нашей партии. В самом деле, откуда-то из неведомой подзвездной глубины, за сотни тысяч километров, вращаясь вокруг голубого шара Луны, советский спутник посылал к нам на землю мелодию «Интернационала». Никто не призывал на съезде делегатов подниматься с мест. Поднялись все вместе, словно по велению единого сердца. В огромном зале наступила тишина. Только из космоса доносился потрескивающий шорох и мелодия «Интернационала». И тогда делегаты и гости съезда устроили овацию и далекому лунному спутнику и его творцам—ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим,—которые своим талантом, своими чудо-руками создали этот диковинный аппарат, вращающийся вокруг вечного соглядатая нашей планеты — Луны. Негромко звучал «Интернационал», и невольно думалось, через какие преграды прошел пролетарский гимн, сколько поколений вдохновил он, скольких вел в сражения, звуча на баррикадах Красной Пресни, поднимая красногвардейцев на Октябрьский штурм; гремел под Перекопом, в Сибири и у Балтийского моря—всюду, где шла ожесточенная борьба народов нашей страны за свободу, за новую жизнь. Слова гимна, его мелодия понятны сотням миллионов людей на всей планете. Звучит он на просторах Азии и в Африке, в партизанских соединениях Латинской Америки, на рабочих собраниях в европейских капиталистических странах. Интернационал! Какое великое слово!

Совсем недавно, всего лишь 2 января этого года, мы стояли на площади Революции в Гаване, делегаты Первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, и, сплетя руки — белые, желтые, черные,— делегаты пели на многих языках «Интернационал». Это было символическое зрелище. Казалось, что мелодия гимна доносится до берегов Соединенных Штатов и где-то там находит свой отклик в сердцах мужественных борцов — коммунистов Америки.

На XXIII съезде партии один за другим к высокой трибуне подходили почетные гости со всех концов Земли и произносили слова привета, выражая солидарность с политикой Компартии Советского Союза, призывая к единству в международном революционном движении, призывая

МИР ПРИВЕТ

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ МЕЧТЫ

Сумитранандан ПАНТ,
индийский поэт

Новый пятилетний план Советского Союза, рассмотренный XXIII съездом КПСС,—образец того, как может осуществляться великая мечта народов о процветании.

Наряду с внутриэкономическими проблемами большое внимание съезд уделил вопросам помощи экономически слаборазвитым странам, мерам, направленным на укрепление сил мира во всем мире. Прогрессивное человечество знает, что успехи советских людей содействуют продвижению вперед всех развивающихся стран, в частности в Азии.

СССР — друг Индии. Он покорил сердца народов своим содействием заключению Ташкентского соглашения между Индией и Пакистаном. Сегодня упрочение и защита мира есть высший долг прогрессивных стран. Советский Союз является именно таким государством. Это еще раз доказал XXIII съезд КПСС.

Аллахабад.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ МИЛИТАРИСТАМ

Инги ХЕЛГАСОН,
член Исполкома ЦК Единой социалистической партии Исландии

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза — событие большого международного значения. И одним из самых важных положений

ЕРНАЦИОНАЛОМ»!

к ответственности каждого человека, каждую коммунистическую партию перед лицом истории в борьбе против империализма и колониализма. И это — Интернационал. Это — то, что объединяет сердца коммунистов, где бы они ни жили, где бы ни находились в это мгновение.

Недели за три до открытия съезда по приглашению австралийских писателей я улетел в Австралию, на фестиваль литературы и искусства, в город Аделаиду. Советские литераторы впервые принимали участие в таком празднике. Накануне отлета из Аделаиды, придя днем в гостиницу, я увидел на столе записку: «Тов. Софронов! Мы, советские моряки из Владивостока, с декабря 1965 года работаем в районе Австралии и хотели бы очень организовать с вами встречу на нашем судне, дизель-электроходе «Искона». В порту нас три судна. С приветом, первый помощник капитана Мальц».

Последний вечер в Аделаиде я провел с советскими моряками, рассказывая, как страна готовится к XXIII съезду КПСС. Моряки «Исконы» и двух небольших рыболовецких кораблей, «Анчоуса» и «Оймякона», в свою очередь, рассказывали об их трудном деле.

Провожая меня, капитан «Исконы» товарищ Шевкопляс сказал: «Передайте, что советские моряки желают успеха Двадцать третьему съезду нашей партии».

На другой день я прощался с австралийскими друзьями. Они говорили мне:

— Желаем успеха Двадцать третьему съезду.

Съезд закончил свою работу, и мы видим, что успех его несомненен. Об этом говорят делегаты и гости. Об этом пишет зарубежная печать. Мудрость и спокойствие, уверенный взгляд вперед, единодушие — это и есть огромный успех XXIII съезда КПСС.

Мы всегда знали, что труд народов Советского Союза близок и дорог всем, кто словом и делом поддерживал и поддерживает нашу Родину. Мы ощущали это в годины тяжелых испытаний. Мы всегда знали и чувствовали своих друзей. Знали также и то, что наши планы и их выполнение интересуют миллионы людей всей планеты. Одни воспринимали их с восторгом, другие выражали сомнение по поводу их осуществления, третьи злобно пытались опорочить все, что мы делаем. Но, пожалуй, именно в эти дни, в дни работы XXIII съезда партии, мы почувствовали, я бы сказал, какое-то особое, качественное изменение заинтересованности в успехах народов Советского Союза. Зарубежные гости желали своим советским друзьям успехов в выполнении пятилетнего плана, видя в этом огромный вклад в дело борьбы с империализмом и колониализмом.

Большой путь под руководством ленинской партии прошла наша страна. Многое сделано, многое еще предстоит сделать. Мы спокойно говорим о своих недостатках и просчетах, спокойно, потому что мы знаем, насколько мы сильны, насколько уверены в каждой позиции пятилетнего плана. Что ж! Пусть те, кому нечего делать, пытаются еще одурманить сознание тех, кто слушает некоторые радиостанции или читает книги потерявших совесть авторов. Но легковерных людей становится все меньше. Да, мы можем сказать словами многих делегатов XXIII съезда партии: мы сильны, как никогда! Это и трезвое понимание силы, и взгляд на пройденный путь, и твердая уверенность в правильности избранного пути. Эти слова особенно весомо звучали на съезде при упоминании о приближающемся пятидесятилетии Советского государства.

Всматриваясь в лица друзей, с которыми уже встречался и в далекой Кубе, и на горячей африканской земле, и на широких просторах Азии, и в старых городах Европы, понимаешь, что не просто выросло и окрепло Советское государство и вся социалистическая система, а что эта система силой примера властно вобрала в пределы своего влияния сердца многих миллионов людей, одни из которых еще живут в капиталистических странах, а другие в странах, которые выбирают свой путь в будущее; понимаешь, что эта система настолько могуча, что лучи ее проникают во все части света, на все континенты планеты.

И в эти минуты, когда, касаясь друг друга локтями, стояли в Кремлевском Дворце съездов делегаты, представляющие Коммунистическую партию Советского Союза, а рядом с ними так же тесно друг к другу стояли представители всех пяти континентов и аплодировали лунному спутнику, с особым чувством слушали мы, как в далекой, трудно представляемой вышине он посылал нам на Землю волнующий «Интернационал». И это было великое счастье каждого из нас и счастье всего нашего народа.

XXIII съезд КПСС закончен. Съезд принял деловые решения, вызывающие уверенность в новых победах нашей Родины. Съезд продемонстрировал могучее единство партии и народа, единство всех революционных сил, представленных в качестве гостей на нашем съезде.

Никогда не забудут делегаты и волнующие минуты закрытия съезда, когда тысячи людей пели «Интернационал», мощно звучавший под высокими сводами Кремлевского Дворца съездов. Не забудут делегаты и овации, перекатывающиеся, как океанские волны, овации в честь Коммунистической партии Советского Союза, ее ленинского Центрального Комитета.

Решения XXIII съезда будут вдохновлять миллионы тружеников Советской страны на новые подвиги в труде и творчестве во славу нашей Родины.

СТВУЕТ, ОДОБРЯЕТ

съезда я считаю предостережение, сделанное в докладе Первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и в речи министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, о недопустимости предоставления в любой форме атомного оружия ФРГ, а также требование о выводе американских войск из Южного Вьетнама, что является залогом обеспечения мира во Вьетнаме.

В центре внимания делегатов был, конечно, новый пятилетний план Советского Союза. Он предусматривает программу дальнейшего роста благосостояния советского народа. В частности, намечается увеличение масштабов жилищного строительства, введение пятидневной рабочей недели, повышение заработной платы, расширение ассигнований на многие социальные нужды. Этот план свидетельствует о том, как далеко вперед продвинулся Советский Союз на пути построения коммунизма.

ГОЛОС НЕПОКОРЕННОЙ АНГОЛЫ

Гаспар НГОЛА,
представитель борющейся Анголы

Ангольский народ знает, что Советский Союз постоянно оказывает помощь всем народам, борющимся за независимость, счастье и прогресс. Вот почему ангольские патриоты проявляют глубокий интерес и симпатии к форуму советских коммунистов в Москве.

Незабываемое впечатление произвела на меня, гостя из далекой Анголы, работа XXIII съезда КПСС. Здесь обсуждались вопросы, имеющие большое значение не только для советского народа, но и для всех народов мира.

Патриоты Анголы усиливают натиск против войск португальских колонизаторов. В настоящее время под контролем революционных сил находится треть северной части страны — провинции Кабинда. Салазаровские каратели несут тяжелые потери в живой силе и технике. Усиливается борьба и в южных районах Анголы, где партизаны активизировали свою деятельность. 1966 год, несомненно, станет важным этапом в нашем освободительном движении, в его распространении по всей стране.

Вот снимки, которые я привез в Москву из сражающейся Анголы.

АПН

ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ НА СЪЕЗДЕ

Опыт некоторых предприятий Москвы, Ивановской, Пермской, Днепропетровской и других областей показал, что при осуществлении соответствующих организационно-технических мероприятий уже сегодня возможен постепенный переход на рабочую пятидневку с двумя выходными днями в неделю. В Москве таким экспериментальным предприятием является ДСК-1 — Первый домостроительный комбинат.

Корреспондент «Огонька» Николай БЫКОВ побывал у домостроителей и задал им вопрос: как сказалась пятидневка на работе комбината?

Пятидневка не помеха: комбинат в 1964 году сдал 381,6 тысячи квадратных метров жилья, в 1965 году — 474 тысячи квадратных метров при том же количестве рабочих.

«МЫ — ЗА!»

Обеспечить планомерный перевод рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на ПЯТИДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ (пять рабочих дней и два выходных) с сохранением установленной в настоящее время общей продолжительности рабочего времени за неделю, что облегчит условия труда работников, расширит возможности для дальнейшего повышения их квалификации и культурного уровня, а также будет способствовать росту эффективности использования производственных фондов.

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

М. Русинов: — Но главное — выигрывает человек.

В. Барковский: — Да, тут одно от другого не отделишь...

Л. Волкова: — Два выходных — это здорово!

С. Ценин: — Перестраиваться — так уж всем!

Н. Гордеева: — Мы — за!

Фото А. Бочинина.

РУСИНОВ Михаил Михайлович, заместитель секретаря парткома:

— Свой эксперимент мы начали почти два года назад, в июне 1964 года. Общий вывод — хорошо! Пятидневка и два выходных дня будут иметь и политическое и социальное значение для нашего общества. Почему? Да потому, что приумножились возможности для улучшения условий труда и более рационального использования рабочего времени и промышленного оборудования. Дело в том, что станок, конвейер сейчас у нас не семь часов работают, а восемь. А каждый лишний час такой непрерывной работы механизмов вовсе не лишний!

Но главное — выигрывает человек. У наших рабочих, инженеров, служащих появились более широкие возможности для отдыха, воспитания детей, учения.

БАРКОВСКИЙ Василий Иванович, председатель объединенного завкома:

— Главный итог перехода на пятидневку — хорошее настроение рабочих. Человек, работающий пять дней в неделю, получил как бы свободу маневра своим личным временем.

Двухдневный отдых — это высокая производительность труда, резкое снижение производственных травм и просто заболеваний. До 30 процентов! И секрет прост: человек, чувствующий, скажем, в пятницу недомогание, за два выходных дня успевает отдохнуть и подлечиться.

Теперь мы и формы организации досуга разнообразим. Ведь у нас в запасе не один вечер короткой субботы, а два дня!

Но при переходе на пятидневку надо иметь в виду и новую организацию обслуживания трудящихся. Я целиком согласен с точкой зрения первого секретаря Днепропетровского обкома партии тов. А. Ф. Ватченко, высказанной им на XXIII съезде КПСС. Он сказал, что этот переход надо осуществлять не на отдельных предприятиях, а в целом в городах и приводить в соответствие с этим всю сферу обслуживания населения. Верная мысль! На первых порах мы столкнулись с таким положением, что, пока мать на работе, ясли или детский сад уже закрываются. Или кончают наши работницы смену, а промтоварные магазины вот-вот закроются. Еще серьезнее претензии к работникам транспорта... Да, тут одно от другого — условия труда от условий культурно-бытового обслуживания — никак нельзя отделять.

ВОЛКОВА Лариса, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ комбината:

— Среди наших домостроителей много молодых ребят и девушек, комсомольцев. И каждый второй учится! Теперь можно не только отлично подготовиться к занятиям, но и хорошо после этой подготовки выспаться. Кроме того, рабочая комсомолия вечно в движении — в походах, экскурсиях, на прогулках! И тут два свободных дня подряд очень кстати. В мае мы организуем поход на три дня! Два выходных — это здорово! По себе знаем...

ЦЕНИН Сергей Андреевич, начальник отдела труда и зарплаты:

— Как насчет зарплаты? Твердо говорю, что при переходе на пятидневку с двумя выходными нет никакого ущемления интересов рабочих. Так же, как и интересов предприятия, государства. Число рабочих часов в неделю сохраняется, тарифные условия тоже, сохраняется и система оплаты — премиальные и прочее. Все это очень важно! Правда, при восьмичасовом рабочем дне в течение пяти дней остается один час недоработки. Поэтому у нас каждая восьмая суббота рабочая.

Надо признать, что сначала не все поняли преимущества пятидневки. У меня сохранился любопытный документ, из которого видно, что руководители Хорошевского завода нашего комбината склонялись год назад к возврату на семичасовой рабочий день. Но я помню, что мы провели тогда опрос на всех заводах комбината. И что же? На Хорошевском заводе опросили 821 человека, из них за пятидневку тогда же высказались 82 процента работающих. А кто же был против и почему? 34 человека ссылались на ранний срок закрытия яслей и детских садов, 23 человека — на дальность дороги и плохую работу транспорта. Пришлось нашим руководителям учесть мнение рабочих, походатайствовать об изменениях в сфере обслуживания. На Краснопресненском заводе из 1 493 человек опрошенных лишь пятеро высказались за старую рабочую неделю. И снова причина та же: не устраивают людей часы работы ни детских садов, ни магазинов. Вот и нужно делать выводы из нашего опыта. Перестраиваться — так уж всем!

ГОРДЕЕВА Нина Ивановна, работница Хорошевского завода:

— Мы — за! Нам, рабочим, пятидневка пришлась по душе! Я здесь работаю уже семь лет, из них почти два года по-новому, и я довольна. У меня двое детей, надо их обстирать и то сделать и другое. Хлопот по дому всегда было много, иной раз до всего и руки не доходили. Теперь я убираюсь, стираю в первой половине дня субботы, вторая половина — по магазинам. А воскресенье мое!

Тяжело ли восемь часов быть на работе? Не тяжелее, чем семь. Зато знаю: в конце недели меня ждет настоящее воскресенье! А уж как хорошо-то в летнюю пору!

* * *

В беседе участвовали еще и штукатур Евдокия Николаевна Шалашова, и подсобница Прасковья Ефимовна Смирнова, и другие рабочие Хорошевского завода. Все они повторяли: «Мы за пятидневку!» Но и претензии высказывались дружно! Уменьшился обеденный перерыв — значит, надо улучшить работу заводских столовых, буфетов, кафе. План остался прежним — значит, нужно более четко организовать труд.

МЫ — ЗА! Таково общее мнение московских домостроителей, почти два года работающих по-новому.

РАСК

Болота — мертвое царство. Если верить сказкам, то в любом царстве всегда хранятся клады. Но попробуй подступиться к ним! Богатырская сила нужна. Белорусские крестьяне поверили не сказке, а былям, с которыми пришли в деревню первоклассные машины, знающие специалисты, пришла помощь государства. И это открыло людям золотое дно, как называют здесь осушенные земли.

— Очень кстати на съезде партии зашел разговор о лучшем использовании земель в нечерноземной зоне, об осушении болот, — говорит председатель колхоза имени Кирова, Слуцкого района, Герой Социалистического Труда Сергей Дмитриевич Лемещенко.— Вот посмотрите.— И Сергей Дмитриевич протягивает колхозный отчет.— Статистика. Быль. Сказки остались в прошлом.

Впрочем, это не совсем так. Клады и впрямь сказочные. Взять прошлый год. Посеяли на торфяниках 55 гектаров ячменя, сняли с каждого по 34 центнера зерна; овес на 35 гектарах дал по 39 центнеров. Картофель — по 280. Так щедры все 1 100 гектаров ожившей земли. Поистине золотое дно!

Мухитдин ДЖАББАР

Живые цифры

Как солдаты мира в строй,
Встали цифры в ряд.
О программе трудовой
Цифры говорят.

Словно в зеркале, страна
В них отражена,
В завтра светлое она
Вся устремлена!

В них огни великих ГЭС —
Золотой каскад,
На безводной почве — лес,
На болоте — сад.

Врезана в ладонь пустынь
Раз и навсегда
Голубых прожилок синь —
Бурных рек вода.

Где бродяжил суховей —
Хлопок средь полей,
Точно стаи голубей
В зелени ветвей.

В цифрах — дом, в который я
Не вошел еще,
Песнь, слова которой я
Не нашел еще...

Цифры, будущим дыша,
Встали предо мной.
В них — народная душа,
Мудрой партии душа
Слиты заодно.

Перевел с узбекского
Виталий КАЧАЛОВ.

ГЕРОИ ПРАЗДНИКА—КОСМОНАВТЫ

Под сводами Кремлевского Дворца съездов вновь пронеслись позывные искусственного спутника Луны — мелодия «Интернационала». Это было в тот час, когда здесь собрались трудящиеся столицы на торжественное собрание, посвященное Дню космонавтики.

В президиуме собрания — руководители Коммунистической партии и Правительства СССР, представители братских партий, присутствовавшие на XXIII съезде КПСС, и герои нынешнего праздника — славная семья советских космонавтов.

Первый секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Г. Егорычев поздравил с праздником космонавтов, создателей космических кораблей.

Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш в своей речи говорил об успехах нашей страны в космических исследованиях.

Тепло встретили участники торжественного собрания выступления космонавтов В. В. Николаевой-Терешковой и Ю. А. Гагарина.

— Люди еще пройдут по дорогам Луны,— так говорил Юрий Алексеевич Гагарин,— ступят на поверхность планет, научатся долго жить в космосе и в конце концов проникнут к другим мирам. Но у истоков этих будущих побед — наш сегодняшний творческий труд, гений ленинской партии, воля и энергия миллионов советских людей.

На снимке: в День космонавтики молодежь Дзержинского района Москвы собралась на митинг у обелиска, воздвигнутого в честь запуска первого искусственного спутника Земли.

Фото Г. Омельчука.

ОЛДОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

545 гектаров отвели под культурные пастбища, сотни гектаров под лугами. А пройдет сенокос...

Кормовая база — первейшая забота. Колхоз держит более 2 тысяч голов крупного рогатого скота, из них 950—дойные коровы; почти 2,5 тысячи свиней.

— Как видите,— продолжает председатель,— болота расколдовали не зря. Много ли средств вложили? 150 тысяч. Окупились ли? Не поверите — окупились через год. Сейчас у нас годовой доход почти 2 миллиона рублей, и в них добрая половина «болотных» денег. А клады-то еще не все добыты.

Не все, хотя бросовой земли в колхозе уже нет. Теперь проблема в том, чтобы взять то, что возможно, от освоенных. У главного агронома Аркадия Степановича Дубовского две основные задачи. Ближайшая — освоить новый, прогрессивный севооборот; более дальняя — перевести все осушенные торфяники на гончарный дренаж. Так что сотни тонн зерна, овощей, трав — в резерве.

...Апрель. Воздух еще холоден, ветер еще не отказался от зимних замашек, а жаворонки уже звенят вовсю. Правда, конкуренты у них появились с голосами не такими красивыми, зато громкими. Самолеты. Взлетит такой весенний певец, протянет над полями волшебный веер животворного града (куда там сказки!), сядет, загрузится удобрениями и опять в воздух. Посевная пока не развернулась, но кировцы времени не теряют: подкармливают посевы, луга, пастбища.

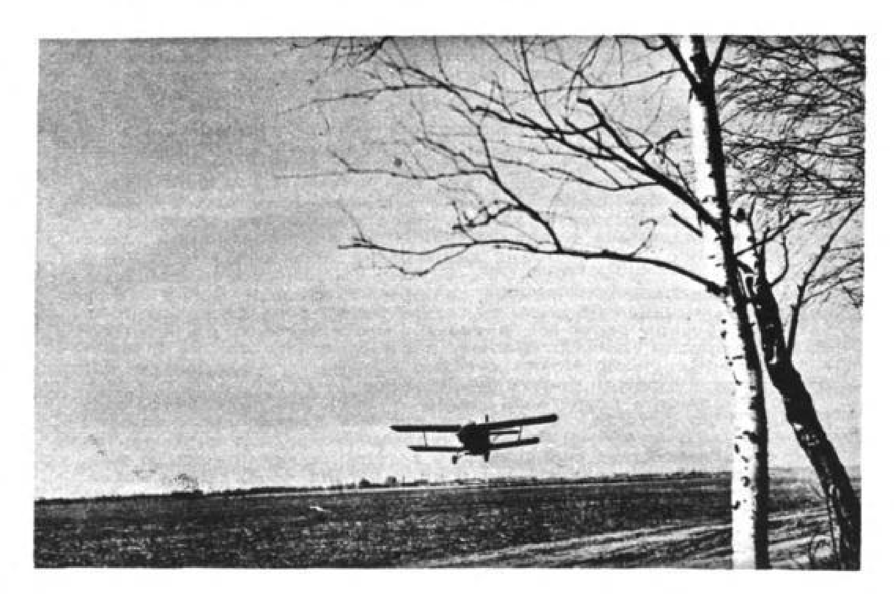
— Если погода позволяет, то до 150 гектаров в день обрабатывают летчики,— рассказывает агроном Н. Ф. Радюк.— Хорошие ребята, один к одному. Что пилоты Бич и Козлов, что техник Константинов. Да и наша бригада на загрузке марку держит: тракторист Францкевич, и четверка Якимовичей — Анастасия, Тамара, Татьяна и Виктор.

Заглянули мы к механизаторам. На машинном дворе все в полной боевой, как выразился заведующий мастерской И. Лесун. Сказал и добавил:

— А Власенко, например, так тот уже к уборочной готовится... Надо же далеко смотреть.

Свои богатства земля отдает только труженикам. А упорный труд открывает сокровища еще более дорогие — душевную щедрость людей.

А. ЩЕРБАКОВ,
спец. корр. «Огонька».

Над золотым дном. Взлетит такой весенний певец и протянет над полями веер животворного града...

Фото А. Мызникова.

В пятом издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина приводится много новых имен. В примечаниях к сорок девятому тому говорится, что с 1906 по 1917 год в эмиграции — в Швеции, Дании и Бельгии — жила большевичка, член партии с 1905 года Раиса Андреевна Сковно. Она работала на табачной и швейной фабриках, входила в местные партийные группы, а в апреле 1917 года с другими русскими эмигрантами-большевиками вернулась в Россию.

В. И. Ленин упоминает о ней в одном из своих писем. Недавно я узнал, что на известной фотографии, сделанной в апреле 1917 года в Стокгольме, когда группа русских эмигрантов во главе с Лениным направлялась на вокзал, есть и Р. А. Сковно (крайняя слева).

Теперь Раисе Андреевне восемьдесят три года, но выглядит она довольно бодро, хорошо помнит первую свою встречу с Владимиром Ильичем, происшедшую в Стокгольме. Вот ее рассказ об этой встрече.

П. Чуман

С ЛЕНИНЫМ В РОССИЮ

Р. СКОВНО,
член партии с 1905 года

В Стокгольме мы с нетерпением ждали приезда Ленина. Брат мой, член партии с 1903 года, написал из Цюриха, что он едет в Россию вместе с Владимиром Ильичем, и предупреждал, чтобы я была готова к отъезду.

Владимира Ильича и приехавших с ним товарищей тепло встретили шведские левые социал-демократы, причем особо высокое уважение к Ленину проявил городской голова. В честь русских товарищей был устроен обед в первоклассном ресторане. Только обед в общем-то не состоялся. А было так. Мы все знали, что Владимир Ильич очень спешит вернуться в Россию. Одному из участников нашей стокгольмской большевистской группы было поручено вместе со шведскими друзьями договориться, чтобы В. И. Ленину и возвращавшимся с ним товарищам предоставили спальный вагон. И вот случилось же так: в самом начале обеда вдруг появился наш товарищ и громко сообщил: «Спальный вагон подан». Эта радостная весть так всполошила нас, что мы сразу же встали из-за стола, оставив почти не тронутым вкусный обед, и поспешили на вокзал.

По пути на вокзал нас сфотографировали. Фотография эта обнаружена всего лишь несколько лет тому назад в одной шведской газете. И теперь я часто с радостью рассматриваю ее.

В нашем спальном вагоне все же не хватило одного места. Кто-то должен был бодрствовать. И тогда мы решили все по очереди нести дежурство по вагону. Но в расписание дежурств не включили Владимира Ильича. Однако Ленин воспротивился нашему намерению, сам составил расписание и дежурил наравне с нами.

В вагоне, соседнем с нашим, ехали русские солдаты. Когда Владимир Ильич узнал об этом, он тотчас же отправился к ним побеседовать. Беседа вылилась в своеобразный митинг. Один унтер-офицер спросил Ленина: «Почему вы предлагаете воткнуть штык в землю?» Владимир Ильич ответил ему: «Нет, не в землю. Вы оберните свои штыки против буржуазии».

По Финляндии разнеслась весть о том, что в Россию едет Ленин. И на остановках финские рабочие подходили к нашему вагону с лозунгами: «Да здравствует смелый вождь рабочих Ленин! Он освобождает свой народ, а следом за ним пойдем и мы». Жены рабочих передавали нам в окно вагона хлеб, сыр и масло. А так как в Стокгольме мы пообедать не успели, то это угощение пришлось очень кстати.

Поздно вечером 16 апреля мы приехали в Петроград. Тысячи петроградских рабочих, солдат и матросов восторженно встречали возвратившегося в Россию Ильича.

Андрей **МАЛЫШКО**

Строки о Ленине

Нет, не о громкой думал он судьбе —
Судьба в поход нелегкий снаряжала:
Скрывайся,
Жгучесть пуль носи в себе,
Почувствуй яд предательского жала.

Но даль пройди,
Но злую ночь прорви,
Но дай огонь надежды угнетенным!..
И шел он. Шел, держа над миром темным
Созвучье света, правды и любви.

Чтоб там, где хлынут ливнем эти звуки
В могучие, в раскованные руки,
С сердцами миллионов слить свое —
И, встретив славу,
Не узнать ее.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

●

Поиски, находки...

Книги семьи Ульяновых

В книге И. И. Блюменталя «В. И. Ленин в Самаре», изданной в Самаре в 1925 году с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой, есть такое ее свидетельство: «Ликвидируя свое имущество в Самаре, мы пожертвовали много книг в Самарскую губернскую библиотеку».

Недавно удалось обнаружить официальный документ, в котором, оказывается, был зафиксирован сам факт пожертвования книг Самарской библиотеке Ульяновыми перед их отъездом осенью 1893 года в Москву.

Документ этот называется «Отчет Александровской публичной библиотеки за 1893 г.». Издан он в Самаре годом позже, и там в разделе III — «Приобретения библиотеки» — приводится список лиц, пожертвовавших книги в 1893 году. На странице седьмой под номерами 35 и 36 здесь значатся фамилии Елизарова и Ульяновой.

Инициалы приводятся в списке, к сожалению, неточно. Видимо, регистрировавший пожертвования просто ошибся. Вместо М. Т. Елизаров напечатано Г. Елизаров, а вместо А. И. Ульянова — О. И. Ульянова.

Однако, несмотря на эти ошибки, несомненно, что книги были переданы библиотеке Марком Тимофеевичем Елизаровым и его женой Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой.

В «Отчете Александровской публичной библиотеки» приводится и количество русских и иностранных книг, пожертвованных Ульяновыми,— 57 томов.

Однако сохранились ли эти книги в Куйбышевской областной библиотеке или хотя бы список их, это пока остается неизвестным.

В. ЧУЕВ

●

Микуль **ШУЛЬГИН**

Песня

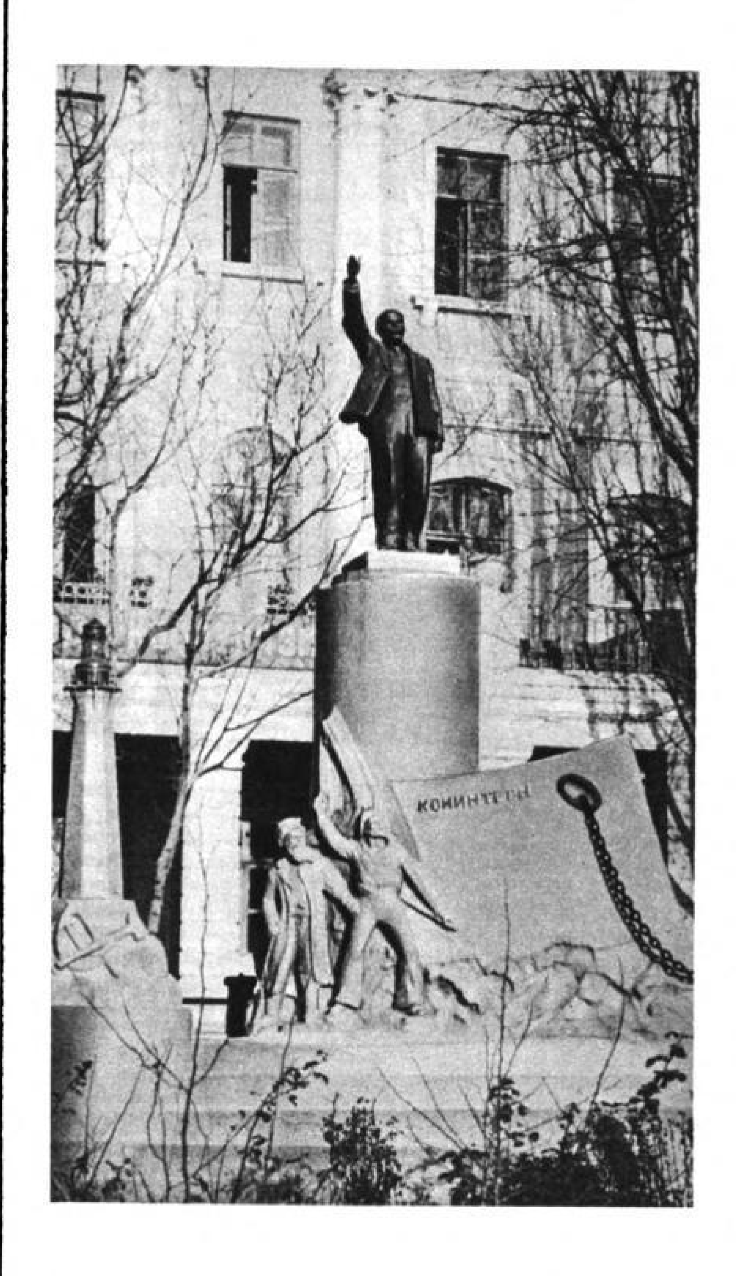
...У обских берегов,
У стремительных вод
Жил народ,
Жил хороший
И добрый народ.
Он трудиться любил,
Он трудиться умел,
От трудов же своих
Ничего не имел.
Он свободы и правды
Не видел в ночи:
Ослепили, согнули его
Богачи.
И жила средь людей
Лихоимка-беда,
И шумели года,
Как обская вода.
Но, когда богатырь
Народился, могуч,
И пробился, как луч
Сквозь неистовость туч,
Застучали сердца бедноты
Горячо:
— Солнце правды взошло.
Победим с Ильичем!

Вороньем разлетелись
От жарких лучей
Стаи жадных князей,
Стаи злых богачей.
И навеки прозрел,
Разогнулся народ
У обских берегов,
У стремительных вод.

Ханты
С Лениным в сердце
За Лениным шли.
Ханты радость нашли,
Ханты счастье нашли,
И сложили
Чудесную песню они.
Я ее запеваю,
А ты подтяни!

Перевел с хантыйского
Анатолий ТЕТЕРЕВЛЕВ.

Село Винзили,
Тюменской области.

СКВОЗЬ ГОДЫ И ОГОНЬ

Я хочу рассказать читателям «Огонька» об удивительной судьбе первого на Черноморском побережье памятника Владимиру Ильичу Ленину. В устах народа история этого памятника звучит, как легенда. Но мой рассказ основан на подлинных документальных данных.

Это было в 1925-м. Первый год молодая Республика Советов жила без Ленина. Новороссийцы решили увековечить в бронзе образ великого вождя трудящихся.

Президиум Черноморского окружного совета профессиональных союзов обратился ко всем членам профсоюза, ко всем жителям города с призывом начать денежные сборы на сооружение памятника Владимиру Ильичу. Для этого в банке был открыт специальный счет.

Первый взнос сделали сотрудники городской газеты «Красное Черноморье» и Черноморского окружного совета профсоюзов. Портовики, цементники, рыбаки с готовностью давали деньги на постройку памятника.

Сбор средств прошел очень успешно, и уже в первых числах января 1926 года в порту, перед Дворцом труда (ныне управление морского торгового порта), началось сооружение памятника. Пьедестал его воздвигался по проекту братьев Дитрих, автор же самой скульптуры пока что окончательно не установлен. 1 мая того же года состоялось открытие первого на Черноморье памятника Владимиру Ильичу Ленину.

На площади у Дворца труда собралась масса народа. На торжества по случаю открытия памятника из окрестных городов и станиц приехали десятки делегаций.

...В начале Великой Отечественной войны фашисты захватили Новороссийск и до основания разрушили его. Но когда гитлеровцев выбили из города, то ворвавшиеся в Новороссийск наши солдаты и моряки увидели, что в порту среди развалин и едкого дыма стоит целый и невредимый памятник Владимиру Ильичу Ленину. Чудом уцелел памятник в жестоких боях. И гитлеровцы, отступая, не успели его разрушить. Ни один осколок, ни одна пуля не задели его!

А. ПОДОЛЬСКИЙ

Фото А. Архангельского.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ

Юрий ЮРОВ

Письмо из Стокгольма Ленин получил в Петрограде 21 апреля 1917 года и в тот же день написал ответ своему корреспонденту, члену Заграничного бюро ЦК Якову Станиславовичу Ганецкому.

Ленинское письмо содержало весьма краткое сообщение о внутрипартийных делах. В стране издается около пятнадцати большевистских газет. Завтра начинается Всероссийская конференция партии... Несколькими штрихами Ленин обрисовал политическую обстановку, сложившуюся к тому времени в столице России:

«В Питере все кипит: по поводу ноты правительства со вчерашнего дня идут митинги и демонстрации. Организоваться среди всего этого кипения крайне трудно. Все заняты по горло...»

Есть в ленинском письме и такие строчки:

«Сегодня такой горячий день, что написать подробного письма и резолюций по поводу конференции и пр. не можем. Все узнаете из «Правды», которую посылаем...»

...Сегодня такой горячий день! Какие же события разыгрались в Петрограде 21 апреля семнадцатого года? Чем был занят тогда Владимир Ильич?

18 апреля (1 мая по новому стилю) трудовой Питер впервые свободно праздновал первомайский праздник. На Марсовом поле проходили массовые митинги. Вместе с рабочими Выборгского района здесь в полдень появился Ленин. Он шел в первом ряду праздничной колонны.

Владимир Ильич поднялся на импровизированную трибуну и поздравил с праздником рабочих и солдат.

Вечером того же дня Ленина слушали участники многолюдного митинга, состоявшегося на Охте. Владимир Ильич выступил перед рабочими Охтенских пороховых заводов, солдатами местной команды и матросами Морского полигона.

«Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо,— вспоминала Надежда Константиновна.— Живя за границей, мы обычно ходили на маевки, но одно дело — маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм».

По-своему ознаменовало этот весенний день Временное правительство. Оно принесло клятву верности своим союзникам: дескать, не волнуйтесь, мы не подведем — война до победного конца, за пушечным мясом дело не станет... Вот какой характер носила эта нота, о которой упоминает Ленин в письме Ганецкому.

Утром 19 апреля нота министра иностранных дел Милюкова стала достоянием читателей всех петроградских газет. Временное правительство само себя разоблачило. Тайное стало явным.

«Эта нота произвела впечатление разорвавшейся бомбы»,— писал Владимир Ильич в одной из своих статей, опубликованных в «Правде» 20 апреля.

«Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах»— так начиналась другая ленинская статья в «Правде».

Петроград бурлил. Полк за полком — двадцать пять тысяч солдат — вышли с оружием из казарм для того, чтобы перед Мариинским дворцом заявить оскандалившемуся Временному правительству: «Нет!» На заводах и фабриках вспыхивали митинги. Но малейшая опрометчивость могла повредить делу революции, и нужна была ленинская прозорливость, чтобы предостеречь массы в тот момент от поспешных, преждевременных шагов. Партия звала к мирным демонстрациям под лозунгом «Вся власть Советам!».

Более ста тысяч человек вышло на улицы Петрограда 20 и 21 апреля. Это была мощная демонстрация против антинародной политики Временного правительства, против империалистической войны. Самая внушительная демонстрация состоялась 21 апреля.

В тот самый горячий день, о котором Ленин писал Ганецкому.

Рано утром Центральный Комитет партии обсудил положение, создавшееся в Петрограде. Была принята ленинская резолюция о задачах партии в связи с кризисом Временного правительства. Через несколько часов о ней уже знали на заводах и фабриках, в солдатских казармах, флотских экипажах.

Во второй половине дня колонны демонстрантов пошли от рабочих окраин к центру. Впереди — отряды Красной гвардии...

Но милюковская нота всколыхнула не только рабочих и солдат, поднялась на ноги вся буржуазия. Сигнал боевой тревоги был дан всем черносотенным бандам. Погромщики на улицах хватали и избивали каждого, кто открыто выражал протест Временному правительству.

...События горячего дня живо запечатлелись в памяти Крупской.

«21 апреля я должна была встретиться с Ильичем у Данского,— рассказывала она.—Мне был дан адрес: Старо-Невский, 3, и я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем!» — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре.— «Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков... «Перебить бы всех этих мерзавцев»,— кипятился какой-то котелок... Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина».

На Невском проспекте собрался весь черносотенный сброд. Еще днем у Екатерининского канала было совершено нападение на одну из колонн демонстрантов. Офицер с обнаженной саблей бросился на рабочих. Вечером юнкера пытались вырвать знамя, которое несли путиловцы. Не получилось. Но сторонники Временного правительства продолжали бесноваться.

...«Эти последние и не подозревали,— вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, возглавлявший колонну Песковского района,— что по личной инициативе Владимира Ильича, прекрасно изучившего природу уличного боя, при разработке плана демонстрации «на всякий случай», как выразился тогда Владимир Ильич, контрдемонстранты были взяты в тройные клещи пролетарских отрядов и колонн «мирной вооруженной демонстрации» рабочих Петрограда. Они, очевидно, об этом сообразили после, когда пытались удирать с Невского и все время сталкивались лицом к лицу со стоявшими рабочими Песковского, Невского и других районов или с демонстрирующими колоннами, шедшими по всем улицам, перпендикулярным Невскому, готовыми замкнуть в мышеловку представителей буржуазии и всех друзей Временного правительства и таким образом разделить силы контрдемонстрантов в любой момент, если бы потребовалось, и раздавить насмерть любую их часть, припёрши к домам левой стороны Невского».

Главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Корнилов попытался заговорить с рабочими языком пушек. Двум батареям Михайловского артиллерийского училища было приказано занять огневые позиции на Дворцовой площади. Тоже не вышло. Почему? Генерал объяснял потом в махровой черносотенной газете «Вечернее время», что, дескать, через пять минут он одумался и отменил свой приказ. Не в том, разумеется, дело. Большевики действовали и среди артиллеристов.

Солдатам Гренадерского полка приказали занять исходные позиции у дворца Кшесинской. Гренадеры должны были атаковать «штаб-квартиру ленинцев», как называли в те дни котелки дворец, где разместились Центральный и Петроградский комитеты большевиков. Но у солдат были другие планы.

«Через полчаса после этого распоряжения последовало новое распоряжение, по которому было приказано солдатам Гренадерского полка оставаться в казармах»,— гласило опровержение главнокомандующего, появившееся на страницах «Русской воли»— одной из наиболее гнусных буржуазных газет.

Особое задание получили «шляпки» с телефонной станции: не давать Ленину связаться из редакции «Правды» с руководящими партийными центрами.

Весьма интересный документ появился в этой связи шестью днями позже на страницах «Правды»: постановление центрального комитета городских служащих по поводу некоторых телефонисток, которые 21 апреля «отказались соединять телефон т. Ленина и дворец Кшесинской». Их поведение признали совершенно недопустимым, им объявили строгое порицание...

Накануне горячего дня на страницах «Правды» появилось несколько извещений Исполнительной комиссии Центрального Комитета партии. Все они были связаны с подготовкой к открытию Всероссийской конференции партии.

Со всех концов России съезжались делегаты. Места в гостиницах, естественно, им были недоступны, и Исполнительная комиссия обращалась к петроградским товарищам с просьбой «оказать содействие по прискканию квартир и ночлегов для приезжающих на Конференцию 22 апреля».

Делегатам сообщались координаты дежурных во дворце Кшесинской, принимавших гостей. И в том же номере «Правды» можно найти такое приглашение:

«Просим товарищей, умеющих стенографировать, помочь записывать прения и речи на Всероссийской Конференции, созываемой ЦК РСДРП на 22 апреля. С заявлениями обращаться по адресу: Дворянская, 2 от 9 ч. до 9 час. вечера».

Наступило 22 апреля. Открыть конференцию в объявленный день не удалось. Это произошло два дня спустя. Кто же записывал прения и речи?

Поиски участников событий горячего дня привели меня к члену КПСС с 1914 года В. Ф. Алексеевой. Валентина Федоровна работала в то время в Бюро печати Центрального Комитета партии.

Оказалось, что она посвящена во все детали приглашения стенографисток на конференцию.

Дело было так. В Таврический дворец к думским стенографисткам явился Глеб Иванович Бокий, принимавший деятельное участие в подготовке конференции.

— Не будем с немецкими шпионами работать,— заявили истеричные дамы...

Поручение пригласить стенографисток получила и Валентина Федоровна Алексеева. Приехала на Петроградскую сторону, нашла нужный дом, позвонила в квартиру, спросила, здесь ли живет стенографистка.

— Это как раз я,— отозвалась женщина, открывшая дверь.

— Я приехала к вам переговорить, не можете ли вы вести стенограмму Всероссийской конференции большевиков,— сказала Алексеева.

— Боль-ше-ви-ков? — ужаснулась парламентская стенографистка.

— Она сразу вытянулась, приняла агрессивную позу,— вспоминает Валентина Федоровна.— Нет, с большевиками я не работаю. И захлопнула за мной дверь со всей силой...

Тем и кончилась попытка пригласить на конференцию квалифицированных стенографисток.

События горячего дня нашли свое отражение на страницах «Правды». Ленин написал в тот день статью, редактировал материалы. Телефонный инцидент — лишь маленькая иллюстрация, показывающая, в каких условиях приходилось работать Ильичу.

«На грех, «Правда» помещалась на Мойке, у самого Невского, где жила такая публика, что на ее симпатии к большевикам нечего было рассчитывать,— рассказывала Мария Ильинична Ульянова.— Когда страсти особенно разгорались, как это было, например, во время демонстраций 20—21 апреля, в редакцию и типографию «Правды» вызывалась охрана. Однажды вечером, когда Ильич был в редакции, прибежал кто-то из товарищей и убедил его уехать оттуда — враждебная манифестация была у самой редакции. На извозчике, в сопровождении солдата с винтовкой Владимир Ильич уехал из редакции на квартиру одного знакомого на Невском, 3»...

На что была способна русская бульварная печать, хорошо известно. Верная своим нравам «Биржовка» сообщила 22 апреля:

«Поздно ночью по городу разнесся слух о том, что В. И. Ленин покинул Петроград».

Другой пасквилянтский листок называл и место, где находился Ленин,— в Москве. А где же был в действительности Ильич в тот день, когда продажная пресса распространяла этот вздор? Он вел последнее (четвертое) заседание Петроградской общегородской партийной конференции.

«Ленин нашелся»,— выдало сенсацию «Вечернее время» 24 апреля. И где же, вы думаете? В Иваново-Вознесенске. Там он, оказывается, «ведет усиленную агитацию в духе ленинских идей». Это «достоверное» сообщение редакция получила по телефону от своего московского корреспондента.

Владимир Ильич действительно вел в этот день агитацию «в духе ленинских идей». Но происходило это в Петрограде, в здании Женского медицинского института. Там вступительной речью Ленина в 10 часов утра открылась историческая Апрельская Всероссийская конференция нашей партии...

...Быстро бегали перья и карандаши в руках секретарей, которым поручили вести протоколы конференции. Это были преимущественно студенты-большевики. Место одной из стенографисток заняла Валя, как тогда звали партийные товарищи Алексееву — сотрудницу Бюро печати Центрального Комитета партии.

Я видел профиль...

Георгий АГУЗАРОВ

Я видел профиль этот в саклях низких
И этот взгляд, пронзивший даль и мрак,
Он высечен на скалах осетинских,
В нехоженых заснеженных горах.

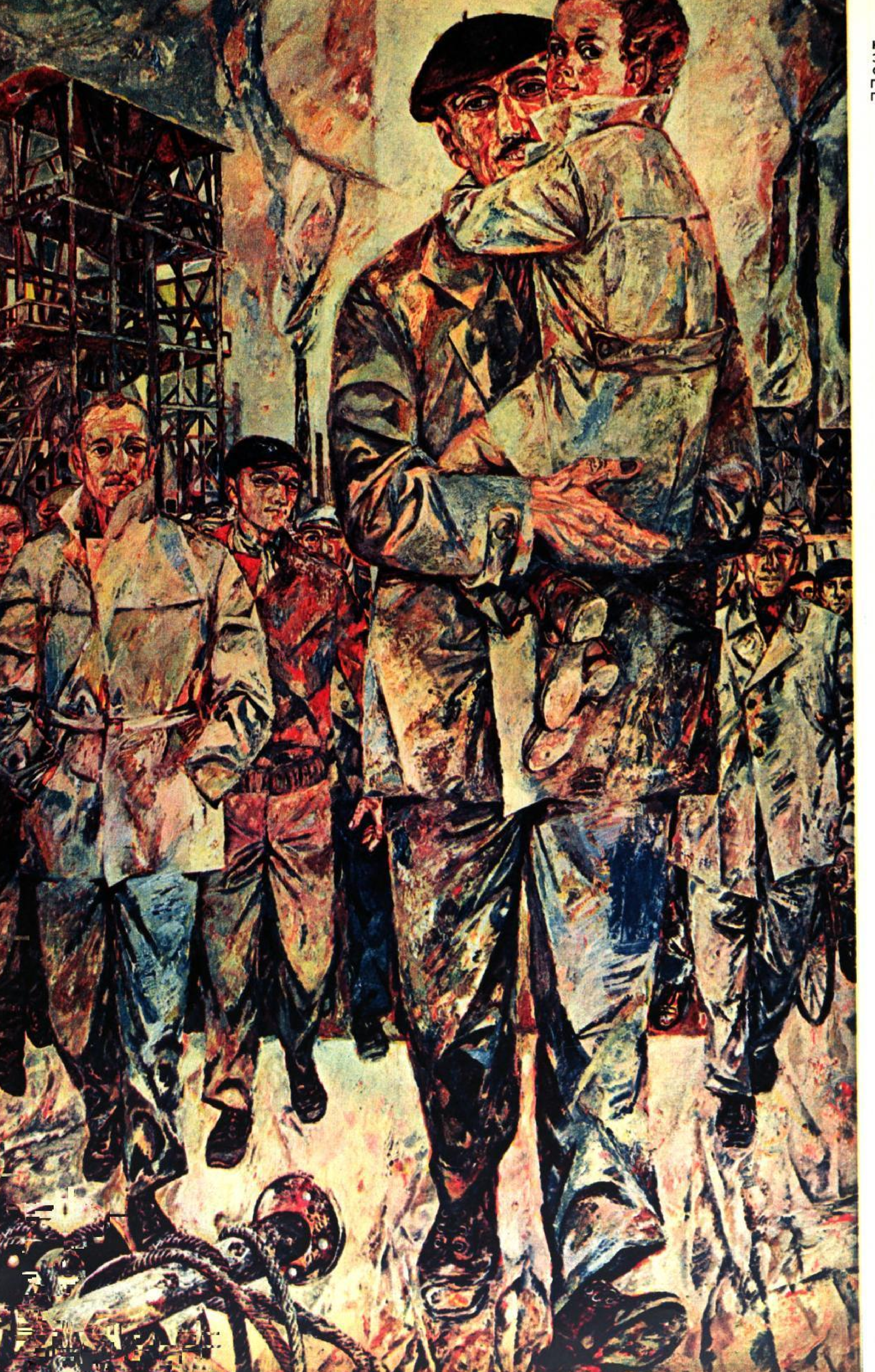
Сметая все преграды и помехи,
Свобода шла, как утро, наяву,
И слово ЛЕНИН повторяло эхо
И горца рог, трубящий в синеву.

Меня любви захлестывают волны,
И я хочу сказать: — Благодарю!
За свет в горах, за смех в аулах вольных,
За то, что я с тобою говорю!..

Я ночь не спал.
Я шел уснувшим городом,
И плыл перед глазами Мавзолей,—
Обычный френч, цветущий ало орден,
Высокий лоб, орлиный взлет бровей.

Перевел с осетинского
Анатолий ЗАЯЦ

Б. Геллер (Берлин). ГАВРОШ. 1952.

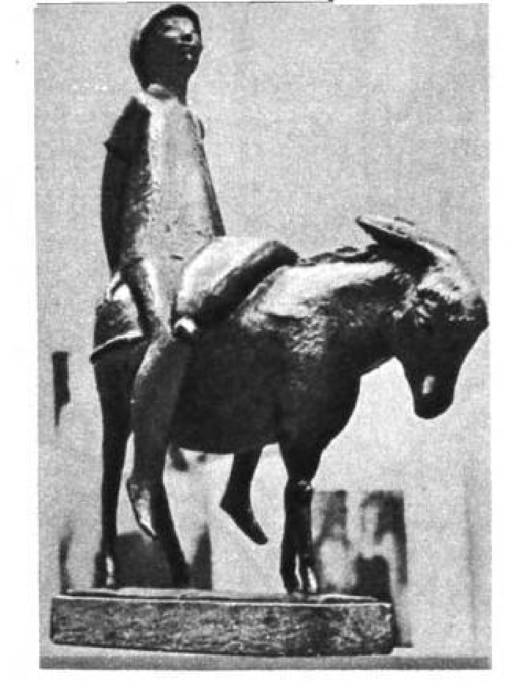

К. Мюллер (Галле).
ЗАБАСТОВКА
ФРАНЦУЗСКИХ
ГОРНЯКОВ
ПОБЕДИЛА. 1963.

Дружба советских художников и художников ГДР крепнет с каждым днем. Стали доброй традицией обмен визитами и выставками, знакомство с творчеством друг друга, обсуждение проблем современного искусства. Сегодня в журнале воспроизведены работы лауреатов Национальной премии ГДР живописцев Берта Геллера и Карла Эриха Мюллера и скульптора Герхарда Гайера.

Наш корреспондент Эльвира Попова встретилась с советником по вопросам культуры посольства Германской Демократической Республики в Москве **Хельмутом ШЛЕММОМ** и членом-корреспондентом Академии художеств СССР, секретарем Правления Союза советских художников **Николаем ПОНОМАРЕВЫМ** и попросила их рассказать о творческих связях и дружбе мастеров изобразительного искусства двух стран.

ПУТИ ДРУЖБЫ

Г. Гайер (Галле). МАЛЬЧИК НА ОСЛЕ.

Хельмут ШЛЕММ:

— У Берта Геллера есть такое полотно: поставив мольберт прямо в поле, художник пишет картину. Его обступила толпа — молодые рабочие, старики, женщины, дети... Произведение автор назвал «Прощай, башня из слоновой кости!». И эти слова могут быть девизом искусства нашей республики. Народность — вот основной критерий современной живописи ГДР. В творчестве художника Геллера главная тема — любовь к человеку, человеку-борцу. К человеку, который своим трудом, талантом создает основы доброй, счастливой жизни. Художник писал портрет Вильгельма Пика. В это время товарищ Пик был смертельно болен. Болезнь уже наложила свой неизгладимый отпечаток на его внешность, но была не в силах сломить душевную стойкость этого бесконечно дорогого нам человека. Таким и запечатлел его навсегда Берт Геллер...

Карл Эрих Мюллер тесно связан с рабочим классом республики. Художник часто приезжает на заводы, предприятия и там создает картины. Герои его — наши современники, свободные, сильные и счастливые люди. И живописец любит изображать их в свойственной ему, индивидуальной манере, с подчеркнутой экспрессией — напряженно, эмоционально, заостренными художественными средствами. Мастер хочет, чтобы сама форма заявляла об общественном, гражданском характере его полотен.

О путях развития нашего нового, социалистического искусства, о поисках средств художественной выразительности художники ГДР много, горячо и серьезно спорят. Быть может, во время одной из таких дискуссий и возник у Карла Мюллера замысел группового портрета «В мастерской», опубликованного на вкладке «Огонька».

В этой мастерской часто бывают и советские художники. Ведь ежегодно многие немецкие деятели искусства едут в СССР, а советские художники приезжают к нам. Каждая поездка — это выставки, новое познание жизни дружественной страны, народа. У художников оно невозможно без карандаша, альбома, кисти, этюдника... Невозможно без творчества!

Скоро прибудет в Москву, а затем отправится в Ленинград наш известный скульптор, лауреат Национальной премии Ганс Кис, чтобы работать в мастерской народного художника СССР М. К. Аникушина над созданием галереи портретов выдающихся деятелей советской культуры. Несколько немецких художников отправятся по следам фильма «Русское чудо», чтобы своими глазами увидеть и еще раз запечатлеть великие стройки Сибири, их богатырей-строителей. Вместе с другими, видимо, поедет и превосходный наш скульптор Герхард Гайер. Лучшие из тех произведений, что будут созданы в ближайшие годы, в том числе и по материалам поездок по СССР, художники намерены посвятить 50-летию Великой Октябрьской революции.

«Мирное утро на Унтер-ден-Линден», «Берлин. Набережная Шпрее», «Берлин в мае 1945 года», «У Бранденбургских ворот 2 мая 1945 года», «Фридрих-штрассе»... Так называются графические листы, которые советский художник Владимир Богаткин выполнил с натуры в последние дни войны. Многие из них хранятся ныне в Третьяковской галерее. И вот 16 документальных рисунков и две автолитографии 1945 года в последний свой приезд к нам в ГДР Владимир Богаткин, частый наш гость и большой друг многих немецких художников, преподнес в дар Дрезденской художественной галерее.

В дни 20-летия освобождения Советской Армией нашей страны от фашизма в залах Дрезденской галереи было необычно много народу. Дрезденцы шли в свой музей на встречу с тремя советскими художниками, теми, кто принимал деятельное участие в спасении шедевров мирового искусства — сокровищ Дрезденской галереи. Михаил Володин, Николай Пономарев и Степан Чураков были приглашены правительством ГДР, и все трое показывали теперь жителям возрожденного Дрездена свои произведения.

Николай ПОНОМАРЕВ:

— Да, бывают события, которые никогда не забудутся.

...Май 1945 года. Населенный пункт Гросс-Котта в окрестностях Дрездена. Заброшенная штольня старой каменоломни, которую эсэсовцы обозначили на шифрованной карте значком «Т» — туннель. Так как в каменоломне работы не велись, то туннель легко было закрыть с обеих сторон. К сокровищам вела деревянная дверь. Кому могло прийти в голову, что за ней — неисчислимые ценности! На ржавых рельсах в товарном вагоне — тринадцать полотен Рембрандта, Вермеера Дельфтского, Джорджоне, Тициана, Тинторетто...

А величайшее творение человечества — «Мадонну Сикстину» — наши разведчики обнаружили неподалеку, на захламленном дворе скотобойни...

Мы, тогда еще молодые студенты-дипломники Московского художественного института, вместе с искусствоведами, реставраторами прибыли в Дрезден по особой командировке Советского правительства. Солдаты и офицеры Первого Украинского фронта помогали нашей бригаде. Бережно вынули мы «Сикстинскую мадонну» из деревянного плоского ящика, отперев четыре замка по его сторонам... В молчании сняли шапки. А вслед за нами сдернули с голов выгоревшие пилотки бойцы. Спасая бессмертную красоту для грядущих поколений, эти русские парни прошли тяжелый, выжженный огнем путь от Волги до Эльбы. Да и теперь, когда уже для всех наступил мир, продолжали рисковать жизнью. Разминировали подступы к завалам и входам. Извлекали начиненные взрывчаткой фаустпатроны. На руках спускали с чердаков, поднимали из узких, осклизлых шурфов тяжелые полотна, не повредив и царапиной лепные золоченые рамы. Ночью стояли часовыми, охраняя спасенные сокровища, а днем постигали мирную квалификацию музейных работников — как ухаживать за произведениями искусства, упаковывать и переносить картины, укладывать их...

Мы, штатские специалисты, бывшие тогда и разведчиками, и саперами, и такелажниками, оказывали картинам «первую помощь»... Степан Чураков полосками бумаги перевязывал покрывшуюся от сырости язвами рубенсовскую «Вирсавию». Достали ее из известковой шахты близ селения Лилиенфельд, почти на границе с Чехословакией. Картины там были свалены друг на друга, с потолка и стен шахты стекала на них вода...

Все найденные шедевры свозили мы с разных концов Германии в Пильниц — загородный дворец под Дрезденом. Потому что от самого города в одну ночь после массового налета англо-американской авиации осталась лишь гигантская груда битого кирпича, камня, железа, похоронившая 300 тысяч людей и все еще кое-где вздрагивавшая от разрывов мин...

Такое невозможно забыть! Да и должно помнить, чтоб не забыли об этом другие, те, кто не видел, кому сегодня двадцать!

...На небольшой нашей выставке, открывшейся в прошлом году в Дрезденском музее, былое с предельной четкостью встало в памяти. Смотрел я на посетителей — веселую молодежь, на добрые лица пожилых людей. И вспомнил другие лица — лица бойцов, с которыми вместе выпало мне на долю спасать красоту.

Года два назад разлился весенний Одер, и наши бойцы помогали спасать людей, имущество... Так что просто-напросто не могла она не появиться — эта картина Франка Глазера «Помощь пострадавшим от наводнения». На первом ее плане — советский солдат по пояс в воде выносит на руках женщину, как, может быть, двадцать лет назад его отец выносил из дымящихся развалин немецких детей и, презирая смерть, спасал из сырости и мрака заминированных подземелий величайшие творения искусства.

ИНТЕРЕСНАЯ ВСТРЕЧА. Рисунок народного художника СССР Н. ЖУКОВА.

Как самое родное

Дмитрий БЛЫНСКИЙ

Мальчишка был по-детски откровенен,
И не скрывал большого счастья он,
Когда сложил впервые имя ЛЕНИН,
Как самое родное
Из имен.

С ровесниками школьными своими
Мальчишка вырос в маленьком селе
И взял с собой в дорогу это имя,
Как самое родное
На земле.

Он прошагал дорогою полсвета,
Растил хлеба и строил города,
И всюду окрыляло имя это,
Как самое родное
Навсегда.

Он в космос вышел с думой дерзновенной,
Чтоб покорить его наверняка,
И нес он имя ЛЕНИН по Вселенной,
Как самое родное
На века.

Полны любви и гордости народной,
Дерзают с этим именем сердца.
Оно горит звездою путеводной,
Как самое родное
До конца!

Михаил РЖЕВИН

Августовская зорька

Рассказ-быль

Все началось с неудачной охоты на Московском море.

Субботним вечером, уже затемно, добрался я до деревни Безбородово, Калининской области. Остановился на ночь у старых знакомых. Взял лодку и в сопровождении Алексея Рубцова, местного егеря, отплыл к далеким островам, расположенным на Волге.

Алексей рассказывал, какое здесь было обилие дичи до того, как охотники сели на свои автомобили, как глухари в былые времена залетали к курам в курятники. И вдруг помянул, что в эти края, было время, и Ленин заезжал поохотиться.

Мне уже в который раз доводилось слышать о ленинской охоте. И под Загорском, и на Смоленщине, и здесь вот. Несколько раз я проверял, сохранились ли очевидцы, но каждый раз в своих поисках наталкивался всего лишь на легенду. Видимо, местным любителям охоты очень хотелось, чтобы и их край был как-то связан с именем Ленина. «Наверное, и здесь только легенда?» — подумал я, но на всякий случай расспросил Алексея, не остались ли где-либо в окрестных деревнях свидетели и очевидцы той охоты.

— Остались!— ответил Алексей. — И недалеко от этих мест.

Все так же было и в других краях. Называли очевидцев, даже участников охоты, но когда я добирался до них, все рассыпалось.

— Ежели есть желание,— предложил Алексей,— проедем мы тут к одному старичку. Он вам все в точности представит.

Познакомил меня Алексей со своим отцом, Иваном Прокофьевичем.

И все же мои опасения были не напрасны. Алексей попросил отца рассказать, как охотился в здешних местах Ленин, а старик начал с обычной в таких случаях фразы:

— Старики сказывали, что приезжал в давние времена Ильич на охоту в село Шошу... Недалече это село-то от нас...

Иван Прокофьевич говорил довольно живо и интересно, видимо, не раз ему приходилось пересказывать эту легенду, но иначе, как к легенде, я к его словам уже относиться не мог.

Когда он кончил, я осторожно, стараясь не обидеть старика, спросил, а есть ли кто сейчас в живых, кто помнил бы этот приезд. Покопался в своей памяти старик и вдруг нашел. Остался в живых кто-то из Ермилиных, у которых, по легенде, и останавливался Ленин.

Иван Прокофьевич упоминал эту семью как вполне реальную. Он рассказывал и об Ефиме Ермилине, в чьем доме ночевал Ленин, и о его сыне Сергее, который якобы сопровождал Ленина на охоте в роли егеря. Сам Сергей работал на лесоразработках, леса местные знал вдоль и поперек, не то что каждую тропку, но чуть ли и не каждый кустик. Основа у легенды выглядела правдоподобной. Вспомнили, что жив брат Сергея, что живет он где-то в Москве. Ну, а уточнить адрес у односельчан особого труда не составило. Пока выяснял и разыскивал этот адрес, рассказ о ленинской охоте обрастал новыми деталями, новыми подробностями. Если бы в мою задачу входило провести исследование, как рождается народный сказ, вероятно, это можно было бы сделать с успехом. Можно было бы проследить за устойчивостью некоторых сюжетных положений, которые оставались неизменными при массе вариантов в деталях.

Вот эта самая повторяемость в деталях внушала мне надежду. Я не отступился и нашел адрес Ермилина.

Василий Ефимович — брат того самого Сергея, который работал на лесоразработках, но с Лениным не охотился. С Лениным охотился сам Василий Ефимович. Он лес знал не хуже, к тому же и сам был большим любителем ружейной охоты.

Живой и еще очень подвижный старик семидесяти шести лет встретил меня приветливо. Мы сразу же объяснились, и велико же было мое удивление! До сих пор еще никто не навестил Василия Ефимовича и не расспрашивал о Ленине.

Итак, в 192... году. В каком же все-таки? В двадцать первом или двадцать втором? Вот этого-то Василий Ефимович никак не мог вспомнить. Стерла память и примет не оставила.

Из Городища в Шошу приехали местные работники и предупредили Василия Ефимовича, что к нему приедут из Москвы гости, что он должен показать им лучшие охотничьи места и поводить по лесу. Пора была рабочая, страдная, жали и косили рожь.

Гостей ждали в субботу к вечеру. Василий с обеда начал готовиться к охоте. С боеприпасами было трудновато. Пороху ружейного еще можно было добыть — на базаре в Твери продавался,— а дробь приходилось самому катать на сковородке. Мелких номеров не получалось: хороша была для зайца, на пролетную утку, для тетеревов крупна. Одна надежда была, что московские охотники привезут готовые патроны. А какого калибра? Ружье у Василия было двенадцатого. Набил несколько металлических гильз на всякий случай: а ну как у москвичей ружья шестнадцатого калибра, легкие, для лесной охоты? Присел на плетень, свернул козью ножку.

Зажег спичку и только закурил, как увидел столб дыма за околицей. Даже привскочил. Не горит ли что? Дым валил густыми клубами, из дыма слышался странный рокот. На душе отлегло. В городе Василию доводилось видеть автомобили. И дым не дым, а пыль на проселке. Едут!

Автомобиль уже поблескивал из пыли своими хромированными глазищами и надсадно гудел, остерегая пастуха, который гнал в село стадо.

— Ты знаешь, кто к тебе в гости едет?— спросил подошедший брат Сергей.— Ленин! Владимир Ильич Ленин!

— Ленин?— недоверчиво переспросил Василий.— Что же ты раньше об этом не сказал?

— Думал, что ты оробеешь.

— Я, правда, не растерялся,— говорил мне Василий.— Кто же не знал в те дни Ленина? Но все же... Сводить на охоту любых гостей — пустяковое дело. А тут сам Ленин!

Машина медленно въехала в село за стадом. Василий поправил кепку и решительно шагнул на дорогу.

Ветерок развеял пыль, машина остановилась возле Василия. Шофер приоткрыл дверцу.

— Скажи, товарищ, где здесь изба Ермилиных?

— Я и есть Ермилин!— ответил Василий.— С полудня жду.

Машина свернула с дороги и остановилась у калитки.

Первым вышел охотник в кожаной куртке и сапогах. Он весь был затянут в кожу. В руке у него было ружье в чехле, сбоку охотничья сумка.

Вслед за охотником в коже вышел на травку невысокий штатский человек. Никак нельзя было бы подумать, что этот человек приехал на охоту. На прогулку-то в лесу и то одежда не очень годная. Кепка еще сошла бы. Правда, черная, заметная в зеленой листве, в камыши нельзя в такой. Однако по тетереву сойдет. Но черное же на нем и пальто! Обычное демисезонное пальто. На ногах ботинки. Пальто нараспашку, под пальто стянут ремнем патронташа пиджак, под пиджаком белая сорочка с галстуком. Он быстро обошел машину и, чуть прищурившись, посмотрел на Василия.

— Ермилин Василий Ефимович? Здравствуйте! Ленин. А это товарищ Крыленко.

Он крепко пожал Василию руку и улыбнулся. Улыбнулся — и рухнули все преграды, которые неизбежно возникают при знакомстве новых людей.

В этом месте своего рассказа Василий Ефимович задумался. Бродила у него под седыми усами, в морщинках губ скрытая улыбка.

— Сразила меня его задушевность. В улыбке, во взгляде, в голосе.

Ленин провел рукой по патронташу Василия и вынул из гнезда патрон.

— Двенадцатый калибр? Удачно! Мы пополним ваш запас, Василий Ефимович! Вы с какой дробью по тетереву идете?

— Выводок на крыле... Можно и пятым и четвертым! Собачка держит стойку, не горячится, допрежь времени не спугнет!

По улице пересвист, топот ног. Со всей деревни сбежались ребятишки. Мчались, как в конной атаке.

Василий распахнул калитку.

— Просим, Владимир Ильич! Заходите!

Ленин пропустил вперед двух своих спутников, в дом вошел последним.

Старик Ефим Ермилин, его жена и Сергей встретили гостей на пороге горницы.

Самовар, мед на столе и чугунок с молодой картошкой.

Владимир Ильич подошел к самовару, потрогал его медное пузо и, потирая руки, воскликнул:

— Хорошо! Чайку мы, конечно, выпьем. Про-

пылились в дороге, и от мотора душно... И спать! Завтра вставать затемно!

Гости сели за стол. Владимир Ильич достал из своей охотничьей сумки пайку черного хлеба и маленький сверток.

Ефим Ермилин потянулся к этой пайке, взял ее в руки, осторожно разломил и покачал головой.

Он, видимо, что-то хотел сказать, но сдержался, положил хлеб на стол.

Владимир Ильич отвел глаза от старика, торопливо развернул бумажный сверток. В свертке оказались небольшой кусок сахара и пачка чая. Настоящего чая...

Тем временем мальчишки окружили машину, ощупали ее, погудели и, конечно, допытались, кто приехал из Москвы.

К дому Ермилиных потекли любопытные. Как же упустить случай и не повидать Ленина?

Сначала стеснялись, потом осмелели. Опять же мальчишки пример показали. Они облепили окна и шепотом передавали сообщения о том, что делалось в избе.

А Ленин ли это? Может, кто насмех пустил такой слух?

Гостил в Шоше у родных питерский рабочий Кирилл. Одна нога на деревяшке, не скоро докостыляешь с другого конца деревни.

Кирилл подошел к окну, привстал на завалинку.

— Ленин! — сказал он шепотом.— Очень он изменился! Усталый он...

Притихнув, побрели люди от дома Ермилиных.

Ребята отступили сначала к машине, а потом, потеряв к ней интерес, растворились в надвинувшейся на деревню темноте.

Две реки, две сестры, Шоша и Волга смыкали свои воды за околицей. От избы Ермилиных — рукой подать. Невысокий обрыв и песчаная дуга залива.

Владимир Ильич вышел погулять к Шоше. Он остановился на берегу, прислушался.

Плескалась вода о плоское днище лодки, чмокала в кувшинках рыба. Выкатился огромный огненный шар луны. Она выхватила своим светом очертания леса на другом берегу Волги, скинула черный полог с луговых стожков, прикрытых с вершины еловыми ветками, чтобы легче стекала вода. Дождливые, сырые эти места.

За околицей деревни переливы гармони. Девичьи голоса, далекие, слов не разобрать.

Ефим Ермилин вышел к берегу, пригласил Владимира Ильича в избу: постелено, дескать, все готово для отдыха.

— Что вы, батенька мой! От такой-то красоты, от такой вольности да в избу! В Москве выспимся. Нам в стожок сена забраться бы... Как на настоящей охоте.

— Охота здесь настоящая, Владимир Ильич. Однако в сене спать неспособно... Шуршит.

— Это для тех шуршит, от кого сон бежит...

Легли гости на сеновале. В лесном, духовитом сене.

Луна отшагала с полнеба и высветила деревню. Облила серебром росу на траве. В яростном ее свете угасли звезды.

Вторые петухи всполошились перед тем, как поредеть ночной мгле.

Ермилинский петух, видимо, вообще в эту ночь спал неспокойно. То ли гостей чуял, то ли запах бензина не давал ему покоя. Он и начал предрассветный переклик.

Владимир Ильич проснулся и спустился вниз по шаткой лесенке.

Луна зашла. Тянул с Волги зябкий предрассветный ветерок, дымками разнося туман с реки на луга.

Василий закурил и встал с завалинки. Он не спал, сторожил сон гостя. Пригласил в избу подкрепиться перед охотой.

Владимир Ильич показал ему кусок хлеба, прихваченный с вечера в карман, и приложил палец к губам.

— Их не надо будить,— указал он на сеновал.— Они устали. Только здесь им и отоспаться... Идем...

Василий вывел на сворке из сарая сеттера.

— Утки есть?— спросил Владимир Ильич.

Василий ответил кивком головы и тоже приложил палец к губам. Они переплыли на лодке Шошу и прошли вдоль берега. Василий указал на густой кустарник ежевики и, осадив собаку, присел на бугорке. Владимир Ильич подошел к воде и спрятался в кустах. Стремительно наступал рассвет.

Солнце, еще не поднявшись над горизонтом, ожгло небо. Прокричал у воды кулик. Солидно крякнула в камышах утка. Туман рассеялся. Василий увидел, как из камыша, над которым стоял Ленин, выплыли две материковые утки. Вернее, селезень и утка. Крупные и чистые. Они неторопливо плавали вдоль берега, не сторожась, ныряли за добычей.

Утки повернули назад, вот-вот в камыши уйдут.

Ленин захлопал в ладоши. Утки мгновенно сорвались с воды и потянули через реку. Грянул выстрел. Один, второй. Густо завис пороховой дым. Василий отбежал в сторону, со стороны дым не помеха разглядеть, куда упала утка. Но ни одна не упала. Выстрел только разбил их полет, они разделились, дали высокую свечку и полетели за Волгу.

Владимир Ильич вылез из кустов, отряхивая росу с пальто.

— Мимо!— воскликнул он.

— Разве вы их не видели, когда из камышей выплыли? Тут бы их и стрелять!

Владимир Ильич покачал головой.

— По сидячим-то? По сидячим это не выстрел! Пойдемте, Василий Ефимович, в лес. Собаке не терпится...

Василий сокрушенно посмотрел на ботинки Владимира Ильича. В ботинках куда же пойдешь? Разве только к Архангельскому? Там сухой кряж. Пески, на песках сосны и можжевельник. Не очень-то знатные места. Выводка три-четыре тетеревов, бродит где-то и глухарка с выводком. Чернышей не встретишь, те еще не выбрались из крепи, где сбрасывали перо, держатся по болотам.

Шли молча и довольно быстрым шагом, чтобы застать набродки на росе. Собака тянула поводок.

— Красивый сеттер!— сказал Ленин.— Как его звать?

— Чудное у него прозвание. Купил я его в голодный год на Конном рынке в Москве. Кожа да кости, не до собаки стало московскому охотнику. Продал и вздохнул... Похоже, что дворянских кровей собачка. Кличут ее не по-нашему — Дрим.

— Дрим! В переводе с английского на русский это мечта!

— Мечта?!— переспросил Василий.

— Мечта, и к тому же самая заветная. Лучше как будто бы и пожелать нечего.

— Да куда уж лучше!— откликнулся Василий.— Дрим все знает и все понимает. Зря лишнего шага не сделает. В лес наброшу, в пустое место не пойдет. Он не только чует, но и знает, где и что искать.

Вошли в лес. Василий спустил Дрима с поводка. Он сразу и не поверил в свою свободу. Отступил на несколько шагов в сторону, обернулся и скачками пошел в лес. Но ненадолго. Пересек кустарник и тут же по ходу челнока вернулся назад. Еще раз в кустарник — и в поиск.

Владимир Ильич взял наизготовку ружье. Василий тоже сдернул ружье с плеча, но отступил чуть поодаль, открывая гостю простор для выстрела.

Они прошли за собакой бором, перешли наезженную телегами дорогу и вступили в заросли черники. Василий сделал знак Владимиру Ильичу, что здесь надо быть настороже.

Поиск Дрима стал сдержаннее. Он вдруг остановился, повел носом и, прижавшись к земле, медленно пошел, вытянув в струну перо.

Владимир Ильич побежал за ним.

Дрим водил пером из стороны в сторону и крался. Крался он к густому кусту можжевельника.

Владимир Ильич взял несколько левее, чтобы куст не загораживал открытого пространства.

Дрим ступал почти невесомо, высоко поднимая лапы. Встал, как изваяние, пригнув голову, подняв перо.

— Вперед!— крикнул Василий.

Дрим бросился в кусты, но характерного хлопанья крыльев не раздалось.

Дрим сделал круг и прыжками помчался по густой траве, стараясь заглянуть поверх травы вперед.

Черныш взлетел шагах в тридцати от кустарника на чистом месте. Не вынес поскока собаки. Взлетел и, скосив крыло, скользнул к лесу.

Владимир Ильич выстрелил.

Петух словно бы наткнулся на незримую стену. Воздушным ударом разметало его крылья, и он камнем упал в траву.

Завис над лужайкой сизый дымок, прикрыл собаку, а когда рассеялся, над травой выросла голова Дрима. Он шел, гордо поводя глазами, отыскивая хозяина, в зубах у него чернела птица.

— С полем!— воскликнул Василий.— Черныш! Это даже удивительно! Это хороший знак! На сухое из болота перебрались...— Василий взял у собаки петуха и прикинул на руке. — Старик! Мог и убежать! В кустах убежал бы...

Прикинул петуха на руке и Владимир Ильич. Наметился привесить к сумке, но Василий остановил:

— Окровяните пальто, Владимир Ильич! Давайте я пристегну к своей телогрейке, она у меня ко всякой дичи привычна.

Обошли весь черничник кругом. Дрим обыскал его челночным поиском, пошли в бор.

Попадались муравейники, все до одного помеченные тетеревиной копкой. На разрытых песчаных кочках рыжели перья тетерок. Где-то рядом выводок.

В мелкой сосновой густели собаку не видно, только слышен поскок, слышно ее дыхание.

Мох да сухой настил сосновых игл. Во мху брусника. Ягоды уже заалели, самое время тетереву слетать на бруснику.

Ружья держали наготове и все-таки прозевали. Оборвалось дыхание Дрима. Где-то рядом замер в кустах, под молодой сосенкой. Владимир Ильич взял правее, Василий левее, но тетерка не выдержала, взлетела в густых кустах, раздалось предупреждающее квохтанье, врассыпную забили крыльями тетеревята — стрелять не в кого. Выводок разлетелся.

Дрим уменьшил расстояние поиска, опять, как на луговине, заработал хвост, шаг сделался упругим, настороженным. Короткая перебежка и стойка у изножия сосенки.

— Пиль!— крикнул Владимир Ильич, но тут же поправился:— Вперед!

Дрим опустил голову в лапы сосны, но никто не взлетел. И Дрим не побежал дальше, так и остался стоять, поводя в сторону взглядом. Владимир Ильич приподнял лапу сосны и, вдруг сорвав кепку, что-то быстро ею прикрыл.

Обернулся к Василию и поманил его пальцем. Из-под кепки выглядывал зайчонок. Он прижал уши и смотрел, не мигая, на собаку.

— Для листопадика рано, для июньского помета маловат... Кто-то не в срок принес на землю этого зайчишку... Спасать надо? Или, может быть, с собой возьмете, Владимир Ильич?

— Что же его мучить в дороге? Дорога пыльная и тряская. Зверь лесной свободу любит... Один день в лесу ему дороже долгой жизни в неволе.

Егерь Василий Ефимович Ермилин.

Василий посадил на сворку Дрима, Владимир Ильич опустил кепку с зайчонком на землю.

Зайчонок убрал головку под кепку, притих. Минуту спустя кепка зашевелилась, зайчонок выполз из-под кепки и, прижав уши, пополз в траву, затем в два прыжка скрылся под сосной.

Отошли с собакой подальше от этого места. Густель кончилась, пошел крупный лес вперемежку с березняком. Василий спустил Дрима.

Долго ли, коротко шел его поиск, но на опушке, там, где сбегали под бугор кусты тальника, Дрим повел. Повел особым поиском, когда горяч след, имеет резкий запах и дичь не из мелких.

Несколько стремительных бросков, далекий забег — и прямо на охотников, на штык взлетели две большие темные птицы.

Стрелять пришлось почти в упор, не угонным, а встречным выстрелом. И только с одного ствола. Когда Владимир Ильич развернулся для второго выстрела, глухарь и глухарка уже скрылись в чаще высокого леса.

Василий зажмурился от досады и тут же услышал смущенный смешок Владимира Ильича.

Он перезарядил ружье и извиняющимся голосом объяснялся с Дримом:

— Виноват, Дрим! Пропали твои труды...

Дрим, оглядываясь то на Василия, то на Владимира Ильича, бегал по полянке, обшаривал кусты, удивляясь, что после выстрела ничего нет на земле.

Охотники двинулись дальше. Солнце уже чувствительно припекало, на открытых местах иссохла роса, можно было присесть отдохнуть.

Владимир Ильич достал из кармана густо посоленный кусок черного хлеба. И все. Василий достал из сумки свежего хлеба и печеную картошку и предложил Владимиру Ильичу. Владимир Ильич не отказался от угощения.

Солнце проникло между тем и в лес. Трава высохла. Запах следа стал невнятен, охота затруднилась.

Однако Дрим все же поднял еще два тетеревиных выводка. Стрелять удалось не только на разлете, но и потом. Тетерева садились на землю, и Дрим их быстро находил. Но стрельба все время была трудной — в кустах. Только на мгновение покажется в полете птица и тут же скроется за ветвями или за макушками. Однако Владимир Ильич сбил еще одну птицу. Прикинул добычу на руке и обрезал:

— Достаточно!

Василий взял Дрима на сворку, и они пошли к селу по лесной дороге.

Шли не торопясь.

Владимир Ильич распахнул пальто, закинул на затылок кепку, а потом и снял ее. Грело солнце, ветерок дышал хвоей, стучал дятел. Его стук далеко разносился по звонким стволам сосен.

Высоко в небе протянулась стайка журавлей. Выводок журавлиный перелетал с одного лесного болота на другое.

Разговаривали об охоте. Василий рассказывал случаи из своей охотничьей жизни, попадались и смешные. Владимир Ильич останавливался и заразительно смеялся.

Он не торопился покидать лес. Видимо, для него важнее всего был отдых, а не охота.

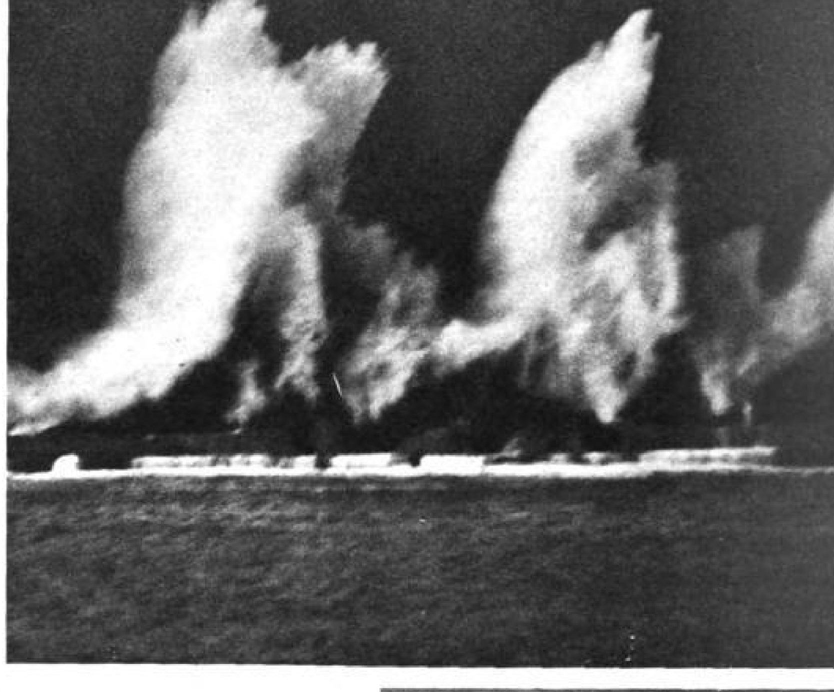
...— Много, очень много лет прошло с тех пор,— заканчивал с заметной грустинкой свой рассказ Василий Ефимович.— В лесу в этом сколько раз мне потом доводилось бродить. Но все стерлось из памяти. А вот тот день, те минуты запомнились. И дорога лесная, и тишина, и дятел, и журавли в небе... Все до последнего листочка у придорожной осины помнится...

Василий и Владимир Ильич вернулись в деревню к обеду.

Ефим Ермилин предложил выпить по чарочке самогонки с устатку. Владимир Ильич заторопился с отъездом, сославшись, что в Москве его ждут на важном заседании. Выпил стакан холодного молока и отбыл...

Долго стояли Василий и Ефим Ермилины и ребятишки у околицы, провожая глазами машину, медленно переваливающуюся по ухабам, пока не скрылась она за поворотом дороги.

МОРЯКИ СТИХИЯМ НЕ СДАЮТСЯ

Море штормит.

28 марта к причалу Сочинского порта подошел теплоход «Аджигол». Он шел из Одессы в Батуми. Палубу заполнили пассажиры, решившие прокатиться до Сухуми. Все было прекрасно, пока внезапно не налетел шквал. Маленький «Аджигол» швыряло на волнах, как ореховую скорлупу. Восемь баллов...

И вдруг радио приняло тревожный сигнал — SOS. Взывало о помощи какое-то судно. Какое? Где? Слышимость плохая. Радист Сочинского порта по почерку узнал в эфире своего коллегу с морского буксира № 6022 и сообщил его координаты другим судам.

Перед капитаном «Аджигола» Б. И. Дворкиным встала дилемма: что делать? Морской закон требует немедленно идти на помощь терпящим бедствие. Однако на борту много пассажиров, судно маленькое. Имеет ли он право рисковать? А что скажут пассажиры? Они сказали: «Идти на помощь!» И маленький теплоходик вместо того, чтобы спасаться самому, пошел спасать других.

Около Очамчире терпел бедствие морской караван — буксирный теплоход № 6022 и две баржи, груженные бетонными монолитами. Ветер гнал суда на берег. Маломощный буксир не мог вытянуть баржи в море, и, чтобы удержаться, все три судна бросили якоря. Но и это не помогало... Спустить шлюпки, чтобы люди добрались до берега, невозможно.

В самом тяжелом положении оказалась стоявшая ближе всех к берегу баржа № 21. От качки стотонные монолиты сместились, судно дало крен, и волны начали его захлестывать. К несчастью, на буксире сломался брашпиль, и он никак не мог выбрать якорь, чтобы прийти на помощь экипажу баржи.

Все попытки «Аджигола» забросить на баржу капроновый трос ракетой-линеметателем не удались. Тогда капитан морского буксира Бронштейн решил выбросить в море якорные цепи и, освободившись от якорей, пришел на помощь «Аджиголу». Соединенными усилиями на баржу подали буксирный канат. Принять его было нелегко. Матросы на барже с опасностью для жизни пробирались к нему по наклонной, скользкой палубе...

Наконец буксир закреплен, и «Аджигол» потянул баржу от берега. Наполовину залитая водой, она каждую минуту могла затонуть. Команда буксира № 6022, героически маневрируя, пыталась подойти бортом к барже, чтобы снять людей. Это была рискованная операция, но моряки действовали самоотверженно. Мокрые, продрогшие матросы баржи, пользуясь долями секунды, когда раскачиваемые на волнах суда сближались, прыгали на палубу буксирного теплохода. Спасти удалось всех...

В это время на помощь уже спешили другие суда — «Никитовка», «Суджук» и «Героический». Груженная рудой марганца «Никитовка» взяла на буксир вторую баржу.

Капитан «Аджигола» Б. И. Дворкин и боцман Н. Ф. Конарев, отличившийся во время спасательных работ.

А пассажиры?

Капитан «Аджигола» улыбнулся.

— Когда мы пришли в Батуми, я думал, что они все разбегутся и пойдут назад пешком. Как бы не так! Почти все вернулись на судно, и мы, уже без приключений, доставили их обратно в Сочи.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Музей справляет новоселье

Биография этого музея началась необычно. Ее первую страницу написали партизаны, вошедшие жарким июлем сорок четвертого года вместе с войсками Советской Армии в истерзанный войной Минск. Едва остыв от горячих боев, народные мстители устроили в одном из немногих уцелевших в городе домов выставку партизанского оружия и снаряжения. Так родился Белорусский Государственный музей истории Великой Отечественной войны.

Скоро музею стало тесно в старом здании. Недавно он справил новоселье: переехал в просторное, удобное помещение на Центральной площади белорусской столицы.

Сейчас для посетителей открыты восемь залов, в них появилось много новых экспонатов, хранившихся прежде в фондах. Выставлено знамя 1-й Белорусской партизанской бригады легендарного «батьки Миная» — М. Ф. Шмырева. Один из моторов бомбардировщика, на котором летал Герой Советского Союза Николай Гастелло. Гаубица, правдой и верой служившая нашим солдатам на всем пути от Подмосковья до Эльбы и Праги. Золотая Звезда, ордена, медали и личные вещи Героя Советского Союза Игната Козловского — летчика, который в 1941-м совершил 48 вылетов в район Вязьмы к попавшим в окружение советским частям...

За несколько дней в новом здании музея побывало более ста экскурсий.

А. ДАНИЛОВ

На снимке: в залах музея.

Фото А. Дитлова.

Ирина **ДОНСКАЯ**

«Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград...— сказал М. Горький.— Люди — это всегда дети своих матерей... без Матери — нет ни поэта, ни героя!» Эти слова великого писателя стали эпиграфом к фильму «Сердце матери».

Фильм этот о матери, которая прошла вместе со своими детьми все их трудные пути, делила с ними горести и радости, никогда не подвергая сомнениям или осуждениям их поступки,— о Марии Александровне Ульяновой.

Была ли она счастлива?

В чем ее сила?

В чем секрет вечной молодости души?

Все эти и еще великое множество вопросов возникли перед нами, когда мы приступили к работе над картиной.

В основу сценария легли рассказы писательницы Зои Воскресенской «Встреча» и «Сердце матери».

С самого начала работы образ Марии Александровны пленил меня. Бороться в старости за своих детей — на это потребовалось много сил и мужества. Шестеро детей остались без отца. Едва оправилась Мария Александровна от этого удара, как ее настигает новое горе — арест и казнь старшего сына, Александра. Затем безвременная смерть дочери Ольги... А потом годы и годы, когда каждый день приходится бояться за своих детей, когда каждый очередной арест может кончиться трагично. Она мужала вместе с детьми. Постепенно становилась их единомышленником.

Быть единомышленником и другом детей своих — вот в чем было ее счастье.

Когда начались съемки, мы часто говорили об этом с актрисой Еленой Алексеевной Фадеевой. Ей предстояло воплотить на экране образ матери Ленина.

Фадеева пришла на пробу без всякой надежды на успех. Ее кинематографическая биография пока была неудачной.

Елена Алексеевна была молчаливой, сдержанной, не очень приветливой, даже какой-то сумрачной. И далеко не все в группе поверили в нее. Кажется, меньше всего верила в себя сама артистка. Но уже с первой фотопробы она чем-то приковала внимание. А когда в зрительном зале погас свет и на экране в кадрах

Сценаристы — Зоя Воскресенская, Ирина Донская.
Режиссер-постановщик — Марк Донской.
Главный оператор — Михаил Якович.
Главный художник — Борис Дуленков.
Композитор — Рафаил Хозак.

СЕР

В суде. Александр Ульянов — Геннадий Чертов.

Отъезд из Симбирска. Прощание с домом. Мария Александровна — народная артистка РСФСР Елена Алексеевна Фадеева.

кинопробы мы увидели невероятно скорбные глаза матери, чуть подрагивающие губы и горькую складку у рта, мы поняли, что перед нами — будущая Мария Александровна.

Требовательная к себе до аскетизма, дисциплинированная, артистка тщательнейшим образом взялась за изучение материалов. Она читала и перечитывала письма Марии Александровны. Изучала все, что имело прямое или косвенное отношение к образу. Выискивала характерные детали.

Исполнитель роли Владимира Ульянова — Родион Нахапетов — только заканчивал во ВГИКе свое актерское образование, когда его пригласили на съемки. Поначалу он должен был играть другую роль — Дмитрия Ульянова. Всем нравился симпатичный, большеглазый юноша. Была в нем и вдумчивость, и серьезность, и еще какая-то непередаваемая, но ощутимая чистота души.

Режиссер Марк Донской долго приглядывался к нему, а потом решил попробовать его на роль Владимира Ульянова.

Для молодого артиста это было нелегким экзаменом. Ведь ему предстоит вместе с Марией Александровной прожить в обеих картинах дилогии («Сердце матери» — первая часть этой дилогии) почти тридцать лет, из гимназиста Володи превратиться в студента Владимира Ульянова, а затем и во Владимира Ильича Ленина.

На помощь, как всегда, пришло огромное трудолюбие.

Я не буду рассказывать, что и как читал, изучал и запоминал Родион. Но можно представить, сколько десятков томов он проштудировал. А грим? Он приезжал за шесть часов до начала съемки, чтобы вовремя быть готовым...

У актера было трудное детство, он родился в землянке партизанского отряда. Трудная юность. Очевидно, все это научило Родиона быть старательным и терпеливым. И сейчас это пригодилось, как никогда...

Другим нашим исполнителям тоже пришлось немало потрудиться, даже самым младшим: Оле Изгородиной, которая играет Маняшу в детстве, Андрюше Богословскому — он играет маленького Митю...

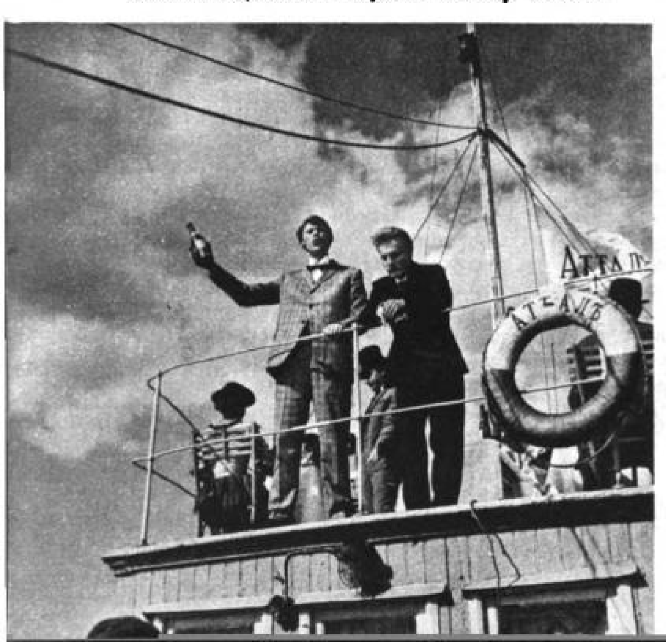
Теперь все это позади.

А что же сейчас?

Сейчас идет работа над второй частью дилогии, которая условно называется «Верность». Она охватывает период с девяностых годов до 1917 года. Мария Александровна постарела, дети все уже взрослые, но у матери те же тревоги и заботы.

За приготовлением уроков. Володя Ульянов — артист Родион Нахапетов.

ДЦЕ МАТЕРИ

Встреча с однокашником Горчилиным по пути в Казань. Горчилин — артист Виктор Мизин.

Свадьба Анны в деревне. Анна — артистка Нина Меньшикова, Марк Елизаров — артист Георгий Епифанцев.

Вот бы в Петербург вместе. Ольга — студентка ГИТИСа Нина Акимова-Вильвовская.

Н

у, что вы тут опять столпились? Будто никогда не видели антивещество! — недовольно говорит Алексей Александрович Наумов.— Работать надо.

Я тут одна не физик. Я никогда не видела антивещество. Наумов добреет.

— Хотите заглянуть в установку? — спрашивает он.

— Конечно!

Будто ожили фантастические романы. Будто на минуту я перенеслась в другой мир, странный и таинственный. Антивещество тут, рядом... Его видно на экране телевизора... Его видно простым глазом... По кольцу ускорителя почти со скоростью света мчится микроскопическая галактика, наш антимирок...

Так уж устроена человеческая натура, что есть у нас свои любимые герои, с которыми не расстаешься, когда командировка кончается. Их постоянно вспоминаешь. По ним меряешь других людей и долго-долго, может быть, в течение всей жизни, застенчиво следишь за ними издалека, радуясь их успехам, огорчаясь неудачами.

Я приезжала в новосибирский Академгородок, когда работа, выдвинутая сейчас на соискание Ленинской премии, только начиналась. Идея, легшая в основу исследований, была столь дерзкой более широкий». Так дни, сутки, недели, месяцы...

Кино в клубе крутили без них. На пульте остывали пирожки. И жены советовали лучше уж совсем не являться домой, а завести раскладушки в институте...

Но в чем же заключалась идея, которую со свойственным им энтузиазмом принялись осуществлять сибиряки?

Суть ее можно изложить примерно так. Исследователи любыми способами стремятся проникнуть в тайну строения материи. Для этой цели они охотятся за элементарными частицами вещества, строят гигантские ускорители — микроскопы современной физики. Там, разогнанная почти до скорости света, частица бьет по неподвижной мишени. А нельзя ли сталкивать два потока частиц, движущихся навстречу друг другу? Ведь всем известно, что при дорожных катастрофах наиболее страшны столкновения двух встречных автомобилей. Нечто подобное происходит и при столкновении частиц, с той только разницей, что энергия взаимодействия увеличивается не в четыре раза, как при катастрофе, а в тысячи раз.

Однако одно дело — голая идея, а другое — найти ее техническое воплощение, преодолеть принципиальные трудности. Сна

«Можно поздравить коллектив ученых и инженеров, создавших этот уникальный прибор, и позавидовать тем физикам, которые начинают ставить на нем эксперименты».

Академик Бруно Понтекорво.

●

«Во время нескольких встреч мы узнали немного о многих блестящих идеях и новых конструкциях, которые были разработаны в лаборатории профессора Будкера».

Профессор Вайскопф, Европейский центр ядерных исследований.

●

«Талантливая работа новосибирских физиков столь смела и оригинальна, что еще три года назад не все верили в ее успех, а если и верили, то были убеждены, что закончить ее удастся лишь в далеком будущем. Физический эксперимент сибиряков был настоящей сенсацией в мировой науке».

Академик М. А. Лаврентьев.

●

«В 1966 году русские надеются закончить сооружение в Серпухове сильно фокусирующего протонного синхротрона на 70 ГЭВ. Этот факт в сочетании с обширными работами по конструированию новых ускорителей, проводимыми в Новосибирске, обещает как технические, так и научные сюрпризы для Запада».

Из доклада в Конгрессе США профессоров Пановского (Стэнфорд) и Маршака (Рочестер).

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

Луч из антимира

и остроумной, так захватила новосибирских физиков, что весь коллектив стал одним мозгом, одной волей, одним существом. В кабинете руководителя работы А. М. Будкера за вечер исписывали по 3—4 куска мела, засыпая белой пылью пол у доски («Вечер — понятие относительное,— шутили в институте.— Иногда он кончается, когда рассветает»). Тут уж не до соблюдения субординации. И бывало, что недавний студент перечеркивал формулы своего профессора, доктор наук сам занимался наладкой приборов (некогда объяснять, проще все сделать самому: время, время!).

По целым дням сидя в пультовой, я слышала приглушенные раскаты, напоминающие тяжелые вздохи великана. Это высоковольтный импульс с огромной точностью бил по электронам, заставляя их двигаться по пути, нужному экспериментаторам.

Видела я тогда и неудачи. Установка капризничала, электроны упорно не шли, как говорили физики. «Что делается с пучком, что делается!» — со злостью бормотал двадцатишестилетний руководитель установки Александр Скринский. Потом кто-нибудь подавал не такую новую, но в общем-то правильную мысль: «Выключим и начнем все сначала». Начинали сначала. А потом опять: «Попробуем в старом режиме, он чала в успех идеи мало кто верил. Уж больно она была смелой, неожиданной, противоречащей мнению большинства авторитетов.

Одновременно с сибиряками аналогичная работа была поставлена в США Объединенной группой Стэнфордского и Принстонского университетов, а несколько позже совместной итало-французской группой. Это был серьезный соперник, молодому коллективу новосибирских физиков было над чем призадуматься. И тогда они выдвинули совсем уж фантастическую идею — создание прибора, в котором, по мысли исследователей, должна была произойти встреча вещества и антивещества — встреча антимиров. Идея дерзкая, казавшаяся тогда почти невыполнимой.

Но зачем ученым понадобилось сталкивать вещество и антивещество? Оказывается, при столкновении этих, на первый взгляд, почти тождественных, а по существу, сугубо противоположных частиц материи происходит один из самых острых конфликтов, известных в природе. И как литераторы стремятся ставить своих героев в острые ситуации, чтобы конфликт помог наиболее ярко проявиться скрытым душевным качествам людей, так и физики ищут рискованных столкновений, чтобы проявились сокровенные свойства материи.

Значение ядерной энергетики для человечества трудно переоценить. С овладением тайны антивещества человечество откроет новые, немыслимые пока энергетические возможности. А научиться обуздывать антивещество, понять законы, по которым оно живет, сделать его ручным и тем самым приблизить возможность использования его энергии помогают приборы, подобные сибирской установке.

Из Академгородка приходили скупые сведения.

«Сибиряки ставят эксперименты по столкновению электронов». Это значило, что впервые создан новый тип ускорителя, ускорителя экономичного и мощного, помогающего исследователям сделать еще один шаг — шаг к разгадке строения вещества.

«Удалось накопить интенсивный пучок позитронов». Это значит, что исследователи заставили искусственно родиться и организоваться гостей из антимира, очень редко залетающих на нашу планету с космическими лучами. Ученые накопили их огромное количество и заставили коротко живущие в земных условиях позитроны жить часы и даже сутки, необходимые для эксперимента.

«В Институте физики преодолели неустойчивость пучка». Это значило, что сибиряки решили еще одну принципиальную научную задачу. Как известно, осуществление регулируемой термоядерной реакции задержалось на долгие годы из-за неустойчивости такой капризной субстанции, как плазма. И с тех пор физики испытывают чувство суеверного страха к этому явлению. Когда подобные капризы появились в накопленном пучке электронов и позитронов, многим стало казаться: осуществление идеи отодвигается надолго.

Зловещая опасность нависла над исходом эксперимента, едва начали сводить два пучка — электронов и позитронов. Пучок электронов, имея более сильное магнитное поле, угнетал гостей из антимира. Сначала он только уродовал пучок позитронов, у того, как говорили сибиряки, «отрастали уши», а при еще более сильном токе вовсе уничтожал его. Надо было понять это явление, провести длинный цикл экспериментальных и теоретических работ и наконец восстановить справедливость. И сибиряки нашли эти методы, образно говоря, доказали, что с помощью разума можно наладить сосуществование на нашей планете и с представителями антимира...

Работа закончена. Но этого не скажешь, наблюдая институтскую жизнь. Только теперь на тех приборах, о которых раньше мечталось, можно ставить эксперименты. Сегодня институт стал центром притяжения, сюда стремятся многие физики из Москвы и других городов. Видела я письмо,

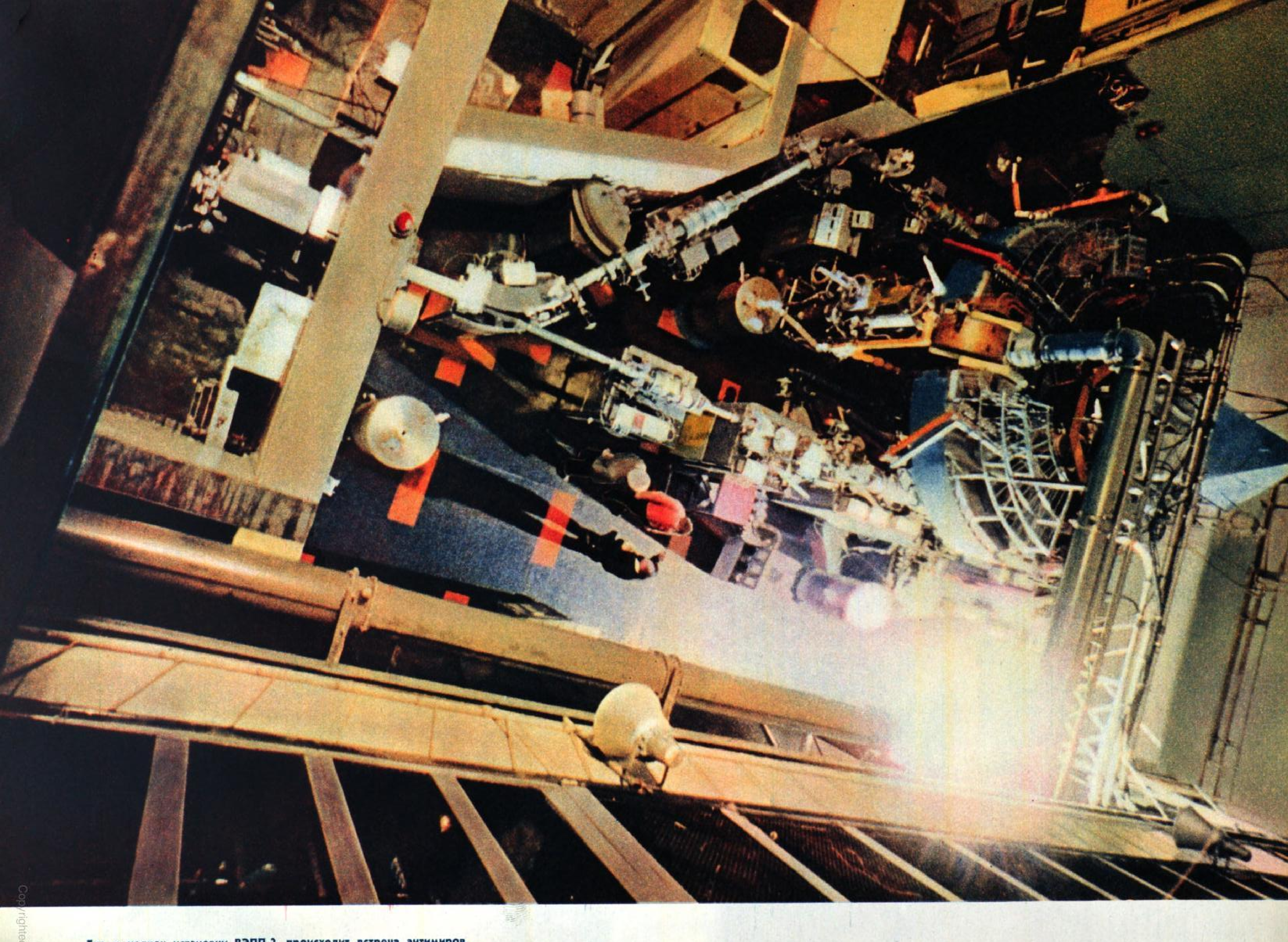
Член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Александрович Наумов.

Вычислительная машина и тонкие физические эксперименты на ускорителях со встречными пучками — звенья общей цепи, ведущей к разгадке тайн строения материи.

Луч из антимира. Впервые вы видите натуральное свечение пучка частиц антивещества — позитронов. Доктор физико-математических наук Александр Скринский — один из тех, кто создал этот фантастический прибор.

Тут, в недрах установки ВЭПП-2, происходит встреча антимиров.

где один из ведущих профессоров крупнейшего университета Америки обратился к сибирякам с просьбой принять его на год, чтобы поработать на установке со встречными пучками.

Одновременно в институте появились и совсем новые люди. Тут можно часто встретить представителей промышленной фирмы «Изотоп». Оказывается, в ходе разработки сложнейших установок, связанных с исследованием тайн вещества, попутно были созданы их отдельные элементы, отдельные приборы, имеющие абсолютно утилитарное значение. Они используются в народном хозяйстве, уже сегодня принося государству и самому институту прибыль. Сибиряки делают сейчас небольшие ускорители для промышленности, которые дают огромное количество дешевой и безопасной в обращении радиации. Скоро начнется их внедрение в металлургию, сельское хозяйство, химическую и консервную промышленность. Веселое оживление вызвало в институте предложение Массандровского треста. Дело в том, что минимальные, вполне безопасные дозы радиоактивного облучения сокращают на целые годы процесс старения вин. Мне довелось однажды (это было в Улугбеке, в Институте ядерной физики Узбекистана) пить такое вино. До облучения это был очень кислый, резкий, почти неприятный на вкус напиток. А через несколько минут буквально на моих глазах он приобрел мягкость, благородство хорошо выдержанного вина. Правда, сибиряки ставят условие Массандровскому тресту: опытная партия проходит дегустацию здесь, в Академгородке...

У входа в пультовую, как и три года назад, слышатся приглушенные выстрелы. Вроде бы они звучат громче, чем раньше. А может быть, это только кажется в пустом здании института?

Поздний вечер. Однако на установке много народу. У пульта я узнаю две знакомые головы, двух Саш — Александра Скринского и еще более молодого его коллегу Александра Киселева. А на столе так же остывают пирожки. Полно, прошли ли эти годы?

Прошли. Не было тогда этой пультовой (тут стояли еще не распакованные ящики с приборами). Не было телевизора, на экране которого бьется сейчас факел: видно, что происходит в сердцевине установки. И написанного черной тушью слова «позитроны» на щите управления тоже не было. Около этого слова горит оранжевый огонек. Значит, на экране телевизора...

— Да, копим антивещество,— словно поняв мои мысли, просто говорят экспериментаторы.

Установка изменилась. А люди? Очень выросла молодежь. Александр Скринский не был тогда даже кандидатом. Теперь он доктор наук (это в двадцать девять лет!). Его диссертация за стеной — установка на встречных пучках. Внешне он все тот же, худенький, скромный, подчиняющий всех своим спокойным обаянием. Он начисто лишен, как бы это сказать точнее,—начальнического инстинкта, что ли. Никогда ничего не приказывает, ничего не требует, никогда не становится в центре событий, но почему-то все его подчиненные незаметно и для себя и для него делают то, что он хочет. Скринский проводит на установке последние дни: его назначили руководителем новой лаборатории, ведущей разработку еще более сложного прибора.

Последние дни работают тут и его младшие товарищи Александр Киселев и Станислав Попов (за эти годы они стали кандидатами наук). Попов сдает в эксплуатацию электрон-электронную установку, а вечно недовольный собой Александр Киселев не может расстаться со своими великолепными приборами. Система коммутаторов, включающих огромные токи в миллиардные доли секунды, работает безотказно, но ему все кажется, что что-то еще не так. А когда его убеждают, что уже все в порядке, он сердится и обижается.

Ушли с установки и три других сотрудника, В. С. Панасюк, Г. А. Блинов, А. А. Лившиц. Без них не было бы ни высокого вакуума, облегчившего успех, ни сложной радиотехники, ни великолепной конструкции. Словом, люди, сделав дело, покинули свое детище.

Зато теперь тут неотступно сидит Вениамин Сидоров, дорвавшийся наконец до любимого дела. На свою беду, помимо того, что он человек ярких научных способностей, Вениамин оказался хорошим организатором. На новых установках он должен был вести ядерные эксперименты, а пока приборы монтировались, относительно свободного Сидорова постоянно бросали на трудные участки, «на дрова и даже на уголь», как смеются ребята. В институте он разработал интересные методы наблюдения, создал в ИЯФе «идеологию» искровых камер, приборов наблюдения за частицами материи.

Интересно, что раньше в Москве, в Институте атомной энергии, где он работал, и в Дании, где вел исследования у самого Нильса Бора, Вениамин не имел дела с искровыми камерами, там была другая наблюдательная техника. Однако в молодом новосибирском институте внедрение искровых камер, только появившихся тогда приборов, было естественным, было новым словом в науке.

Итак, произошла встреча электронов и позитронов. Как проследить за их дальнейшим поведением? Какие частицы родились от их взаимодействия и куда они полетели? Увидеть это ученым как раз и помогают искровые камеры, регистрирующие путь частиц. Маленькая молния несется за частицей, делая видным оставленный ею след, а фотоустройство снимает этот след на пленку. Так исследователи получают огромное количество фотографий (за март — 50 тысяч!) и рассматривают их самым придирчивым образом...

Пожалуй, меньше всех изменилось старшее поколение — руководители работы А. М. Будкер и А. А. Наумов. Правда, один стал за это время академиком, а другой — членом-корреспондентом. О Наумове в институте говорят с восхищением: «Если уж машина отвечает его критериям, то будет она работать тысячу лет!»

В пультовой полно народу. Все столпились у телевизора, на котором бьется прирученный сгусток антивещества. Входит Наумов. Он явно недоволен, но не говорит ничего, молчит. Однако всем ясно, что он думает. А думает он примерно так: «Это очень красиво, очень любопытно, но уводит в сторону от эксперимента, а у нас нет лишнего времени».

— Полюбуемся еще минут пять,— робко просят его,— а потом все, честное слово, начнем работать.

Все знают, Наумов не займется другим делом, пока полностью не отладит электрон-позитронную установку.

Зато Будкера ВЭПП-2 уже совершенно не интересует. Андрей Михайлович остыл к этой установке, как остывает ко всякой идее, едва она воплощается в металле. Установку он оставил другим, а сам живет новым прибором, для всех пока еще призрачным, но только не для его смелого воображения. Со своими сотрудниками А. М. Будкер задумал строительство установки значительно более сложной и фантастичной. Дело в том, что электроны и позитроны—легкие частицы, составляющие в массе вещества и антивещества всего две сотых доли процента. Новосибирцы создают прибор, где бы сталкивалась основная масса вещества и антивещества — протоны и антипротоны. Это куда более существенный шаг вперед и с физической и, если можно так сказать, с психологической точки зрения. Создать такую установку намного труднее. Антипротон тяжелее позитрона примерно в две тысячи раз, значит, и энергия для его создания, а следовательно, и мощность установки должна быть неизмеримо больше. Кроме того, антипротоны гораздо труднее и получить и накопить. Однако новая установка будет более тонким инструментом для исследования строения материи. И Андрей Михайлович Будкер, что бы он ни делал, ни на секунду не забывает о своей идее.

Часов девять вечера. Будкер стремительно врывается в приемную, снимая на ходу пальто.

— Зайдите ко мне, есть идея,— громко говорит он, заранее уверенный, что, несмотря на поздний час, люди не ушли домой, работают.

И действительно, кабинет директора мгновенно заполняется. Андрей Михайлович вернулся с очередного заседания Президиума Сибирского отделения, где среди прочих организационных дел обсуждались и хозяйственные вопросы. Видно, он, внимательно слушая выступающих, не упуская для института ничего из реальных благ (штаты, приборы), продолжал думать о ней — о новой установке, для которой пока не придумано даже названия. А часа через три я слышу, как он говорит, провожая сотрудников:

— Подумайте над этим, подумайте! (Видно, как всегда, сначала убедил всех, а теперь снова смущает: «Подумайте».)

...Я так и не дождалась, чтобы уйти со всеми из института. В пультовой вновь слышны слова: «Даем выпуск». И снова приглушенные раскаты, как тяжелые вздохи уже уставшего великана. Я не ошиблась: на этот раз выстрелы звучали действительно громче. Чтобы рождать позитроны, требуется более мощный импульс.

В темноте видна глухая стена строящегося здания. Тут встанет протон-антипротонный ускоритель — новый прибор, рожденный дерзкой фантазией, свежестью мысли и точностью расчета. И тут сибиряки опять оказались первыми!..

ШЕКСПИР НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Не впервые Большой театр обращается к творчеству Шекспира.

На этой сцене идет замечательный балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Здесь звучали «Отелло» и «Фальстаф» Верди, «Укрощение строптивой» В. Шебалина... Последняя шекспировская работа театра — музыкальная сказка В. Бриттена «Сон в летнюю ночь».

Современному английскому композитору удалось в музыке выразить шекспировский характер. Весь коллектив исполнителей, движимый уверенной режиссерской рукой Б. Покровского, стремится найти по-шекспировски свободные, выразительные, полнокровные тона.

Перед нами Англия шекспировских времен. Античность лишь оболочка. Плоть пьесы — английская народная сказка, лукавая и очень добрая.

И хотя спектакль строится как ряд невероятных событий, которые могут случиться только во сне, замысел одухотворен той правдой чувств, без которой любое представление становится формальным и теряет смысл. Свободно, ненавязчиво сплетаются, дополняют одна другую в каждой сцене сказка и реальность, вымысел и глубокая психологическая правда.

Думается, Большому театру еще не приходилось работать с таким материалом: опера Бриттена намечает новые принципы музыкальной драматургии. Тем почетнее успех Б. Покровского, сумевшего с блеском использовать необычность музыкальных и сюжетных решений, открыть перед актерами широкий простор для творческого поиска, для создания интересных, нетрадиционных образов. Не случайно в спектакле так много актерских удач.

Нельзя не отметить дирижера Геннадия Рождественского и художника Николая Венуа — полноправных творцов спектакля. Декорации и оркестр великолепны.

«Сон в летнюю ночь» — яркий успех Большого театра.

М. ЧУДНОВСКИЙ

На снимке: сцена из спектакля.

Фото А. Гладштейна.

Карл Глозл.

УЛИЦА ИНТЕРГЕЛЬПО

Ю. КРИВОНОСОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

На Киргизский завод сельскохозяйственного машиностроения имени М. В. Фрунзе я приехал для того, чтобы взять одно короткое интервью. Но их получилось три. Вот как это произошло.

ВСТРЕЧА

На морские волны и на огонь можно смотреть часами. В этом есть что-то притягательное для человека: как будто давно знакомое, но всегда новое, бесконечно меняющееся. Оказывается, таким же свойством обладает и металл, соединивший в себе обе эти стихии. Полыхая жаром в ковшах, он, как волны прибоя, разбрасывает искры брызг.

Из состояния созерцания меня вывел громкий оклик:

— Эй, товарищ корреспондент, посторонись, а то, не ровен час, обжечь можем!

Я резко обернулся. Рабочий с ковшом вдруг ахнул, назвал меня по имени, подошел вплотную, сдвинул на лоб очки. Я сразу узнал эти глаза, хотя не видел их шестнадцать лет. Так встретился я с другом, с которым нас сроднили долгие годы военной службы.

— Будешь писать про наш завод? — спросил он, когда мы наконец пришли в себя от первого изумления.— Смена еще не скоро, а тут ты много не увидишь и ничего не поймешь. Здесь день сегодняшний, а тебе нужно и назад посмотреть и вперед. Сделаем так: иди в новый инструментальный цех, он сразу за нашим, найди там Карла Глозла, он тебе расскажет, почему улица, на которой стоит завод, называется Интергельпо. Потом сходи к главному инженеру, ему видней завтрашний день, лучше него вряд ли кто тебя просветит. Тогда все вместе и соберется...

Программа действий четкая. Моему другу лучше знать, что интересно на его заводе. А интервью с ним я еще непременно продолжу.

ЭСТАФЕТА

В конце инструментального цеха — небольшой застекленный зал. Здесь святая святых — координатно - расточные станки. За одним из них Карл Глозл — высокий, худощавый, подтянутый человек. Пришел я удачно: как раз обеденный перерыв. Время для разговора есть. А разговор — вот он:

— О прошлом? Начало я плохо помню. Приехали мы во Фрунзе с большой группой чехословацких рабочих-коммунистов. Всей семьей. Почему вдруг в Россию? По призыву Ленина. Помогать развитию отсталых окраин. Целый кооператив сюда приехал, назывался он «Интергельпо», то есть «Взаимопомощь». Начали строить механические мастерские, цеха. Ремонтировали различную тогдашнюю технику для крестьян — плуги, бороны, телеги, кто что привезет. Помню, что дома часто повторяли слово «пятилетка». Я все думал, что про меня речь идет — мне как раз пятый год шел. А потом и впрямь оказалось, что и мое будущее тогда решалось. В тридцать пятом году приезжал к нам Юлиус Фучик. Радовался тому, что здесь увидел, много беседовал с рабочими.

Пятнадцати лет пришел и я в мастерские. Тогда они уже заводом стали — станкостроительным. А потом война. Сюда эвакуировался Бердянский завод сельхозмашин. С тех пор и пошло это производство, а название сохранилось наше — имени Фрунзе. Молодежь ушла на фронт. Многие погибли. А я вернулся — и сразу на завод. После войны некоторые мои земляки уехали на родину, строить новую Чехословакию. Уехала и сестра со своей семьей. Недавно гостил у них в городе Куржиме, возле Брно. Ходил на завод «ТОС», где и сестра и племянники работают. Делают они станки, которые и у нас в цеху стоят,— фрезерные «Фа-5». Рабо-

---

Ледовые мили

Анатолий ЛЕВУШКИН

* * *

Зимний Север, как мир, огромен.
Зимний Север, как дьявол, лют...
Ледокол «Капитан Воронин»
мне по-дружески дал приют.
Я привычно взбираюсь в рубку.
Ходит палуба ходуном.
Ледокол продолжает рубку
в лютом логове ледяном.
А навстречу
на ярус ярус
громоздятся литые льды,
наступают,
приходят в ярость,
расшибают с досады лбы.

Ледокол душой ледокольной
не приемлет путей окольных:
грудь открыв ледяным ветрам,
напрямик идет —
на таран.
И, сдружившийся с ледоколом,
здесь, у полюса на горбу,
сам себя
я сужу с укором,
без кивания на судьбу.
В жизни тоже встречались льдины,
хоть разбейся,
хоть в голос вой...
Был ли путь мой прямым, единым?
Не искал ли тропы кривой?
Ради верности,
правды ради
что предпринял в тяжелый час?..

Вновь торосов крутых громады
громоздятся, о борт стучась.
Снова стынет шуги короста.
Снова посвист пурги в ушах.
Нет, идти по прямой не просто,
боя требует каждый шаг.

ВАРАНДЕЙ

Здесь заря морошковая рдеет,
здесь на сопках тучи залегли.
Мы стоим на рейде Варандея —
а вернее, на краю земли.
Дальше — море,
дальше — Север дикий,
дебри льда в непробудимом сне.
Хоть сентябрь,
а здесь уже,
гляди-ка,
засверкал колючий, хлесткий снег.
Даже небо выглядит здесь черствым,
даже солнце стало здесь слепым.
Поглядишь на здешний край —
да черт с ним!
Не к чему растрачивать свой пыл.
Вот бы взять
и этак, шито-крыто,
якоря гремучие подняв,
устремиться к побережью Крыма
загорать средь солнечного дня.
Но, о личных благах не радея,

В литейном.

тал я на таком станке, а теперь вот перешел на координатно-расточный, советский. Видите окуляры — контроль за точностью ведется через микроскоп. Сложная штука...

Отправляем продукцию в Венгрию, Болгарию, Монголию, на Кубу посылаем... Так что эстафета пролетарской солидарности продолжается. В общем, работаем, стараемся. Но много есть трудностей, проблем, неувязок всяких. Беспокоят они нас...

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ...

Трудности, неувязки, проблемы... Они волнуют тут всех. Собственно говоря, я и пришел на завод, чтобы узнать о них. И теперь слово главному инженеру — Александру Александровичу Безжону.

— Вам, наверное, уже говорили об «Интергельпо» и о Фучике. Так вот, побывали у нас во время своего путешествия по Советскому Союзу еще два наших друга — Зикмунд и Ганзелка. Посмотрели машины, которые мы строим, и особенно заинтересовались пресс-подборщиками — это те, что подбирают и прессуют сено. Спрашивают: сколько выпускаете таких машин? Прикинули, подсчитали и говорят: «По масштабам страны вам нужно делать в десять раз больше!» Правильно, конечно, говорят...

С пресс-подборщиками получилось то же, что и с холодильниками. Пока хозяйки не распробовали, что за вещь холодильник, и спросу особого не было, а теперь нарасхват. Вот и на пресс-подборщики спрос резко возрос. В прошлом году кое-где была засуха, и тут сено — большое подспорье. А представляете, что значит возить его непрессованным? Колхозы ходатаев присылали — дайте побольше машин! А мы их не додали несколько сот штук. Мешала нам неправильная система планирования. Пресс-подборщик мы считаем нашим главным делом, но технология его производства устарела: осваивали почти десять лет назад. Только взялись ее менять, а нам на шестьдесят пятый год в план вписали освоение трех других машин. А нужно ли было давать нам те машины, еще вопрос.

Бились целый год, как в лихорадке. План есть план, его выполнять надо. Выполнили — выручил вал. А если посмотреть на другие показатели, то тут, знаете ли... Обычные беды. Выкручиваться как-то надо было, вот и нажимали на сверхурочные...

Когда прочли решения сентябрьского Пленума ЦК, обрадовались. Стали обсуждать свои дела. Новую систему планирования, конечно, приняли близко к сердцу. И встал перед нами главный вопрос: а готовы ли мы? Оказалось, не очень. Первым шагом должен быть хозрасчет. Когда переведем на него все звенья производства, ясно станет, правильно ли средства расходуем. Тогда и планировать сможем более реально. Это первый шаг. Второй тоже уже ясен — нужна коренная реконструкция.

И еще одно — учеба. Все мы люди занятые. Так нам бы вместо совещаний по «общим вопросам» занятия, и самые что ни на есть конкретные: научная организация труда. В институтах нас этому не учили, а самим до всего доходить трудно и долго. Возглавить такие занятия должны крупные ученые. Дело это важное, государственное.

А с Чехословакией связи у нас давние. Они интересуются, как у нас идут дела, кое-что советуют, учимся мы друг у друга.

РУКИ У НАС КРЕПКИЕ

Мой давний друг — литейщик, парторг участка Жора Басурин — отлично знал, к кому меня направить.

И вот идем мы с ним после смены по цеху, а он, как бы между прочим говорит:

— Нашей смены литье.— И показывает на ящики с чугунными деталями.— Видишь, какую гору наворочали! Про план и хозрасчет тебе, небось, все растолковали. Так я вот что скажу. План за счет сверхурочных делать нельзя. Людей это портит и дисциплину разваливает. Это же не просто перерасход зарплаты, это капкан на хозрасчет. При плохом планировании без штанов остаться можно. Так-то! И пятилетка предупреждает. И съезд...

Придется, конечно, поднажать. Ну, да руки у нас крепкие — управимся.

Так закончились эти интервью.

чертовым куличкам вопреки,
в проклятом богами Варандее
мирно поживают рыбаки.
Поживают — Север обживают,
познают штормов полярных злость.
Что ж, горшки не боги обжигают!
Здесь богам бы солоно пришлось!

* * *

Мы проходим Югаром
по задворкам земли.
Мы вслепую не шарим —
мы по курсу легли.
А вблизи, под водою,
скрытых рифов клыки
угрожают бедою:
— Берегись, моряки!..
Ветер тундровый, жесткий
разъярен и горяч...
Полуостров Югорский.
Хмурый остров Вайгач.
Камень. Камень. И камень.
Ржавый мох да вода.
Ветер, будто бы Каин,
неприкаян всегда.
Он запутался в тросах,
раздраженно гудит.
Север хмуро и косо,
исподлобья глядит:
дескать, дикий и вольный,
знать я вас не хочу!
Могут хлопать лишь волны
по плечу Вайгачу!
Что же, взгляды косые
мы встречали не раз,
с ног они не косили,
не печалили нас.
Рифов скрытые камни
в жизни кто ж не знавал?
Пусть всегда под руками
будет верный штурвал.

* * *

Десять дней норд-вест мотал нас в Карском,
не давал нам в Баренцевом спуску.
А сегодня
море стало ласковым,
не шелохнет ни единым мускулом.
Из-за тучи
северное солнце
робко льется золотом холодным.
Даже бриз и тот сюда не сунься!
Море дремлет сытым и холеным.
Так, наверно,
к благодушью моря
ложная доверчивость родится.
Но
о том, что буря грянет вскоре,
бьет морзянка в рубке у радиста.

МОРОШКА

В летней тундре от гнуса морока.
Там рассыпана густо морошка.
Словно гусли гудят скоморошьи —
комары над раздольем морошки,
так и жалят, что мигом мурашки.
Не захочешь, пожалуй, морошки.
Но под утро, проворны и зорки,
по морошку ступают поморки.
Сразу видно: хозяйки, не гостьи!
Без утайки в их ловкие горсти
устремляются ягоды сами,
чтоб не маяться рядом со мхами.
Я сорвал одну ягоду тоже,
в зубы взял, разжевал: ой, негоже!
Вроде кисло, и вроде бы горько...
— Поразмысли,— смеется поморка.—
Аль не ясно, неспелу нашел ты?
Не за красной гонись, а за желтой...
Да, разведать морошку не просто.
Только в ягоде самой неброской,
пожелтевшей на полную спелость,
раскусил я невольную прелесть.

Не тебе ль, беломорское лето,
чем-то родственна ягода эта?

Архангельск.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Николай АСАНОВ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:

Как это делается

Только через две недели они увидели анти-ро-мезон.

Все это время Алексей работал в Вычислительном центре: надо было рассчитать и решить десятки неотложных задач. И Нонна, измученная его жадной торопливостью, просиживала рядом с ним за пультом машины чуть ли не сутками.

Алексей с удивлением отмечал, как изменился ее характер. О себе он знал, что за работой становится резким, нетерпеливым, требовательным. Даже Чудаков и Коваль порой возражали против его властного, неумолимого тона, а ведь они были в той же мере заинтересованы общим делом. Но он не умел переломить себя, поэтому и с Нонной держался так, будто она лишь его помощница, которую можно обругать за нерасторопность и заставить сидеть рядом с собой столько времени, сколько он выдерживает сам. А сам он мог выдерживать сколько угодно. Лишь бы впереди светилась хоть маленькая надежда на удачу.

И вот он сидел рядом с нею у пульта ЭРМ — электронно-решающей машины — и на ходу менял задачи, одну сложнее другой, а Нонна, робкая, мягкая, участливая, пробивала сотни перфорированных карт, чтобы после минутной работы машины Алексей с досадой воскликнул: «Опять не то!»

Пока он перечеркивал неудачную задачу и составлял новую, Нонна варила ему кофе, а если это случалось днем, ходила в буфет за пирожками или сосисками, что тоже было несвойственно ее характеру.

И опять они засиживались до глубокой ночи, а то и до утра: слишком много было задач, которые предстояло решить.

Сколько метров пробежит новорожденный анти-ро-мезон прежде, чем он аннигилирует? Как поставить сцинтилляционные счетчики, чтобы предполагаемый анти-ро-мезон не проскочил незамеченным? Каково должно быть искривление пути новорожденной частицы в отклоняющих магнитах, чтобы отобрать именно ее из тысячи других частиц?

А внизу, в «преисподней», Чудаков и Коваль, получив очередную порцию «информации», настраивали все новые счетчики, фокусирующие магниты, фотообъективы, которые, по их мнению, могли уловить неизвестную частицу, распознать ее и проследить ее короткий путь. Алексей уже рассчитал этот путь: на двенадцати метрах этого пути выбитый из мишени анти-ро-мезон должен был трижды известить о своем появлении яркими вспышками в электронных устройствах, а затем взорваться в поставленной на его пути пузырьковой камере Чудакова, образовав новую «звезду», которая доказала бы его существование и смерть.

Все они, участники этой титанической работы, сами называли свой будущий опыт красивым. И действительно, ведь они не только предусмотрели, как он пройдет, но создали такую цепь доказательств, чтобы даже непосвященный человек мог увидеть всю короткую жизнь новой странной частицы, которая служила силой, разрушающей внутриядерные связи. Так они представляли назначение новой частицы в природе, тем более важным должно было стать их открытие, если... если оно состоится.

Опыт начали в субботу вечером, когда институт уже опустел. Остались только участники и, как положено, несколько любопытствующих. Среди любопытствующих Алексей увидел Михаила Борисовича, который в последние годы довольно редко спускался в «преисподнюю»; Крохмалева, едва ли горевшего участием к ним, создателям опыта; и Нонну... Вот уж ей-то было совсем ни к чему это ночное бдение. Свою работу вычислителя она закончила еще в пятницу и теперь могла бы отдохнуть, выспаться, уехать на дачу. А вот, поди ж ты, стоит возле ускорителя вместе со всеми, взволнованная, ни кровинки на лице, только ярко накрашенные губы выделяются и кажутся почти черными. Она словно перед судом, но ведь судить-то будут совсем не ее!

Чудаков в последний раз оглядывал критическим взором свои хитроумные ловушки и капканы, медленно проходя мимо ускорителя. Вот здесь, в этой камере, при помощи электрического разряда с атомов водорода сдерут электроны, и ядра атомов устремятся в трубу ускорителя. Вот здесь они попадут в магнитное поле и будут бешено вращаться по кольцу, пока не ударят в мишень и не выбьют из бериллиевого стерженька ро-мезоны и анти-ро-мезоны. Те, в свою очередь, помчатся в общем потоке, пока отклоняющие магниты не отделят анти-ро-мезоны от других частиц. После этого античастицы попадут в узкие дула металлических коллиматоров, а уж оттуда за стенку биологической защиты, прямо в пузырьковую камеру...

За Чудаковым молча шли его помощники и посторонние наблюдатели. Никто не задавал вопросов — тут все, кроме, может быть, Нонны, понимали, что опыт поставлен красиво, а удастся ли он, покажет эта ночь...

Вслед за наблюдателями бесшумно двигались инженеры, электрики, вакуумщики — весь обслуживающий персонал ускорителя. Это от них зависело, как будет протекать опыт. Не результат, а именно течение частиц, движение разъятой материи в металлическом чреве машины. И они озирали придирчивыми глазами весь будущий путь этих еще не рожденных частиц.

Но вот Чудаков оторвался наконец от своих ловушек, махнул с какой-то безнадежностью рукой — ничего, мол, больше не сделаешь! — и сказал:

— Пошли!

Все пошли в смотровой зал. Вахтер у выходных дверей тщательно пересчитал присутствующих, и хотя количество вошедших и вышедших совпало, включил колокол громкого боя. Он прогремел гулко и грозно, предупреждая, что оставаться в зале ускорителя опасно. И тотчас над дверью, замкнувшейся на электрический замок, который снаружи нельзя будет открыть, пока не кончится работа ускорителя, вспыхнул красный сигнал.

Со столика, у которого стоял вахтер, все присутствовавшие разобрали свои часы и металлические предметы, оставленные перед входом в зал ускорителя, потом пошли по узкому подземному коридору в другое здание, где находился пульт управления. Здесь уже были включены телевизоры, и на них был виден машинный зал, ускоритель, магниты, камеры. Пока там все было спокойно, безжизненно.

Коваль встал у пульта, ожидая команды, и поглядывал на свои руки. Они дрожали от нервного напряжения, и Алексей подумал, что Валентин боится: а вдруг перепутает кнопки или нажмет какую-нибудь с такой силой, что сломает ее. Сам Алексей прислонился к стене, чувствуя, как у него подкашиваются ноги. Ничего удивительного в этом, пожалуй, не было: последние пять-шесть суток он спал урывками. Михаил Борисович и Крохмалев стояли за спиной Чудакова: оттуда они лучше видели экран телевизора, осциллографы и сцинтилляционные счетчики — все то, что придумали физики, чтобы увидеть невидимое.

Нонна отошла к группе инженеров, электриков, вакуумщиков. С ними она чувствовала себя свободнее.

Коваль взглянул на Чудакова. Тот решительно сказал:

— Включай!

Послышалось щелканье выключателей, потом на низких нотах запели электромоторы.

Ничего не происходило. На экранах телевизоров все оставалось по-прежнему. Но присутствующие знали, что в этот момент ядра водорода, освобожденные от электронов, «ободранные» электрическим разрядом, уже мчатся по кольцу ускорителя, пробивают мишень, а мириады рожденных в мишени частиц летят со скоростью, близкой к скорости света, разделяясь по тщательно отобранным каналам, один из которых предназначен для анти-ро-мезонов.

Все внимание было приковано к тому осциллографу, на экране которого должна появиться вспышка в момент аннигиляции анти-ро-мезона. На осциллографе все было тихо и тускло. Не щелкали счетчики, не вспыхивали люминесцентные трубки, пузырьковая камера Чудакова с окном из плексигласа тускло поблескивала — анти-ро-мезоны ничем не возвещали о своем появлении.

Продолжение. См. №№ 10—15.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Группа молчаливых, притихших людей взглядывала то на экраны телевизоров, то на мерцающие осциллографы, которые показывали только мертвое спокойствие, то на создателей опыта, таких же мертвенно-спокойных. Текло лишь время, текла энергия, все так же мчались частицы, но ничто из того, что предсказывали эти люди, не происходило, и вот послышался чей-то замедленный вздох, кто-то переступил с ноги на ногу, кто-то кашлянул, а создатели опыта все пребывали в каменном оцепенении. То ли они знали что-то не известное никому, то ли просто переживали крушение надежд и боялись сознаться в своем просчете.

Текли минуты — пять, шесть, восемь... И каждый чувствовал, что готов крикнуть: «Да когда же!» — но властная молчаливость этих четырех человек пока еще сдерживала всех.

Молчание становилось непереносимым, и первым не выдержал Крохмалев, ехидно спросив:

— Где же ваши анти-ро-мезоны?

И в это мгновение перед глазами на голубом экране осциллографа вспыхнула короткая молния, и тотчас послышался резкий щелчок, будто выстрел над ухом. Чудаков, расправив узкие плечи, повернулся к Крохмалеву и сказал:

— Вот вам и анти-ро-мезоны, пожалуйста!

И Кроха, собиравшийся еще что-то сказать, так и замер с открытым ртом. Но никто из тех, к кому относилась его неоправдавшаяся насмешка, не ответил ему. Победители обычно бывают великодушны.

И сразу все зашевелились, заулыбались, и те, кто только что готов был побить камнями этих лжепророков, закричали о том, как они были уверены в успехе, кто-то поздравлял Алексея, кто-то целовал Коваля, кто-то вдруг вытащил неизвестно откуда букет цветов и вручил его Нонне, а другой почитатель уверял, что у него есть способ проникнуть в ресторан «Кристалл», хотя стрелки на стенных часах уже сомкнулись на двенадцати и ясно было, что ни в какой ресторан их не пустят...

Как раз в это мгновение снова вспыхнули световые сигналы, опять раздался щелчок счетчика — второй анти-ро-мезон родился и умер. Алексей взглянул на часы, сказал:

— Около шести анти-ро-мезонов в час, как мы и предполагали.

Теперь уже никто никуда не торопился. Всем захотелось увидеть и третью вспышку, и четвертую, и пятую. Если анти-ро-мезоны рождаются так редко, то тем более важным казалось всем увидеть их многократно. Ведь тогда можно будет сказать: «А я видел первые анти-ро-мезоны!» И хотя это будет не совсем правда, так как никто не может увидеть невидимое, но в то же время это будет истиной, так как ты присутствовал при событии необычайном, ты видел сам открытие нового мира. И кто знает, не утверждало ли это малое открытие существование целых миров, состоящих из антивещества, как наш мир состоит из вещества? Тем более, что все понятия эти вполне условны, и, возможно, в том мире из антивещества в эту самую минуту такие же ученые создают новые частицы вещества и пытаются познать по ним строение мира. Такая мысль на мгновение мелькнула у Нонны, но она только плотнее сжала губы, чтобы не насмешить скептиков.

На втором часу наблюдений общее душевное напряжение как-то незаметно начало спадать. Толпа наблюдающих постепенно редела. Только виновники торжества словно бы и не чувствовали усталости.

Однако Чудаков, продолжая наблюдать за экспериментом, не забывал приглядывать и за Крохмалевым. Кроха вопреки своим привычкам больше не суетился, не лез на первый план, никого не оттирал своим круглым плечом, даже не улыбался начальству. Он стоял в стороне, о чем-то сосредоточенно размышляя. Чудаков много бы дал, чтобы выяснить, о чем думает Кроха. От этого знания могла зависеть и судьба открытия. Ведь предыдущее почти погибло из-за него. Но, во всяком случае, все записи по эксперименту надо запереть в сейф.

Рядом с Крохой стоит Подобнов. И по его лицу очень просто догадаться, о чем он думает: завидует! Непосредственно и грубо завидует. Ему так давно не удавалось ничто из задуманного, что не было для него большего удовольствия, как чужая неудача. И сейчас он мстительно мечтает о том, как хорошо было бы, если бы все эти дьявольские анти-ро-мезоны вдруг исчезли из поля зрения экспериментаторов и никогда больше не появлялись...

Но эту точку зрения товарищ Подобнов никогда не выскажет никому.

Другое дело — Михаил Борисович. Каждому ясно: он рад. Еще бы, его лаборатория опять отличилась! Его теоретики, а следовательно, и он сам, предсказали и рассчитали все параметры новой частицы, а экспериментаторы блестяще подтвердили это предвидение теоретиков! И если сейчас ухватить, как говорят на Востоке, птицу удачи за ее блестящий хвост, она, эта птица, вознесет всех ухватившихся на большую высоту!

Дальше всех от испытательского стенда стоит заместитель Красова по теоретическому отделу Яков Арнольдович Анчаров. Яков Арнольдович совершенно спокоен. Он бесстрастно смотрит на взрывающиеся вспышками осциллографы и экраны телевизоров. Что для него какая-то неведомая и невидимая частица? Куда важнее благорасположение академика! Захочет Иван Александрович, и Анчарова выдвинут в члены-корреспонденты, а там и проголосуют, и нет нужды для этого копаться в потемках атомного ядра. Ну, а если не захочет Иван Александрович?.. Но об этом Анчаров старается не думать, это опасные размышления. А стоит он тут и смотрит для того, чтобы завтра с утра подробно доложить Ивану Александровичу не только обо всем увиденном, но также и об услышанном. Не может же академик усмотреть за всеми сам, он один, а лабораторий в институте много... И Анчаров охотно будет служить глазами Ивана Александровича, хотя, конечно, никто его об этом не просит, а сам академик, вероятно, не догадывается, как много он теряет, если Анчаров не успевает проинформировать его о том, что делается в институте... Выгода?.. Какая же выгода, чистое человеколюбие: ведь Иван Александрович так занят!

Эти мысли за Анчарова придумывает Чудаков. Эксперимент идет своим ходом — примерно раз в десять минут раздается щелчок, вспышка света, щелчок, всплеск света, анти-ро-мезон рождается и умирает, и Чудаков, поглядывая на свидетелей и наблюдателей, пытается разгадать их мысли. Иные он, наверно, угадывает, недаром же работает бок о бок с ними восемь лет. Ну, а если немножко и шаржирует, выдавая Анчарова за некое око недреманное, так только как художник, для остроты изображения.

А на самом-то деле Чудаков радуется: за науку, за институт, за Алешу Горячева, за весь свой коллектив. Теперь им все нипочем. Они сделали новое открытие!

Но вот Михаил Борисович благодушно пожимает руки экспериментаторам. Свита Шефа тоже начинает прощаться. Слышны пожелания успеха, добрые слова. Больше всего этих добрых слов достается на долю Алексея. Потом Михаил Борисович подходит к дочери.

— Я еще побуду здесь, папа.

— Зачем? — Михаил Борисович искренне удивляется.

Здесь остаются Коваль, Чудаков, ну, может быть, Горячев. Остальные всё увидели, они могут отдыхать. Тем более непонятно, почему Нонна должна остаться. Но дочь — давно уже взрослый человек, и Михаил Борисович терпеливо говорит:

— Ну, ну. Я пришлю машину обратно. Может быть, развезешь потом этих самоедов. Я ведь знаю, вы все не спите вторую или третью неделю. Слышите, Ярослав Ярославович, не засиживайтесь. Нонна развезет вас по домам!

Он и свита уходят. Ярослав пристально смотрит на Нонну и спрашивает:

— Почему вы остались?

Она смеется немножко натянуто.

— Приятно смотреть, как простой человек на твоих глазах превращается в героя.

— Ну что ж, смотрите,— милостиво разрешает он.

Нонна вдруг спрашивает:

— Ну, а если завтра Кроха объявит, что никакого эксперимента не было и что все анти-ро-мезоны — ваша глупая выдумка, разве вам не понадобится свидетель?

— Я просто шею сверну вашему Крохе!

— По-моему, Кроху сделали вы! — иронически, словно не замечая ярости Чудакова, говорит Нонна.— Я как-то посмотрела последние оттиски институтских работ. В десяти случаях вы записали Кроху среди других ваших соавторов. А теперь, когда вы вскормили этого орла собственной печенью, вы собираетесь свернуть ему шею! Это же почти детоубийство!

В зеленовато-серых ее глазах не только ирония, в них — насмешка. Чудаков толкает Алексея.

— Ты слышишь, что она говорит?

Алексей не смотрит на них. Он ждет очередной вспышки сигнала. И отвечает нехотя:

— Нонна Михайловна всегда выбирает худший вариант.

Внезапно заговаривает Коваль, этот молчаливейший из смертных. Он яростно восклицает:

— Ну уж нет! На этот раз никаких соавторов! Мы все сделали сами, втроем!

— Вчетвером, положим,— невозмутимо бросает Алексей.

— Опять Кроха? — Коваль ударяет кулаком по пульту.

— Нет, Нонна Михайловна...

Коваль долго дует на ушибленный кулак, потом бормочет:

— Извините, Нонна Михайловна! Этот Кроха мне каждую ночь снится. А вы молодчина! Если бы не вы, наш «божий человек», вероятно, рассчитывал бы эксперимент до второго пришествия!

— Ну уж нет, я в соавторы не гожусь! — смеясь, отрекается Нонна.— Я останусь свидетельницей на случай будущего процесса: Чудаков против Крохмалева. А все свои права я передаю Алексею Фаддеевичу.

Алексей отвернулся от смотрового окна и поклонился. Как раз в это мгновение раздался щелчок и блеснула вспышка света.

— Будьте здоровы! — весело воскликнул Коваль.

— Не знаю, к добру ли это веселье,— задумчиво сказал Чудаков,— но мне, право, хочется выпить. Если Нонна Михайловна согласна, то поедемте все ко мне. Аннушка не рассердится за ночное вторжение, а у меня припрятана бутылка водки.

Коваль поднял руки вверх, свидетельствуя о полной сдаче на милость гостеприимного хозяина, а затем начал выключать приборы. В тишине сильно, по-весеннему запахло озоном от электрических разрядов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:

Праздник надежды

Конечно, Аннушка ждала их.

Ждала она, собственно, мужа, но ночных гостей встретила радостно. Коваль и Алексей даже погрустнели — их никто никогда не ждал с таким нетерпением, никто не бросался навстречу с таким возгласом:

— Ну как, получилось? Увидели?

Посмотрела на всех, засмеялась:

— Боже мой, какая я глупая! Да ведь по вашим лицам понятно, что увидели!

И сразу затормошилась:

— Проходите в комнату к Ярке. Я сейчас!

Убежала на кухню, зазвенела посудой, сразу запахло чем-то вкусным, а она ставила тарелки, какие-то закуски, успевая говорить на ходу:

— Нонночка, ты прекрасно выглядишь! И не поверишь, что несколько суток без сна. Мне Ярка рассказывал...

И Алексею:

— Бирюк, поухаживай за Нонной, подвинь ей кресло, оно удобнее! Что бы вы без Нонны сделали?

Убежала, вернулась и уже Ковалю:

— Валя, споешь нам? — и сунула ему в руки гитару.

В последние годы в Москве стаями и в одиночку бродили песни. Одни рождались и умирали немедленно, другие переходили из дома в дом. Но в каждой компании приживались эти песни по какому-то выбору. Физики предпочитали Визбора и Новеллу Матвееву, литераторы — Бориса Корнилова и Самойлова, а геологи и туристы привозили с собой самодельные, сочиненные на привалах у костров.

Один только Валька Коваль знал их все.

Но пока что Валька бережно отставил гитару и пошел на кухню чистить селедку. Ярослав откупоривал бутылки — он схитрил, в доме оказалась не только водка, — Алексей пек картошку в газовой духовке, а Нонна, перекочевав на кухню, смотрела на всю эту суматоху с одобрительной улыбкой. Видно было, что она соскучилась по такому ералашу: ведь когда она жила с Бахтияровым, ей были не в диковинку внезапные налеты гостей, радостные встречи по поводу удачи, внезапное появление друзей мужа среди ночи.

Алексей с грустью подумал, что никогда он не сможет отделить Нонну от Бахтиярова. Тогда Бахтияров ворвался в Нонину жизнь, переделал ее по-своему и сейчас, мертвый, продолжает присутствовать.

В час ночи Аннушка властно произнесла:

— Прошу к столу!

К столу проследовали целой процессией: Коваль нес на вытянутых руках блюдо с селедкой, украшенной по всем правилам хорошего тона крупно нарезанным луком; Алексей, которому никакое шутовство не шло к лицу, небрежно тащил поднос, на котором горой высилась запеченная картошка; Ярослав звенел рюмками. Все говорили громко, возбужденно, как всегда говорят изголодавшиеся люди перед сытной едой, и было непонятно, как может при таком шуме спать Ярослав Маленький, в комнату которого мать ненадолго приоткрыла дверь, чтобы показать мальчика Нонне.

Уселись за стол, и Нонна только сейчас смогла по-настоящему рассмотреть свою школьную подругу.

За эти годы Аннушка похудела. Бледные губы, мягкие, размытых очертаний, очень выделялись на ее узеньком, большеглазом, оливково-смуглом лице. Одета она была все так же, как и в школьные годы, — плиссированная юбка и белая кофточка, маникюр она не делала, и ногти были коротко, по-детски острижены.

Чудаков, заметив, что Нонна рассматривает его жену, пошутил:

— Не разглядывайте ее, Нонночка. Все знают, что у каждой женщины есть скелет, но у Аннушки он виден и без рентгена. Это она из-за Алешки сохнет. Мучается, что он до сих пор не женат.

Аннушка сердито взглянула на мужа, и он торопливо принялся разливать вино. А сама Аннушка подсела к Нонне и начала расспрашивать ее о работе. Алексей неловко отхлебнул из рюмки и закашлялся.

К счастью, кто-то позвонил по телефону. Чудаков дотянулся до трубки, послушал, воскликнул:

— Конечно, конечно! Мы все будем очень рады! Только что приступаем! Приезжайте обязательно!

Он положил трубку на рычаг, обвел всех удивленным взглядом, поднял палец и сказал шепотом:

— Внимание! Сейчас приедет Михаил Борисович!

Увидев всеобщее изумление, засмеялся:

— Во всем виновата Нонна. Михаил Борисович ждал-ждал ее и догадался, что мы застряли за праздничным столом. Просите ее, чтобы защитила нас от разгрома!

Аннушка погрозила Алексею, который взялся было снова за недопитую рюмку, и побежала на кухню за новым прибором.

Нонна забеспокоилась:

— Может быть, мне съездить за папой?

— Нет, он сказал, что возьмет такси.

Нонна приняла безучастный вид и стала разглядывать квартиру.

Разглядывала и думала об Алексее.

Она знала, что Алексей получил квартиру одновременно с Чудаковым в том же доме — Аннушка сказала, — значит, квартиры у них близнецы. Только у Алексея одна комната, а у Чудаковых — две. Значит, и там такие же низкие потолки неопределенного сиренево-белого тона, такие же неясные, серые обои, так же свисают с потолка три лампы на разной длины шнурках, закрытые целлофановыми цилиндрами. Обеденные столы в таких квартирах, покрытые ярким пластиком, обычно стоят на кухне, в близком соседстве с белыми шкафчиками для посуды и продуктов, холодильником и газовой плитой. Аннушка устроила свой «прием» в кабинете Чудакова, где обеденный стол почти вплотную приставлен к письменному, а о том, что тут живет и работает ученый, свидетельствуют только незастекленные стеллажи с непонятными книгами. А почему у окна стоит верстак, трудно даже догадаться. Ах да, Чудаков — экспериментатор, он должен сам придумывать и создавать приборы, с которыми ему приходится работать, или, во всяком случае, хоть модели этих приборов. У Алексея, наверно, только книги...

И хотя с Бахтияровым ей пришлось жить в примитивном финском домике, где было, пожалуй, и хуже, чем здесь, она пожалела Алексея: наверно, скучно жить в такой клетке с низкими потолками, засыпать и просыпаться всегда одному, сидеть за столом одному... Может быть, именно поэтому он и провел почти все эти две недели в институте, даже спал, кажется, у себя в клетушке на четвертом этаже...

Она вдруг пожелала Алексею жену такую же добрую и бесхитростную, как Аннушка, но неожиданно поймала его взгляд и смутилась. Он смотрел на Нонну недоверчиво, как будто проник в ее мысли.

Коваль взял гитару, чуть тронул струны. Алексей внезапно оживился, попросил:

— Валя, «Поле», пожалуйста!

Аннушка, вернувшаяся из кухни с посудой и столовым прибором, тотчас потребовала свое:

— «Троллейбус», Валечка, «Троллейбус»!

Нонна с улыбкой глядела на широкоплечего, рыжеволосого, веснушчатого великана,

ожидая, чем кончится этот спор. Но решил его Чудаков.

— Валентин, «Поле»! — лаконично сказал он.

И Валентин, покорно кивнув, начал сдержанным, но сильным голосом:

Ах, поле, поле, поле,
Ах, поле!
Что растет на поле?
Растет трава, не боле,
Растет трава, не боле,
Растет трава, не боле.

Коваль пел негромко, как бы проговаривая слова, но голос у него был мощный, драматический баритон, и от этого каждое слово песни становилось все тревожнее и тревожнее, хотя, казалось бы, бесконечные повторы могли навеять только тоску.

А кто идет по полю?
Кто идет по полю?
Идут по полю люди
С примкнутыми штыками...

Валентин небрежно и ловко держал гитару в длинных веснушчатых руках, и она сама, казалось, выговаривала нужные слова.

Аннушка погасила верхний свет и набросила платок на стоявший в углу торшер. И у Нонны сразу даже настроение изменилось, как будто ей предстояло пройти по этому полю, на котором уже лежали мертвые люди...

Михаил Борисович приехал, когда все пели, — кроме Нонны, она не знала слов — другую песню, полную лихой силы. Аннушка впустила Михаила Борисовича, тот вошел, помахал рукой, чтобы продолжали, и присел в уголок. Никогда Нонна не замечала за отцом такой скромности, он любил держаться на переднем плане, а тут словно подчеркивал, что он как все.

После песни сделали перерыв, включили верхний свет, и все вернулись к столу.

Михаил Борисович произнес тост за блестящий успех молодых ученых. Ответил ему Алексей. Потом что-то промямлил Коваль. И опять Нонну удивило: отец, обычно еле притрагивавшийся к рюмке, тут пил наравне со всеми, шутил, шумел, требовал, чтобы Чудаков произнес тост.

Чудаков, уже опрокинувший три или четыре рюмки, отодвинул стул от стола, усмехнувшись, произнес: «В вашу честь, Михаил Борисович!» — взялся одной рукой за спинку стула, другой — за сиденье и вдруг встал на стуле на голову. Нонна испугалась было, что он грохнется прямо на стол, но Аннушка сидела спокойно, видно было, что ей не привыкать.

Постояв на голове, Чудаков встал на ноги, придвинул стул обратно и спокойно налил новую рюмку.

— Видали чудика? — спросил Алексей Нонну.

Коваль нежно улыбался.

Все здесь — поняла Нонна — привыкли к чудачествам Ярослава и любили его, что бы он ни выкинул. Наверно, вот так встать на голову он мог и в лаборатории при удачном окончании опыта, конечно, при «своих». Но коллектив обожал своего начальника, а такие «штучки» только забавляли. И Нонна вдруг подумала, что именно с этими людьми ей хочется работать.

Аннушка включила магнитофон. Стол отодвинули в угол, и Аннушка потащила мужа танцевать твист. Алексей сварил кофе по какому-то одному ему известному способу, и кофе действительно показался необыкновенно вкусным. Нонна вдруг обратила внимание на то, что в этой компании каждый умел делать что-то неповторимое, особенное. Алексей был королем кофе. Аннушка в своей вьющейся вокруг ног широкой юбке и белой кофточке, плотно облегающей ее фигурку, отплясывала твист, а Чудаков лениво изображал пресыщенного танцора, которого вовлекала и не могла вовлечь в свою игру Аннушка.

Было неожиданно, что именно Аннушка оказалась королевой твиста. Но так, наверно, и должно было получиться. Худенькая ее фигурка оказалась очень гибкой, а толстые, мягкие губы выглядели совсем негритянскими, и в глазах появился бешеный огонек, от которого каждому становилось тревожно на душе.

Потом Чудаков показывал карточные фокусы и с необыкновенной ловкостью угадывал задуманные зрителями карты. Даже Михаил Борисович тряхнул стариной и принялся гадать всем подряд на кофейной гуще, да так умело, будто и на самом деле изучил всю «черную магию».

И Нонне показалось, что давно уж ей не было так весело. У каждого из присутствующих здесь был свой «конек», но, пожалуй, оседланный получше, чем «коньки» приятелей отца.

Ну, а сама-то она?

Если б она спросила Алексея об этом, он сказал бы, что в ее присутствии Коваль пел лучше, чем обычно, Чудаков показывал свои фокусы с особым блеском, Аннушка танцевала с необыкновенным талантом. Самому Алексею его кофе удался, как никогда. Просто у Нонны была способность все освещать и катализировать одним своим присутствием...

Но сама Нонна не догадывалась об этом и потому внезапно погрустнела. Михаил Борисович, взглянув на дочь, вдруг заторопился:

— Ну, друзья мои, нам пора домой...

Аннушка еще пыталась уговорить его, но Нонна уже поднялась.

Выждав, когда Аннушка и Нонна вышли из комнаты, Михаил Борисович сказал:

— Вот что, молодые люди, я позвонил Ивану Александровичу и рассказал о вашем успехе. Иван Александрович поздравляет вас, но в то же время и торопит. Снимки аннигилирующих анти-ро-мезонов уже проявлены, я спрашивал у фотолаборантов, когда собрался к вам. Больше всего с ро-мезонами занимались в Дубне. Следовательно, у них могут быть снимки неучтенных аннигиляций. Надо немедленно взять наши фотографии зафиксированных звезд и завтра же поехать в Дубну. Завтра воскресенье, институт не работает, но обратитесь там к Сергею Григорьевичу Тропинину, он выдаст необходимый материал. Академик настаивает, чтобы уже в понедельник этот материал был сгруппирован у нас. Если, конечно, у них в фотоснимках найдется что-то подобное.

— К чему такая торопливость, Михаил Борисович? — сердито сказал Чудаков. — Мы же не спали несколько ночей! И на чем ехать? На поезде? Завтра поезда будут перегружены...

— Я дам свою машину! — непреклонно сказал Красов.

Нонна, появившаяся в дверях уже в плаще, добавила:

— А я с удовольствием повезу вас в Дубну.

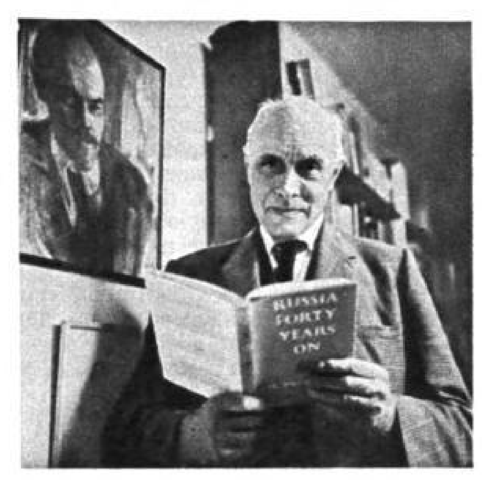
Чудаков переглянулся с Ковалем. На Алексея они не смотрели. Тогда Алексей тихо сказал:

— Хорошо, я поеду в Дубну.

Продолжение следует.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Филип Прайс.

Борис ГУРНОВ

Его зовут Филип Прайс. Мы сидим, не зажигая огня, в глубоких старомодно-громоздких, но удобных креслах его кабинета. Доставшийся ему от деда дом двухсотлетней давности стоит неподалеку от городка Ньюэнт, в графстве Глостер. Из этого дома в годы первой мировой войны начинающий бизнесмен Филип Прайс, ставший на время корреспондентом газеты «Манчестер гардиан», отправился в далекую, тревожную Россию. Думал: ненадолго, лишь взглянуть своими глазами, какая она, эта дикая Россия, а заодно и поразведать перспективы для семейной лесоторговой фирмы, основанной еще прадедом. А вернулся лишь через десять с лишком лет.

Несколько лет провел он в гуще фронтов первой мировой войны, а затем на его глазах свершилась величайшая революция. Множество встреч, разговоров и впечатлений хранит память бывшего корреспондента «Манчестер гардиан». Он был аккредитован при штабах прославленного генерала Брусилова и бесславно закончившего свою военную карьеру великого князя. Слышал исторический выстрел «Авроры». Был свидетелем первых радостно-победных дней русской революции и последовавших за ними долгих и трудных лет гражданской войны, разрухи, голода и лишений. Сам голодал и мерз в нетопленной квартире, ездил за картошкой в деревню.

Яркие, незабываемые воспоминания Филипа Прайса связаны с именем человека, чей портрет висит на стене его кабинета.

Начинает с рассказа о Первом съезде Советов. С того самого, на котором в ответ на демагогию оппортунистов и маловеров, утверждавших тогда, что нет, мол, в России политической партии, способной возглавить революцию и повести за собой народ и страну, в первых рядах у трибуны вдруг резко поднялся небольшого роста человек и громко выкрикнул: «Есть такая партия!»

«Ленин! Ленин!»—пронеслось по рядам. Находившийся в зале Филип Прайс перестал записывать и, встав с места, пристально вглядывался в лицо человека, о котором столько слышал.

Так вот он какой, Ленин! Совсем обычный. Даже, пожалуй, слишком неприметный внешне для той роли, которую он играл в России. Да и не только в России...

На следующий день на стол редактора «Манчестер гардиан» легла только что полученная по телеграфу статья собственного корреспондента из Петрограда, начинавшаяся словами о том, что единственной силой, способной взять власть и повести страну, является в России партия большевиков. Долго сомневались в редакции, стоит ли публиковать такое. Все-таки решили рискнуть. В крайнем случае, думали, дадим поправку. А опубликовав статью, отправили в Россию еще одного корреспондента, постарше, поопытнее, пообстрелятнее, чтобы проверить, прав ли в своих оценках начинающий молодой корреспондент Филип Прайс.

«Нет, не прав,— телеграфировал в Манчестер вновь прибывший,— во Временное правительство России большевики во главе с Лениным не вошли, а составить серьезную оппозицию они не смогут по причине полного отсутствия у них опыта парламентской борьбы». Напечатали и это.

Но молодой корреспондент стоял на своем. Предоставив вновь прибывшему коллеге полную свободу добывать информацию в кулуарах Временного правительства, Филип Прайс уехал в глубинку. Он колесил по дальним промерзшим дорогам, побывал во многих городах и селах бескрайней России: Рязань, Ярославль, Казань, Самара... Присутствовал на рабочих митингах и деревенских сходках. Посещал собрания красных и белых, а также и других во множестве появившихся в те дни организаций самых разноцветных политических направлений. И вот в Манчестер послана новая статья, в которой автор, твердо стоя на своем, объясняет, почему на местах все же побеждают большевики.

Вряд ли можно было вернуться в Петроград в момент более удачный — за день до вооруженного восстания! Увидеть штурм Зимнего!

— Теперь мне уже за семьдесят,— говорит Филип Прайс.— Много пережито и перевидано. Но это были самые волнующие дни моей жизни!

Филип Прайс прибыл в гудевший набатом революции зал Смольного, где шел исторический Второй съезд Советов. Своими глазами видел, собственными ушами слышал, как Владимир Ильич Ленин провозгласил победу величайшей из революций и первые декреты Советской власти.

...Закат давно уже угас. Зажгли свет. Под сводами старого кабинета мы листаем подшивки пожелтевших газетных вырезок — корреспонденции Ф. Прайса, опубликованные в «Манчестер гардиан» в октябре, ноябре, декабре 1917 года. Но еще больше записей хранится в блокнотах их автора.

— Наедине с собой я считаю себя участником вашей революции, хотя мне, как иностранцу,— улыбается Прайс,— называться так не пристало.

Филип Прайс цитирует речи Ленина. Я знакомился с ними по книгам, а он слышал их в революционном Петрограде и в Москве, куда Филип Прайс последовал за переехавшим в новую столицу Советским правительством.

— Наибольшее впечатление,— вспоминает Прайс,— произвела на меня ленинская речь «Очередные задачи Советской власти». Поразила удивительная гамма, заключенная в одном человеке,— гений мыслителя, исключительный диапазон знаний, страстная убежденность и умение вселять эту убежденность в окружающих.

Сын крупного бизнесмена, сам опытный торговец, узнав о британской интервенции против Советской России, Филип Прайс пишет страстное обращение к своим соотечественникам-солдатам, озаглавленное «Не стреляйте!». Он призывает английских солдат не подчиняться приказам офицеров, не позволить, чтобы их руками была задушена молодая Советская республика.

В либеральной «Манчестер гардиан» уже привыкли к «выходкам» Ф. Прайса. Но такого не ждал никто. Редакция перестала печатать его корреспонденции. Из Англии в Москву приходили вести: в редакции считают, что его превратили в коммуниста.

— Изо дня в день, слушая и читая Ленина, я, откровенно говоря, и действительно был близок к этому,— рассказывает Прайс.— Особенно после того, как я побывал у него в Кремле и разговаривал с ним с глазу на глаз. Эту встречу по моей настойчивой просьбе организовал народный комиссар Чичерин.

Владимир Ильич принял Филипа Прайса в своем небольшом, скромном кабинете в Кремле, в том самом, который сейчас показывают туристам.

— Положение молодой республики было очень напряженным,—вспоминает Прайс.— Разруха душила страну. Армии интервентов рвались к Москве, мечтая задушить Советскую республику силой оружия. А этот человек, к которому сходились все нити организации борьбы на всех фронтах, был спокоен, приветлив, нетороплив. Печать огромных забот пряталась в складках у рта, многодневная усталость залегла чуть приметной тенью у глаз. Я заметил это лишь потому, что старался запомнить все до мельчайших подробностей. И все же Ленин был жизнерадостен, бодр, даже весел. Помню, меня поразила его удивительная человечность. Даже в ходе короткой беседы, которая касалась в основном положения на фронтах, я отчетливо понял, что, несмотря на жестокость того времени и необходимость в его положении действовать твердо и решительно, этот человек был удивительно мягок и добр. Я понял, что он очень любит детей, природу, музыку. Позже я спорил с писателем Гербертом Уэллсом, который называл Ленина «кремлевским мечтателем». Да, Ленин любил и умел мечтать, но отнюдь не бесплодно. В его мечтах была прочная реальная основа, точный расчет. Припоминаю скептические усмешки других зарубежных корреспондентов, слушавших вместе со мной ленинский план электрификации России. Многие не верили тогда в его реальность. А я верил.

В Англию в те годы Ф. Прайс вернуться не мог: грозило суровое наказание за нашумевшее обращение «Не стреляйте!». Он обосновался в Германии, связался и активно сотрудничал с местным и английским комитетами «Руки прочь от Советской России!».

С тех пор прошло много лет. Ф. Прайс — довольно известный в Англии лесоторговец, бывший член парламента от либеральной партии.

— Я человек другого мира и других взглядов,— говорит Ф. Прайс.— Но поверив раз, верю и до сих пор в правоту и справедливость вашей революции, начатой Лениным, которого я считаю одним из величайших деятелей человечества. Верю в то, что советский народ выполнит в своей стране заветы Ленина, и желаю ему в этом больших успехов.

Не так давно Ф. Прайс вместе с дочерью вновь побывал в Советском Союзе и вновь пришел в небольшую, скромную комнату Ленина в Кремле.

— Здесь работал основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин,— торжественно говорила девушка из «Интуриста».

Филип Прайс молча слушал рассказ экскурсовода. А потом попросил:

— Разрешите, я сам.— И наклонился к дочери.

— Как вы подробно все знаете! — удивилась переводчица.— Сразу видно, что не в первый раз в этой комнате.

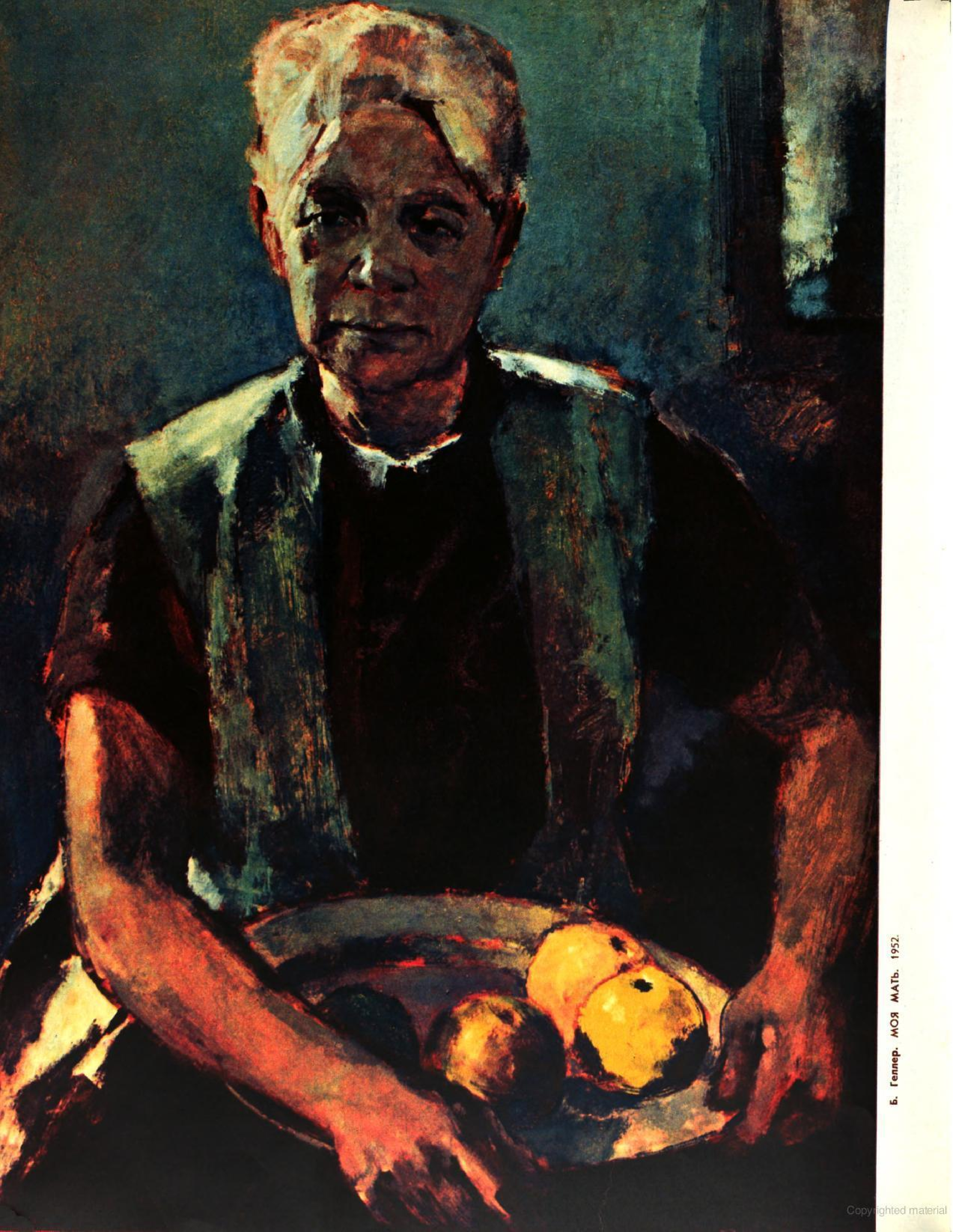
— Да, не в первый,— медленно ответил Ф. Прайс.

— И, знаете, таких, как вы, очень много,— простодушно продолжала девушка.— Очень многие зарубежные туристы, побывав здесь однажды, приходят в ленинскую комнату снова и снова.

Филип Прайс молчал. Он знал, что таких, как он, иностранцев, кто говорил здесь с Лениным, осталось немного...

К. Мюллер. В МАСТЕРСКОЙ. (Герхард Гайер, Отто Мюллер, Карл Эрих Мюллер, Фриц Фрайтаг). 1963—1964.

ПАУЗА В БАЛЕТНОМ ЗАЛЕ. 1960.

Б. Геллер. МОЯ МАТЬ. 1952.

16 апреля рабочий класс Германии торжественно отмечает 80-летие со дня рождения Эрнста Тельмана. Эта дата совпала с 20-й годовщиной создания Социалистической единой партии Германии.

Объединение авангарда немецкого народа в единую марксистско-ленинскую партию было целью всей жизни Эрнста Тельмана, отданной революции. Под его руководством Компартия Германии стала революционной массовой партией. Он первым систематически вносил учение Ленина в рабочее движение Германии и вместе со своими товарищами Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом организовывал Народный фронт против фашизма.

В марте 1933 года фашисты бросили Тельмана в тюрьму. Но они не смогли ни заглушить его голос, ни погасить его мысль. Одиннадцатилетнее одиночное заключение не отделило Тельмана от его класса, от революционной борьбы. Через глухие стены доходили его советы и наказы для тех,

1928 год. Эрнст Тельман выступает перед рабочими Ленинграда.

БЕССМЕРТИЕ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

кто продолжал бороться на воле. Не только в Германии — во всем мире имя Тельмана стало символом антифашистской борьбы. В день 50-летия Тельмана Ромен Роллан писал ему: «Мои 70 с величайшим почтением приветствуют Ваши 50. В эти дни взоры всех свободолюбивых людей и рабочих всего мира устремлены к Вашей камере. Мы все благодарны Вам, потому что Вы страдаете за всех нас».

Тельман не дожил до дня победы Советской Армии над фашизмом, до дня освобождения немецкого народа. Он не дожил до того дня, когда Вильгельм Пик и Отто Гротеволь протянули друг другу руки и образовали единый боевой союз немецкого рабочего класса — СЕПГ. Фашисты трусливо убили Тельмана 18 августа 1944 года. Но имя и дело Эрнста Тельмана остаются навсегда в его народе. Пионеры ГДР воспитываются по-тельмановски, чтобы завтра стать страстными и образованными строителями коммунизма. Имя Эрнста Тельмана носят тысячи лучших производственных бригад.

Вот несколько писем Эрнста Тельмана из тюрьмы к семье и товарищам по борьбе, в которых есть слова, как бы обращенные к нам сегодня.

ИЗ ПИСЬМА ЖЕНЕ РОЗЕ ТЕЛЬМАН. ТЮРЬМА СТАРЫЙ МОАБИТ. БЕРЛИН. 13 ЯНВАРЯ 1935.

«Моя любимая Роза!

С запозданием поздравляю тебя с Новым годом! Желаю всем вам в Новом году здоровья и благополучия! Сегодня 20 лет, как мы вступили с тобой в счастливейший союз. И тут же началась мировая война. Вспомни эти двадцать лет, эти бурные и полные перемен годы. Да, путь был тернист и кремнист, борьба за жизнь — жестокая и тяжелая. И все-таки мы были довольны и счастливы. И наша верность друг другу сегодня еще крепче, чем тогда. Человек — хозяин своей судьбы, если у него есть мужество этого хотеть. В этом смысле — пусть этот день воспоминаний даст нам волю для новой борьбы и надежды!..

Есть страна — славное исключение во всем мире, где нет явлений распада (можно говорить о трудностях роста), где нет безработицы, нет кризисов правительства — это социалистический Советский Союз... Как объяснить это «чудо»? Что изменилось в этой стране с 1917 года? Ответ на эту «загадку» один: только свержение капитализма делает возможным и достижимым такое развитие. Рабочие доказали, что они не только способны устранить капитализм, но и что они имеют творческие способности использовать результаты своего труда, добиваться выдающихся достижений во всех областях науки, с их помощью строить социализм, закладывать грандиозные возможности для свободной, счастливой жизни для всех трудящихся, создавать новую, социалистическую культуру и строить бесклассовое общество...»

ИЗ ПИСЬМА К ДОЧЕРИ ИРМЕ. БЕРЛИН. КОНЕЦ ОКТЯБРЯ — НАЧАЛО НОЯБРЯ 1935.

«...Когда я писал тебе в день твоего пятнадцатилетия длинное, руководящее письмо, то я не думал, что в день твоего шестнадцатилетия процесс по моему делу все еще не будет окончен. Сегодня я хотел бы сделать только короткие дополнения к тому письму. Пусть это короткое письмецо немного порадует тебя в день твоего шестнадцатилетия — 6 ноября. Да, уже 16 лет прошло с тех пор, как ты, через год после окончания мировой войны, появилась на свет. Много забот и мало радостей пережила ты в эти годы вместе со своими родителями. Никто из нас не знает, какие еще испытания ожидают нас в будущем. Но одно знаем мы твердо — что наша судьба и наш жизненный опыт окажут влияние на твой разум, они укрепят тебя в твоей борьбе, они не оставят твое молодое сердце равнодушным. По мере накопления опыта и впечатлений твоя молодая жизнь будет становиться все более богатой, равно как по мере развития творческого и волевого начала твоей боевой натуры... Будь и оставайся верной всем своим жизненным целям! Всегда выполняй свои большие обязанности по отношению к твоей любимой матери! Укрепляй свое тело и здоровье гимнастикой и спортом!

В этом смысле я желаю тебе всего самого хорошего в твой день рождения и надеюсь, что делам и свершениям в твоей будущей жизни будет сопутствовать счастье!

Не позволяй себе в этот день унывать из-за непогоды, проведи его в радости и веселье в кругу своих подруг, родных и знакомых! Пусть следующий твой день рождения будет для нас радостным днем встречи на свободе, пусть поскорее настанет время, когда твой отец сможет горячо обнять тебя!..»

ИЗ ТАЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ Э. ТЕЛЬМАНА С МОЛОДЫМ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ.

«...Горькая тюремная доля крадет у тебя драгоценную радость юности. Моя юность была долгой и свободной, но она готовила мне сегодняшнюю судьбу заключенного. Подумай о том, что жизнь заставляет человека бороться не для того, чтобы он сдавался, а для того, чтобы он становился сильнее, чтобы он понимал суровый язык необходимости, чтобы после поражения он поднимался омоложенным к новой жизни. То, что мы пережили, изменить нельзя, а о том, что ждет нас в будущем, мы не знаем точно, и мы можем предполагать. Поэтому мы уже сейчас начинаем думать о нашем будущем пути: как? что? куда?..

Верность и стойкость, сила характера, уверенность в победе — только так мы можем стать хозяевами нашей судьбы и выполнить наш революционный долг, нашу великую историческую миссию: завоевать и осуществить навечно социализм.

Да, в этом смысле я совершенно уверен — это мудрость высшего порядка:

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой».

С революционным приветом.
Твой верный соратник в борьбе за социализм и несгибаемый товарищ по судьбе».

«Рот фронт!» — идут антифашисты. Во главе демонстрации Э. Тельман.

«МИ-6» ПРОТИВ МИСТРАЛЯ

Г. ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

До сезона летних отпусков еще далеко, и Кот д'Азюр — Лазурный Берег, жемчужина французского юга,— не поражает многолюдьем. Впрочем, солнце уже жаркое, и широкие панели вдоль бульвара Ла Круазетт в Каннах уставлены столиками под яркими, пестрыми зонтами. Тут возле дорогих отелей сидят люди, у которых сезон отпусков продолжается круглый год. Пожилые господа со склеротическими физиономиями и дамы в мехах ведут нескончаемый разговор о новой программе «Казино мюнисипаль», о недомоганиях любимого пуделя; гадают, кто выиграет финал чемпионата мира по теннису среди профессионалов; брюзжат: как скучно стало сейчас на Ривьере; вспоминают: как весело было столько-то и столько-то лет назад...

Не знаю, как относятся к последней здешней новости скучающие богачи, просто не интересовался этим, но вот все местные газеты уже несколько дней как о большом событии пишут, что в Ниццу прибыл вертолет «МИ-6», совершающий перелет по странам Западной Европы [1].

Недавно гигантский летательный аппарат с буквами «СССР» на борту прошел над Лазурным Берегом, спугнув чаек. Его появлению здесь предшествовал тысячекилометровый беспосадочный перелет из Парижа в Марсель. Сейчас в одном из секторов аэродрома Ниццы, где стоит советский вертолет, толпятся люди. И не только праздные зрители. Возле «МИ-6» несколько дней колдуют французские парни из государственной организации «Протексьон сивиль»: налаживают специальные приспособления, закрепляют баки для воды и т. д. У них интерес к советскому вертолету вполне предметный: рассчитывают использовать его в борьбе со страшным бедствием — лесными пожарами.

Дует в здешних местах ветер с красивым и звучным названием — мистраль. Рождается он где-то в горах, а потом обрушивается на Лазурный Берег, превращая его в прогретую солнцем огромную печную трубу, зажатую меж горами. «Осторожнее с огнем, пожалуйста!» — эти предупреждения я видел вдоль всей горной дороги от Ниццы до Ментоны. Видел и другое — серые, безлесные, начисто выжженные склоны гор. Один небрежно брошенный окурок — и мистраль раздует пламя, подхватит его, разнесет беду на километры и километры вокруг...

В одном из демонстрационных полетов «МИ-6»» вдоль Лазурного Берега участвовал мэр Ниццы Жак Мэдисен, энергичный, деловитый, молодой. Мэр, так сказать, потомственный: тридцать шесть лет этот пост занимал его отец. Во время всего полета мэр сидел в пилотской кабине рядом с нашими летчиками.

Когда приземлились, я подошел к нему.

— Первый раз в жизни летел над Ниццей на вертолете,— сказал г-н Мэдисен.— Ваша машина изумительна, просто чудо какое-то! Я не инженер, не техник, но много летал на разных типах самолетов, служил в военно-воздушных силах и кое-что понимаю в авиации. «МИ-6» кажется очень легким, несмотря на огромные размеры. У нас такая машина может принести неоценимую пользу. Сейчас в борьбе с лесными пожарами мы используем канадскую летающую лодку «Каталина», но в условиях горной местности она малоэффективна. Судите сами: она проносится над очагом пожара, сбрасывает воду, но не может спуститься в ущелье. И часто мы не в силах отстоять леса от пожара, если он возник там, где нет дороги и где «Каталина» не может летать. Уже в этом году, в конце марта, перед самым вашим прилетом, у нас был большой пожар. И мы еще раз убедились, что нужно искать новое действенное оружие против огня, причиняющего нам огромный ущерб. Я не специалист, повторяю, но убежден, что именно «МИ-6» — такое оружие.

А что говорят специалисты?

Полковник Феликс Пуллан из «Протексьон сивиль», уже много лет воюющий с лесными пожарами, сказал:

— «МИ-6» — сенсация, это потрясающий аппарат. «Каталина» берет две с половиной тонны воды, а ваш «МИ-6» — двенадцать тонн. Он может зависнуть над зоной пожара, может, сразу сбросив огромную массу воды, мгновенно сбить пламя, может доставить в угрожаемый район целый отряд пожарных. Что и говорить, я просто мечтал бы иметь здесь эту машину...

Из самого Парижа с нами летел второй шеф-пилот французской компании «Сюд авиасьон» Ролан Коффино, коротко стриженный, похожий на боксера парень. Вместе со своим товарищем Жаном Буле он поставил в 1963 году мировой рекорд скорости на вертолете «Супер Фрелон». Известный воздушный ас — так сказал о Коффино тоже летевший вместе с нами из Парижа президент французской фирмы «Сенефи» г-н Петель.

От Марселя до Ниццы машину пилотировал Ролан Коффино вместе с нашим Василием Колошенко.

Когда прилетели в Ниццу, журналисты спросили французского аса:

— Сколько нужно времени, чтоб научиться управлять вертолетом «МИ-6»?

— Через два часа могу вылетать,— коротко ответил Коффино.

Здесь, на юге Франции, советский вертолет будет испытываться в самых сложных условиях. Режим работы жесткий, но атмосфера, в которой трудятся советские и французские специалисты, самая добрая. Разве забудешь о том, как рабочие аэропорта в Ницце обнимали наших вертолетчиков, поздравляя их с успешным запуском «Луны-10»? Или о том, как Юрий Гарнаев, второй пилот «МИ-6», на встрече с друзьями из местного отделения общества «Франция — СССР» пел:

«В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых...»?

В годы войны летчик-истребитель Ю. Гарнаев дрался против воздушной армады Геринга плечом к плечу с пилотами «Нормандия — Неман». Его соединение базировалось рядом с французским полком, и в полетах они не раз, как говорится в той же песне, прикрывали друг друга.

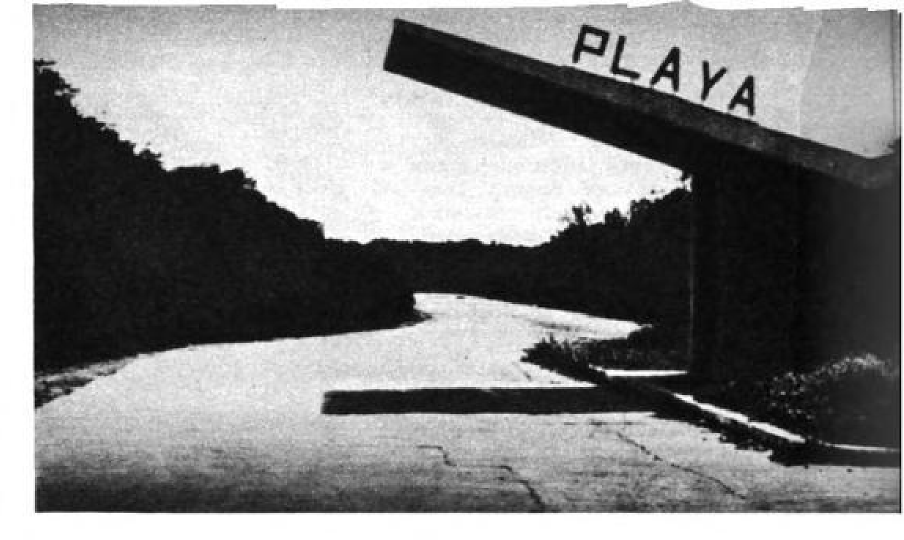
«Ну, а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и
дружить»...

А среди тех, кто аплодировал Гарнаеву, были отважные борцы французского Сопротивления, люди, осужденные на смерть гитлеровскими трибуналами, герои маки...

Сейчас, когда вы читаете этот номер «Огонька», французы и русские на борту советского вертолета «МИ-6» ведут бой с мистралем. Он должен быть побежден, он будет побежден, этот зловещий ветер, пахнущий пожаром и несчастьем.

Ницца — Канны.
По телефону.

[1] См. «Огонек» №№ 12 и 13.

¡Patria o

Тимур ГАЙДАР

Военный парад по случаю 7-й годовщины Кубинской революции подходил к концу, когда над площадью возникли самолеты. Именно возникли. Раньше, чем глаз успел выхватить в небе приближающиеся крошечные точки, раньше грома, который потом расколол воздух, они, уже в вертикальном полете над трибуной, ушли в белесую слепящую высоту.

Я разыскал взглядом команданте Фернандеса. Он стоял выше других на левом крыле трибуны, большой, широкоплечий, подтянутый, с микрофоном в руке, и, как тысячи гостей у подножия памятника Хосе Марти, как сотни тысяч гаванцев, заполнивших площадь Революции, смотрел в небо. Хотя это именно он только что передал по радио команду на прохождение самолетов, на его лице застыли те же удивление и восторг, которые можно было прочесть на лицах других. И мне вспомнилась наша первая встреча ночью 18 апреля 1961 года в лесу, возле деревушки Пальпита, на Плайя Хирон...

Интервенция началась накануне.

Корабли с десантом наемников, с танками, артиллерией, с большим запасом горючего для бомбардировщиков вышли из никарагуанского порта Кабесас и под эскортом авианосцев, эсминцев и подводных лодок военно-морского флота США в 2 часа ночи 17 апреля

ПРИБОЙ АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА

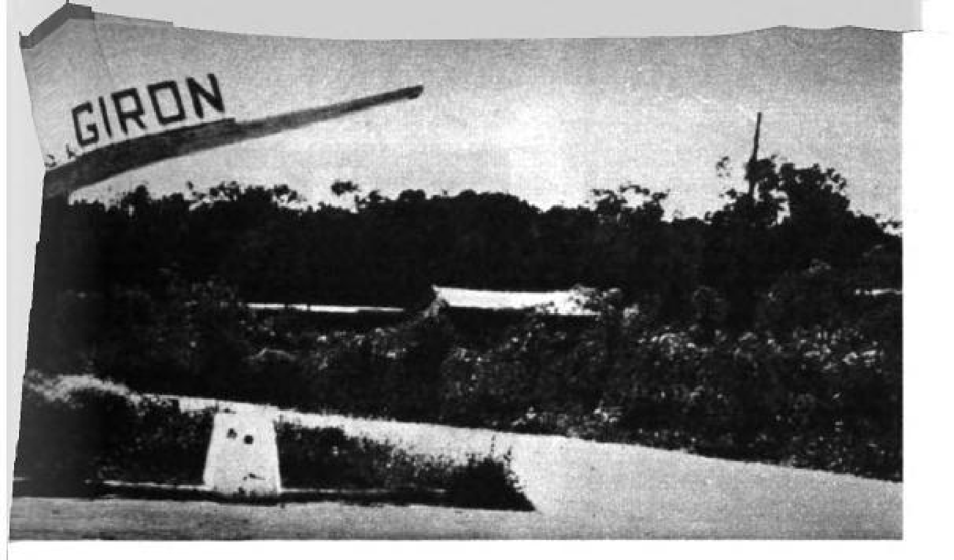
Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Прибой Атлантики бьет в берега Зеленого Мыса. Вечерами кажется, что стены двух крупнейших театров Дакара содрогаются от обжигающих африканских ритмов. Идет Всемирный фестиваль афро-негритянского искусства — первый в истории Африки, первый в истории мировой культуры.

Европа совсем недавно узнала искусство Африки. Веками этот континент был для Запада континентом без истории, полем для демонстрации сомнительной доблести командующих колониальными армиями, объектом для темной деятельности колониальных компаний. Всего лишь немногим более полувека назад Запад открыл для себя африканское искусство — своеобразное, богатое, имеющее глубокие исторические традиции. Открытие и утверждение его проходило не просто, в борьбе с идеологией колониального чиновника, который приезжал сюда, заранее уверенный в своем превосходстве над всем африканским. Эта идеология находила отражение и во взглядах многих западных ученых, занимавшихся Африкой.

То, что происходит сейчас в столице Сенегала, свидетельствует, что Африка уже не та, что она никогда и не была такой, какой представляют ее колониальный чиновник и теоретик колониализма. Фестиваль в Дакаре — это калейдоскоп интересных выступлений, это демонстрация искусства национальных ансамблей и артистических зрелищ африканских стран. Это две большие экспозиции — богатейшая выставка традиционного африканского искусства и выставка современных африканских художников. Это коллоквиум, посвященный проблемам африканского искусства. Это конкурс картин, литературных произведений и грамзаписей, созданных африканцами и об Африке.

Уже закончился коллоквиум, в котором принимали участие вместе с африканцами и учеными Запада представители советской африканистики. Их вклад в работу коллоквиума был отмечен его участниками. Подведены итоги конкурса.

muerte!

1961 года приблизились к кубинскому поселку Плайя Хирон на берегу бухты Кочинос.

Загрохотали корабельные орудия. К берегу устремились десантные баржи с нарисованными на серых бортах черными черепами.

Весь день 17 апреля бомбардировщики врага — интервенты имели более 20 самолетов — висели над дорогами, ведущими к Плайя Хирон, нанося бомбовые удары по колоннам Повстанческой армии и народной милиции, двигавшимся к месту высадки десанта. Те пять стар採еньких, изношенных самолетов, из которых состояли тогда Революционные военно-воздушные силы Кубы, не могли обеспечить воздушное прикрытие своих войск. Они снова и снова подвешивали бомбы, заправлялись и уходили к бухте Кочинос, чтобы решать главную задачу — топить вражеские корабли.

Ночь с 17 на 18 апреля была холодной. Курсантский батальон капитана Фернандеса после трудного дня, после марша, после тяжелых бомбежек и неудачной атаки на Плайя Ларга отдыхал в лесу. Шинели в кубинской армии не предусмотрены, их заменяют белые плащи — «манчо»; весь лес был усеян белыми фигурками. Из-под плащей торчали черные стволы ружей.

— Наступление начнем на рассвете,— сказал мне капитан Фернандес.— Эх, если бы нам самолеты!

На рассвете санитары батальона подобрали на шоссе младшего лейтенанта Хосе Антонио Каррасана. Он полз по обочине, нащупывая рукой кромку бетона. От стертой до мяса ладони на дороге оставались красные пятна. Он был ранен, контужен, кровь заклеила глаза, он ничего не видел. Во время ночной атаки его сбросило с брони подбитого танка. Когда он пришел в сознание, то услышал голоса врагов, понял, что те собираются менять позицию, и пополз к своим, чтоб сообщить об этом.

Утром запели петухи и разом смолкли, потому что снова загрохотали орудия. Батальон курсантов Матансасского военного училища и 339-й батальон народной милиции пошли в атаку... «¡Patria o muerte!» — «Родина или смерть!..».

Нет, я не собираюсь подробно рассказывать обо всем ходе боев, о том, как сжималось кольцо вокруг вражеского десанта, как крестьяне-углежоги с охотничьими ружьями вылавливали и приводили в штаб вражеских парашютистов, как погиб капитан Карбо, как кубинские летчики на своих стареньких самолетах топили корабли интервентов, сбивали их самолеты и добились в конце концов полного господства в воздухе, как молодая кубинская крестьянка в черной шали катила по шоссе коляску с мертвым ребенком. Глаза ее были огромны, и губы что-то шептали...

Конечно, это была не очень долгая война: всего 72 часа потребовалось кубинцам, чтобы наголову разгромить так долго и тщательно готовившуюся Соединенными Штатами интервенцию. Но это была настоящая война — с героизмом, с подвигами, с горем невозвратных потерь, с тем острым чувством радости и счастья, которое приносит победа.

На Плайя Хирон я снова увидел, как сражается народ, отстаивающий завоевания революции.

Каждая революция — это миллионы вдруг и резко изменившихся судеб, отношений. Это большие и сложные процессы, когда меняется жизнь, обычаи, традиционные уклады целой страны. Но бывают моменты, когда все беспредельно упрощается, становится четким, определенным, непреложным. И уже почти нет полутонов и оттенков.

Так было на Кубе в дни Плайя Хирон. Народ, завоевавший свободу, начавший строить новую жизнь, поднялся на защиту от империалистической агрессии. Старый и новый миры встали друг против друга в открытом бою, и в каждом разговоре, в каждой услышанной фразе вдруг ясно зазвучал четкий классовый смысл происходящих событий.

Я был в штабе курсантского батальона, когда по радио передавался текст заявления Советского правительства:

«Советский Союз... окажет ему всю необходимую помощь и поддержку...»

Адъютант командира батальона обнял меня:

— Вива Моску!

Он вытащил из кобуры обойму и отщелкал на ладонь семь золотистых, тупоконечных патронов.

— Возьми, друг! Больше сейчас подарить нечего.

...Я вспомнил обо всем этом на последнем военном параде в Гаване, когда над трибуной, над площадью Революции, один за другим вонзались в зенит стрелокрылые машины, опережая рожденный ими гром.

На снимке: вдоль этого шоссе, ведущего к поселку Плайя Хирон, в апреле 1961 года развернулись бои с американскими наемниками, вторгшимися на Кубу. Теперь здесь Национальный парк.

В числе других на нем получил премию известный сенегальский писатель и кинематографист, бывший марсельский докер Сембен Усман, которого хорошо знают у нас в Советском Союзе. Его полнометражный фильм «Африканка из...» полон острого социального содержания, затрагивает проблемы колониализма. Фильм был награжден премией «Серебряная антилопа». Получил премию «Золотая антилопа» и короткометражный фильм «Люди танца», сделанный совместно советскими кинематографистами и гвинейцем Коста Дианье, посвященный искусству Африки. Продолжается показ искусства национальных коллективов. Из всего виденного здесь лучшим, по мнению многих, стало выступление ансамбля Мали. Много интересных образцов национального музыкального и танцевального искусства показали участники фестиваля. Правда, часто это были лишь традиционные танцы и обряды, пришедшие из прошлого. Малийцы же больше других внесли в свои выступления дух сегодняшней Африки, сумели показать прошлое и настоящее в единой цепи.

Ярким было выступление ансамбля Сьерра-Леоне, в котором артисты соединили политическую сатиру и хореографию. Хотя фестиваль не носит политического характера, политика не обошла его стороной.

Африка переживает сейчас один из сложных периодов современной истории. За нее идет борьба национальных сил и сил, связанных с бывшими хозяевами континента. И это чувствуется здесь повсюду. На фестивале Африка познает себя не только в искусстве. Фестиваль заставляет африканских художников задуматься о своем творчестве и о своем континенте.

Дакар. По телефону.

И СНОВА ПРОВАЛ

Четыре пятых территории Южного Вьетнама и три четверти населения контролируются Национальным фронтом освобождения. И вот теперь оставшаяся четверть населения выступила против режима американского ставленника Ки. Против американского засилья в ряде случаев выступают и армия, и полиция, и буддийские священники.

Американский сенатор Эрнест Грюнинг заявил недавно: «Ничто не может более полно разоблачить фальшь, смехотворность, слабость и банкротство правительственной политики в Юго-Восточной Азии, чем то, что сейчас происходит в Южном Вьетнаме».

Апрель 1966 года. В центре Сайгона патриоты взорвали отель «Виктория», где жили американские покровители Ки.

Февраль 1966 года. Президент США Джонсон после совещания в Гонолулу пожимает руку марионетке Ки. В те дни американская печать уверяла, что правительство Ки занимает прочную позицию и пользуется поддержкой своего народа.

...Столкновение народа с жандармерией Ки. Народ требует отставки марионетки. Против патриотов применяют слезоточивые газы и оружие.

Жребий брошен, первую партию белыми играет Б. Спасский.

Фото Дм. Бальтерманца.

СЛОВО ЗА НИМИ

Макс ЭЙВЕ, экс-чемпион мира

Взгляд в будущее — взгляд в прошлое...

Новый чемпион мира начал свое правление в 1963 году весьма многообещающе. Вскоре после завоевания почетного титула он участвовал в турнире памяти Пятигорского в Лос-Анжелосе и поделил там первое место со своим другом Паулем Кересом. Вскоре два великолепных шахматиста снова рядом, на сей раз в Буэнос-Айресе в 1964 году. Но затем последовала длительная пауза. Петросян однажды заметил, что чемпион мира имеет меньше шансов остаться в лучшей форме, так как он автоматически отключается от участия в двух важнейших международных соревнованиях — от межзональных и кандидатских турниров. И когда Петросян в середине 1965 года вновь вышел на арену, его результаты действительно ухудшились. В сильном по составу загребском турнире чемпион мира был третьим. Для Петросяна предстояло еще одно важное соревнование в конце 1965 года в Ереване, но и на этот раз ему не удалось победить: он разделил второе место, уступив победу Корчному. После своего успеха в Ереване Корчной еще дважды играл с Петросяном на матче городов Ленинград — Москва, и опять чемпион мира должен был капитулировать.

У соперника Петросяна Бориса Спасского дела шли значительно лучше. В советском зональном турнире 1964 года Спасский занял первое место, несмотря на сильную конкуренцию (Бронштейн, Геллер, Корчной). В последовавшем вскоре межзональном турнире в Амстердаме Спасский поделил со Смысловым, Талем и Ларсеном первые четыре места. В турнире претендентов Спасский выиграл все три матча: у Кереса со счетом 6 : 4, у Геллера — 5,5 : 2,5, у Таля — 7 : 4. Итого — 18,5 из 29! Исключительный результат для такого состава участников. К этому следует прибавить успехи в других турнирах. В октябре 1964 года Спасский занял первое место в Белграде. В последней фазе перед матчем на первенство мира (когда его кандидатура уже была определена) подобный дележ сопутствовал ему еще дважды: сначала на турнире в Сочи, где с ним сравнялся гроссмейстер Унцикер (ФРГ), а затем на новогоднем турнире в Гастингсе, где вместе со Спасским лавры поделил гроссмейстер Ульман (ГДР). В этих турнирах мы увидели спокойного Спасского, который позволял себе гроссмейстерские ничьи и лишь время от времени показывал когти. Выступления Спасского можно было сравнить с упражнениями пианиста накануне важного концерта.

Следует отметить, что Спасский и Петросян давно не встречались друг с другом за шахматной доской, а все игравшиеся ранее партии, кроме одной, закончились вничью. Эту одну партию выиграл Петросян. Счет — 6 : 5. в его пользу.

Повторится ли в предстоящем матче подобная картина? Будет ли иметь место обилие ничьих, перемежаясь с отдельными выигрышами чемпиона мира? Вряд ли. Конечно, значительное число партий закончится вничью, но 30—40 процентов партий будут результативными.

Есть различные виды матчей. Наиболее напряженные из них характеризовались как матчи на острие ножа. Примеры: матчи Ботвинник — Таль и Алехин — Боголюбов. Каждая партия игралась не на жизнь, а на смерть, и более половины партий заканчивалось результативно. Напротив, бывают матчи, в которых проявляется величайшая осторожность. Оба соперника стремятся всегда иметь в запасе ничью и предпринимают лишь робкие попытки достичь большего. Типичным примером является матч Алехин — Капабланка, в котором более 70 процентов партий закончилось вничью. И, наконец, между этими крайностями находится категория «поживем — увидим». В зависимости от настроения и от хода матча соперники играют предприимчиво или выжидающе, и около половины партий закачивается результативно. Примеры: матчи Ботвинник — Смыслов и Алехин — Эйве. Матч Ботвинник — Петросян можно отнести к «осторожному краю» этой середины.

Весьма вероятно, что в предстоящем матче мы увидим нечто подобное: короткие ничьи и наряду с этим ожесточенные дуэли, где борьба будет вестись до последней пешки. Стиль соперников в известной степени схож. Оба предпочитают спокойное развитие с постепенной активизацией борьбы.

Излишне подчеркивать, что как Спасский, так и Петросян отлично чувствуют себя и в других сферах шахматной борьбы. Петросян мгновенно видит десятки возможностей, которые он быстро систематизирует и взвешивает. Однако в шахматах осложнения настолько многообразны, что Петросян охотнее всего остается на проторенной тропе. Спасский, напротив, время от времени отваживается углубиться в неведомое.

Петросян и Спасский лучше играют в матчах, чем в турнирах, но, как уже отмечалось, Спасский в последние годы добился выдающихся успехов и на том и на другом поприще. Однако сомнительно, что лучшие достижения Спасского в турнирах сыграют какую-то роль в предстоящем матче.

Более важна способность Спасского применяться к стилю противника. В последних матчах Спасский показал, что он в состоянии бить противника его же оружием. Вот несколько примеров. Керес известен как один из виднейших (если не виднейший) знатоков испанской партии. Он написал о ней подробные и хорошо аргументированные книги, но Спасский победил Кереса именно в испанской партии — в его любимом дебюте, победил как белыми, так и черными! Таль — мастер гамбитов, однако Спасский встретил его атакой Маршалла, и Таль, который опасен более всего, когда он играет белыми, был совершенно нейтрализован. Геллер играет преимущественно на инициативу, на атаку. В матче Спасский — Геллер инициативой владел практически только Спасский.

Спасский знает свою силу, он верит в себя, и не без основания. Отдельные неудачи его мало смущают. В поединке с Кересом он проиграл первую партию, играя белыми,— весьма тяжелое испытание для такого короткого матча,— тем не менее Спасский вскоре восстановил равновесие.

У Петросяна нет столь большой уверенности в себе. Говорят, что перед началом матча с Ботвинником он якобы сказал: «Кто я такой, чтобы сражаться с великим Ботвинником?» Ответ какого-нибудь поклонника мог бы последовать незамедлительно: «Вы Петросян, выигравший в блестящем стиле кандидатский турнир на Кюрасао». Но очевидно, что Петросян не дает вскружить себе голову лестью, он не переоценивает своих сил, и непосредственное окружение способствует этой объективности.

Почему перед чемпионом мира всегда стоит более тяжелая задача, чем перед его соперником? Чемпион мира не может достичь большего, чем он имеет, а его противник, напротив, надеется на высшие почести. Многие думают, что у Спасского в этом матче лучшие шансы. Но я считаю, что шансы соперников совершенно равны.

Положение сейчас таково, что по меньшей мере 10 гроссмейстеров могли бы претендовать на титул чемпиона мира, в то время как только один может обладать этим званием. Такие шахматисты, как М. Таль, Б. Ларсен, Е. Геллер, П. Керес, В. Смыслов, Б. Ивков, Л. Портиш, и другие вполне могли бы оспаривать почетный титул у Т. Петросяна. Достойно большого сожаления то, что в борьбе не принял участия Ботвинник, тем более, что в последние годы он находился в отличной форме. Многие предсказывали Ботвиннику в случае его участия в предварительных соревнованиях то место, которое теперь принадлежит Спасскому. С другой стороны, царит убеждение, что стиль Спасского больше подходит для того, чтобы противостоять Петросяну. Так ли это? На этот вопрос ответит нам будущее, и оно рядом с нами. Пройдет всего два месяца — и все предположения, оценки, прогнозы будут или отменены, или утверждены двумя сильнейшими шахматистами мира — советскими шахматистами Тиграном Петросяном и Борисом Спасским. Решающая борьба между ними началась.

Амстердам — Москва.

В дни, предшествовавшие XXIII съезду КПСС, в Москве, в Центральном Доме журналиста, открылась фотовыставка «Наш современник».

Ее участники — фотокорреспонденты А. Стешанов и И. Коган (газета «Известия»), В. Санк (журнал «Смена»), А. Узлян (журнал «Огонек»).

Фотографии, экспонированные на выставке, сделаны на всех меридианах и параллелях, пересекающих нашу Родину. Это как бы коллективный портрет нашего современника — человека труда, науки, искусства, строителя коммунизма.

Выставка пользуется успехом у посетителей.

Н а с н и м к е: В зале выставки.

Репортаж специальных корреспондентов «Огонька» А. БОЧИНИНА и Юр. ВАНЬЯТА

Сначала пять цифр: 9, 10, 19, 28, 342. А теперь расшифруем их: в девяти южных городах Советского Союза 10 апреля девятнадцать команд высшей лиги класса «А» начали борьбу за звание чемпиона советского футбола в двадцать восьмом всесоюзном турнире. А всего им предстоит сыграть 342 матча.

Итак, футбольный марафон принял старт во второе воскресенье апреля, чтобы закончить свой путь спустя 192 дня — глубокой осенью, на жухлых, отсыревших полях.

Много событий на крупнейших стадионах Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, Баку, Ташкента, Еревана, Алма-Аты, Ростова, Донецка, Одессы, Куйбышева, Кутаиси произойдет в 36 турах чемпионата. Нынешний чемпионат особый. Дело в весьма суровом для сильнейших клубов решении Федерации футбола: весь первый круг выступать без элиты — 22 игроков сборной команды СССР. Конечно же, это меняет картину турнирной борьбы. Если, скажем, потери минчан, ленинградцев, бакинцев мизерны — по одной боевой единице (правда, играющей в командах первую скрипку), то у московских динамовцев и армейцев недочет в два игрока основного состава, у спартаковцев, ростовчан, киевлян, торпедовцев и тбилисцев — в три игрока.

Конечно, для руководителей этих команд такая ситуация создает определенные трудности. Но, с другой стороны, достоинство этого решения в том, что, хочется этого или не хочется отдельным

Игрок сборной М. Месхи с сыном Мишей

руководителям команд, им придется рассчитывать на новые силы, на молодые резервы, придется поднять со скамьи запасных малоизвестных, а порой просто неизвестных молодых защитников, хавбеков и форвардов. И уже в первом туре чемпионата выступил ряд дебютантов. Может быть, это обстоятельство, а может, неистребимая любовь миллионов людей к игре, которая во многих странах называется по-разному — скажем, «ялгпалл» в Финляндии, «пилка ножна» в Польше, «кальчио» в Италии, «копана» в Чехословакии, «ногомет» в Югославии, «фуссбаль» в ГДР и ФРГ,— привели к апрельскому аншлагу на первых двух турах.

Как известно, стадионом-«рекордсменом» прошлого чемпионата страны является ташкентский «Пахтакор», собравший наибольшее количество зрителей — более 600 тысяч. Любопытно, что почти бессменный фаворит трибун — столичный «Спартак»—в прошлом году играл настолько «из ног вон плохо», что разогнал добрую половину своих поклонников и ушел по очкам и по зрителям из числа лидеров. Правда, есть город, который, смеем уверить, может поспорить с Ташкентом по проценту посещаемости. Это грузинская столица. На берегах Куры всегда аншлаг, тбилисский стадион уже давно тесен. Тбилисцам нужен «стотысячник».

Стоило посмотреть на реки людей, текущие со всех концов города — из Ваке, Диголии, Навтлуги, Авлабара, Сабуртало, с проспектов Руставели и Плехановского — к стадиону «Динамо», чтобы в этом убедиться.

Итак, как вы уже поняли, дорогие читатели, мы в Тбилиси — на первом матче чемпионата между двумя старинными соперниками: десятикратным чемпионом СССР московским «Динамо» и однократными лауреатами — тбилисцами. Игра, как говорится, стоит свеч, а голы — тех ракет, которые взлетали в этот день в голубое тбилисское небо.

Долго колдовали над тактической установкой тренеры московской команды Вячеслав Соловьев, Юрий Кузнецов и Владимир Ильин. Но не теряли времени и тбилисские стратеги Алексей Котрикадзе и Гиви Чохели.

Но вот торжественная минута, которая неизменно волнует сердце любого посетителя состязаний,— подъем Государственного флага СССР на мачте стадиона. Здравствуй, дружище футбол!

А вот уже и арбитр матча приглашает команды к центру поля. Игра началась!.. А вот и гол. Первый гол сезона на тбилисском поле. Его автор — капитан грузинской команды Ш. Яманидзе, который, к слову сказать, был лучшим игроком матча. Радости тбилисских болельщиков не было границ!

2 : 0. Таков баланс 49-го поединка двух динамовских команд. Всего восьмая победа южан. Что ж, тем она весомее! А вот то, что в девяти матчах было забито всего 15 голов, огорчает. Как говорится, без гола нет футбола.

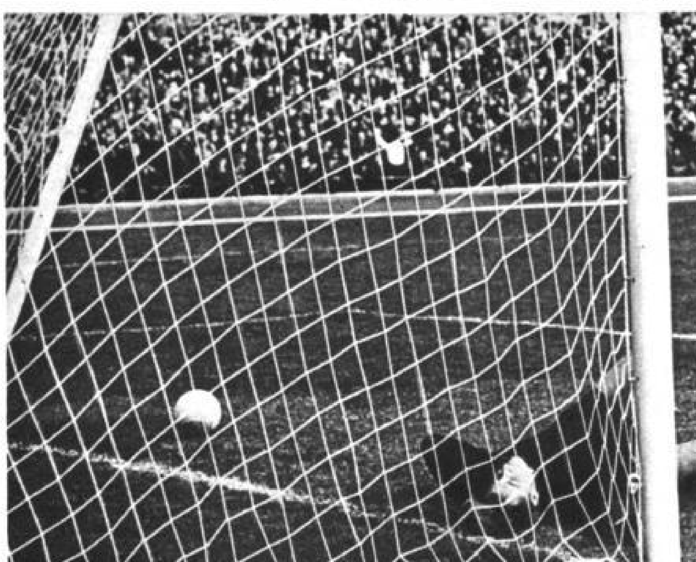
Нападающий Н. Майсурадзе ведет борьбу с защитником В. Глотовым.

вствуй, футбол !

пришли посмотреть игру.

Первый мяч в воротах московского «Динамо».

Подписывается протокол матча.

Ленинаканская симв(

Микáеляны, Абгар и Сергей, отец и сын.

Гаро ТЕВОСЯН

Фото М. Савина

Есть в новом районе Ленинакана площадь Звезды. Названа она так потому, что берут здесь начало пять проспектов, как пять лучей. Один луч носит имя города далекого и родного: Ленинградский проспект. Армянский город и город на Неве — родственники. Вечный огонь, что горит в центре площади Звезды, доставлен в Ленинакан из Ленинграда, с Марсова поля.

Петроград был переименован в Ленинград 26 января 1924 года постановлением Второго съезда Советов, Александрополь стал полноправным Ленинаканом ровно через месяц. В городском краеведческом музее хранится выписка из протокола № 4 заседания Президиума ЦИК Союза Советских Социалистических Республик, датированная 26 февраля 1924 года: «Ввиду того, что ЦИК Армянской ССР переименовал в день смерти В. И. Ленина город Александрополь в Ленинакан, в виде исключения переименование утвердить».

И еще один музейный экспонат, напоминающий революционную историю города. Это макет бронепоезда «Вардан Зоравар». Майское восстание 1920 года, начатое в Александрополе, сделало его первым в Армении советским городом. А бронепоезд «Вардан Зоравар» был своеобразным крейсером «Аврора» Майского восстания.

В Ленинакане живет человек, который вел «Вардан» на дашнаков,— Абгар Микаелян.

Юношей стал революционером. О декабрьских событиях 1905 года в Тифлисе и сейчас напоминает след от казачьей пули на шее. Участие в забастовках, демонстрациях протеста, преследование за подпольную антиправительственную деятельность, тюрьма...

Более полувека проработал Микаелян на железной дороге. Сколько перевез пассажиров и грузов, сколько подготовил машинистов! Многие из его учеников стали знатными людьми на Закавказской дороге, орденоносцами и почетными железнодорожниками.

— Я и сейчас могу работать,— говорит он,— да вот Сергей, сын, не пускает: отдохнуть, мол, пора.

На девятом десятке Абгар Согомонович не потерял ни жизненной силы, ни сердечной теплоты. Много у него друзей среди молодежи. Пионеры, комсомольцы часто просят рассказать, «как все это было». И он рассказывает о «Вардане Зораваре», об увлекательной профессии железнодорожника.

А поезда бегут и бегут по стальным магистралям. И другой Микаелян, Сергей, сын старого революционера, продолжает дело, начатое отцом. Он один из лучших машинистов-инструкторов Закавказской дороги, почетный железнодорожник, Герой Социалистического Труда. Но если отец ушел в 1956 году на пенсию паровозником, то сын задолго до этого стал переучиваться на машиниста электровоза: начиналась электрификация линии Тбилиси—Ереван. Первый электровоз на готовый участок Санаин—Ленинакан привел Сергей Микаелян. В этом заключена хорошая символика, как и в том, что железная дорога на электрической тяге связывает Ленинград и Ленинакан. Скоро она станет еще длиннее, достигнув Еревана.

Железнодорожная династия Микаелянов не исключение, а только пример доброй ленинаканской традиции — дети остаются верными профессиям родителей. На текстильном комбинате имени Майского восстания работает много таких семей, как Степаняны — отец и трое сыновей, или Григоряны — отец, мать, сын и дочь...

Семейные традиции не рождаются сами по себе, они отражение бурной жизни республики, ее истории.

Тридцать два прядильных и ткацких станка привезли в 1922 году в Александрополь иваново-вознесенские ткачи. Это была частица той огромной помощи, которую по призыву В. И. Ленина оказала Советская Россия своей сестре — разоренной дашнаками Армении. Станки установили в полуразрушенном помещении бывшего пивоваренного завода. К ним встали тридцать армянских девушек-сирот, обученных русскими мастерами. Отсюда и пошла текстильная промышленность молодой советской республи-

---

Больно живым

Выход Василя Быкова на всесоюзную литературную арену даже для нашего стремительного времени не совсем обычен. В течение неполных пяти лет на русском языке опубликовано несколько крупных повестей молодого автора: «Журавлиный крик», «Третья ракета», «Фронтовая страница», «Западня», «Альпийская баллада» и, наконец, «Мертвым не больно».

До сих пор произведения белорусского беллетриста пользовались успехом. «Третья ракета» критикой была почти единодушно зачислена в разряд лучших произведений о Великой Отечественной войне. Кстати, все повести В. Быкова связаны только и только с войной. Правда, в них нет широких, эпических картин сражений, нет и привычного для военных повестей многолюдья. В. Быков ведет читателя по обочине войны, знакомит с горсткой солдат, по воле ратного случая отставших от своих, оказавшихся в тылу противника один на один с врагом, с неминуемой смертью, со своей совестью. Но узость взятого диапазона в той или иной мере, как правило, искупалась бесстрашным стремлением автора заглянуть в душу солдата в крайнюю для него минуту.

Что греха таить, не все воины выдерживали безжалостное испытание на прочность, на излом. Наряду с подлинными патриотами В. Быков интересуется и людьми с «изъяном». Чисто военный конфликт в его произведениях переплетается с конфликтом нравственным, борьба с фашизмом осложняется борьбой с подлостью или слабостью в своих собственных рядах. Герои истинные в повестях В. Быкова несут как бы двойной крест, двойную нагрузку — духовную и физическую: напор сильного и беспощадного врага и предательство товарища по оружию. Столкновение мужества с подлостью, добра со злом, справедливости с ложью придавало повествованию В. Быкова не только трагический, но и сугубо проблемный, осовремененный характер.

Подкупали повести В. Быкова и глубоко оптимистическим звучанием, так как в конечном счете победа оставалась за настоящими советскими людьми. В «Третьей ракете», к примеру, орудийный расчет сержанта Желтых погиб, но ни на шаг не отступил от занятого рубежа. Оставшийся в живых Лозняк, единственный свидетель подлости Лешки Задорожного, разряжает ракетницу прямо в лицо этому Лешке, подлецу и проходимцу, предавшему товарищей в горькую минуту. Солдат Ваня Тимошкин пересилил не только немцев, но и своего земляка писаря Блищинского, труса и карьериста («Фронтовая страница»). Взводный Клименко одержал моральную победу в неравной схватке с Черновым-Шварцем («Западня»). Иван Терешка погиб, спасая итальянскую антифашистку Джулию. Его подвиг — это гимн бессмертному интернациональному братству («Альпийская баллада»).

В произведениях с таким счастливо найденным психологическим конфликтом прежде всего должен быть неподкупно правдив, искренен и честен образ повествователя. В. Быков прекрасно чувствует особенность облюбованной им формы и не отделяет себя от героя, от имени которого ведет повествование, не возвышается над ним. От этого повести молодого прозаика, возможно, несколько проигрывают в «объемности», но зато отличаются редкой непосредственностью. В этом смысле едва ли в чем можно упрекнуть автора за образ Лозняка, от имени которого ведется рассказ в «Третьей ракете». Глазами солдата Великой Отечественной войны смотрит на мир автор и в последующих своих произведениях. Хотя в авторскую речь и врывались иногда диссонирующие звуки (на что деликатно обращала внимание критика), однако в целом в произведениях, написанных до повести «Мертвым не больно», логика развития героических характеров заглушала фальшивые ноты, художественная правда брала верх над наносным, кажущимся, над тем, что можно было бы назвать преходящей литературной модой.

Успехи молодого прозаика давали основание надеяться, что диссонирующие звуки в его повестях случайны, что с годами писатель избавится от них, как от ветрянки, и доверится единственному спутнику подлинного таланта — правде искусства, правде действительности. К сожалению, последняя повесть В. Быкова — «Мертвым не больно» — свидетельство о каком-то сдвиге в сторону от им же самим верно нащупанного, собственного пути.

Первое, что сразу же охватывает тебя после прочтения новой повести В. Быкова,— это досадное ощущение пустоты, отсутствие новизны. Кажется, что многие сцены, выведенные в повести, уже где-то встречались. Ну конечно же, и поиски негодяя-фронтовика, и скандальная затянувшаяся сцена в ресторане, и знакомство с молодыми людьми, и желание привлечь внимание милиции, завести «дело» — все это уже было обыграно в «Тишине» Ю. Бондарева, показано с экрана со всеми доступными кинематографу подробностями. Что-то очень знакомое видится и в длинной дороге, ведущей героя-рассказчика Василевича и его спутников прямо... в плен. Знакомы и будка, и железная дорога, ставшая последней чертой на пути героев, и многое другое. Это уже навеяно и прежними повестями самого В. Быкова. В образе Кати как бы вновь воскресла сандружинница Люся из «Третьей ракеты». Коваль, безрассудно бежавший за немецкими танками с тремя «лимонками», завернутыми в кусок солдатской обмотки, как бы пародирует отчаянный шаг ослепшего в бою Кривенко, бросившегося на немцев с железной лопатой («Третья ракета»). Сюжетная ли-

---

Василь Быков. Мертвым не больно. Повесть. Журнал «Новый мир», 1966, №№ 1—2.

ника

ки, тут и корни семейных традиций Степанянов, Григорянов и многих других рабочих.

Сегодняшний Ленинакан не только город железнодорожников и текстильщиков, каким он был раньше. Еще он город строителей, которые в короткий срок преобразили его. Растут пятиэтажные, шестиэтажные дома. На очереди — десяти- и двенадцатиэтажные.

Ленинакан — город рабочий. Здесь делают точные приборы, микродвигатели, шлифовальные станки, кузнечно-прессовое оборудование... Строится еще одно предприятие — электротехнический завод. И, конечно, возникают новые семейные традиции и новые рабочие династии.

А еще Ленинакан — город художников, композиторов, ученых, отважных воинов и космонавтов...

Ленинаканцы первыми в республике учредили герб города и звание почетного гражданина города. Мартирос Сарьян, Арам Хачатурян, Валентина Николаева-Терешкова и Андриян Николаев стали почетными гражданами Ленинакана. Как и академик Виктор Амбарцумян, читающий лекции в Ленинаканском народном университете, как и маршал И. Х. Баграмян — участник Майского восстания 1920 года.

Герб нарисовал Мартирос Сарьян. По-сарьяновски лаконичный, по-сарьяновски яркий, солнечный рисунок. А композитор Арам Хачатурян—автор мелодии позывных ленинаканского радио.

В Ленинакан приезжали космонавты Валентина Николаева-Терешкова и Андриян Николаев. Много в городе легковых машин, автобусов, троллейбусов, но дорогие гости путешествовали в фаэтонах. Фаэтоны с шахматной полоской на кузове — это, так сказать, дань экзотике. Говорят, Валентине Владимировне так понравился этот вид транспорта, что она каждый раз крайне неохотно расставалась с ним.

И всякий, кто встречал на улицах эту трогательную процессию, улыбался. Очень необычное зрелище: пилоты космических кораблей в таком старинном экипаже. Но если задуматься, то не такой уж он старинный, этот экипаж, раз многие ленинаканцы помнят его не как экзотическую редкость, а как основной вид легкового транспорта. Просто время стало очень стремительным, темп жизни иной.

ПЕРВЫЕ КОРАБЛИ ПЯТИЛЕТКИ

Недавно судостроители получили из Риги посылку. На них, словно живой, глянул Рихард Зорге. Воспитанники художественного профтехучилища № 17 создали мозаичный портрет советского разведчика. Рижане прислали его для тезки героя — нового танкера. «Рихард Зорге» уже сделал свой первый шаг в жизнь, сошел со стапеля...

На постройке танкера «Хулио Антонио Мелья» корабелы внедрили новую технологию: собирают секции по чистым размерам. Что это дает? Обычно при стыковке секций много времени уходило на обрезку припусков. Теперь готовые секции точных размеров стыкуются и сразу же свариваются. Ранее назначенного срока покинул стапель рефрижератор «Башкир».

Рапорт балтийцев XXIII съезду партии привезли в Москву делегаты — Герои Социалистического Труда бригадиры Алексей Васильевич Чуев и Василий Александрович Смирнов.

Василий Александрович — известный всей стране судосборщик.

Делегат съезда А. В. Чуев возглавляет штаб городских новаторов. Фамилия Алексея Васильевича вместе с другими славными именами ленинградцев стоит под обращением к трудящимся городов-героев, которое призывает пересмотреть ранее принятые обязательства, повысить личный вклад в пятилетку. А сами ленинградцы подсчитали: за пятилетие они сберегут стране четверть миллиарда рублей.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Бригада судосборщиков В. А. Смирнова.
Фото С. Владимирова.

ния «Василевич и Энгель» перенесена в повесть из рассказа «Проклятье». История с попавшим в плен Ванькой-взводным, рассказанная Горбатюком, перекликается с историей взводного Климченко, которая положена в основу повести «Западня»... Повторяются полюбившиеся положения, ситуации, фразы, отдельные выражения: «кусок дурака» и т. д. Глоток воды, поданный Энгелем Василевичу, колеблет в Василевиче представление о немцах: «Я уже склонен думать, что среди них бывают разные. И так себе. И ничего. И сволочи. Впрочем, как всюду. Люди есть люди. В общей своей массе не плохие и не хорошие — разные». К сожалению, и эти сомнительной ценности мысли приходят в голову не впервые. Они уже были высказаны почти слово в слово в одной из предыдущих повестей. Зловещая фигура капитана Сахно тоже не нова: в повести «Западня» она выведена под фамилией штабного капитана Петухова.

Склонность к повторениям наблюдалась у В. Быкова и раньше. Однако такого пристрастия к литературным реминисценциям, какое проявлено в повести «Мертвым не больно», трудно было ожидать от способного писателя. Искусство не терпит повторения. Самоповторение — это болезнь, свидетельствующая об истощении запасов жизненных наблюдений.

В. Быков явно поспешил со своей новой повестью. Но если бы дело заключалось только в авторской торопливости, было бы полбеды. Критики зарегистрировали бы еще одну неудачу на литературном фронте — и дело с концом. Но, кажется, случилось нечто более прискорбное, чем обычная литературная неудача. В. Быков своей новой повестью как бы вывернул наизнанку и вольно или невольно перечеркнул все, что написал до сих пор.

В повести «Мертвым не больно», как и в других произведениях В. Быкова, действие развивается вдали от «большой» войны. В то время, когда основные силы наших войск зажали в тиски кировоградскую группировку немцев, наши тылы сами попали в окружение. Но если раньше внимание писателя сосредоточивалось на изображении героических усилий советских солдат, попавших в сложную ситуацию, на сопряжении «малой» войны со сражениями масштабного характера, то сейчас, наоборот, события, развернувшиеся в повести, как бы замкнулись сами в себе, отгородились от внешнего мира. И не война интересует художника, не подвиги людей, попавших в беду, а контрразведчик капитан Сахно, негодяй и подлец. По сравнению с Сахно фашисты выглядят невинными ангелами. По крайней мере они не оттолкнули Энгеля, побывавшего в плену, а приняли в свою среду. Советские же люди, если верить автору, оказались в атмосфере абсолютного недоверия, подозрительности, откровенного и наглого принуждения. Сахно не выпускает из рук пистолета и, не задумываясь, пускает его в ход. Так, ни за что ни про что на глазах раненых он стреляет вслед медсестре Кате, бросившейся из хаты за подводой для раненых, убивает обожженного солдата в железнодорожной будке, гонит по минному полю наших людей прямо в руки немцев и совершает массу других столь же нелепых, бессмысленных и жестоких дел, а сам сдается в плен и, спасая свою шкуру, прислуживает врагам. Из-за него погиб Кротов, убит разведчик, подорвались на минах танкист и Катя. Он толкнул на самоубийство Юрку, друга Василевича, причинил невероятные страдания самому Василевичу, от имени которого ведется рассказ.

Сахно берет верх над Василевичем не только в те далекие военные годы, но и спустя двадцать лет после войны. Горбатюки — сахно ничего не поняли, ничему не научились и по-прежнему торжествуют. Встает вопрос: чему верить? Где правда? Если прав автор повести «Мертвым не больно», то, следовательно, все, что он рассказывал в «Третьей ракете» и в других произведениях,— ложь? Или, может быть, наоборот? Думается, что все же прав «ранний» В. Быков. И вот почему.

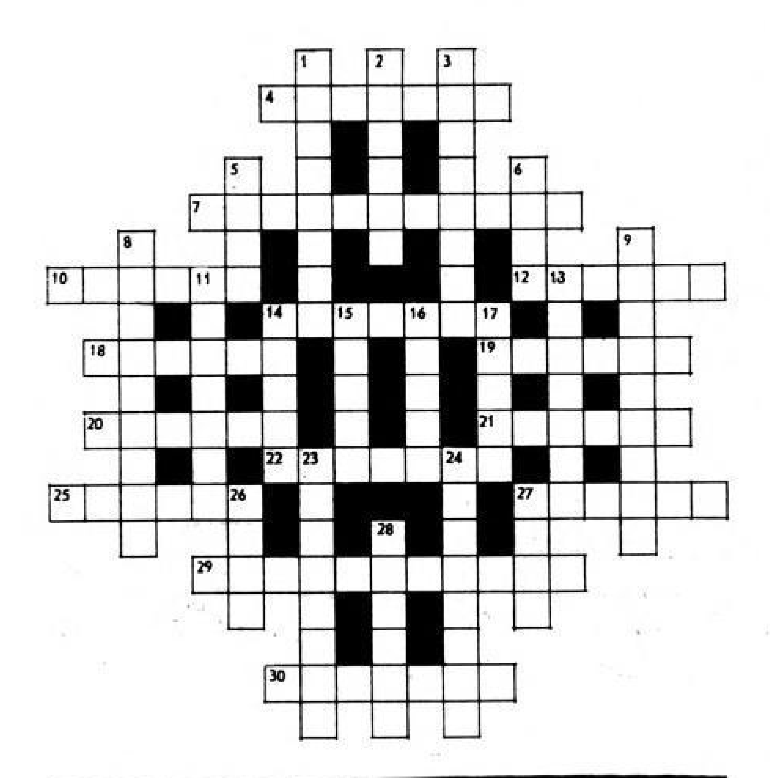
Не станем утверждать, что людей, похожих на Сахно, в рядах нашей армии не было. Были. Но, во-первых, такого рода типы в дни войны на фронте держались в тени и в боевых делах не играли той ужасной роли, которую приписывает им в последнем произведении В. Быков. Во-вторых, не из одних сахно комплектовались кадры армейских разведчиков. Уместно спросить: как же Сахно, человек сам по себе трусливый и недалекий, смог в одиночку на глазах вооруженных людей загубить столько хороших солдат? Что за магическая сила, неведомая нам, скрывается за этим человеком? Оказывается, никакой особой силы за Сахно нет. Единственно, что подчеркнуто в повести,— это рабская покорность тех, над кем измывается Сахно. Советские солдаты и офицеры в повести ведут себя так, как те рязанские грибы с глазами из прибаутки: «...их едят, а они глядят». Но ведь это есть самая жестокая, кощунственная неправда!

Никто не приказывал и Ивану Терешке ценой своей жизни спасать Джулию. Сделал он это по приказу своей совести. То же самое можно сказать и про других героев. По-хозяйски, обдуманно воюет Желтых и ведет себя по отношению к старшим по команде в высшей степени самостоятельно. В повести же «Мертвым не больно» героев из «народа» словно подменили. Они не только рабски покорны, но и беспомощны, способны лишь кричать: «Начальство сюда!», «Где начальство?» А «начальство», как на подбор, бездарно, трусливо и удивительно беспечно. Танки под боком, в каких-нибудь трех километрах от села, а в селе, набитом войсками, не нашлось человека, проявившего хотя бы малейшее беспокойство по этому поводу.

Кажется, во всей повести нет ни одной разумной команды, которая бы исходила от начальника выше взводного чином. Появление генерала не внесло порядка в общую сумятицу и не оберегло наши части от разгрома. Одним словом, в основе замысла повести В. Быкова «Мертвым не больно» лежит крайне предвзятая, однобокая, недобрая и несправедливая мысль. Это не могло не отразиться и на художественной структуре произведения в целом. Если прежние повести В. Быкова отличались глубоким психологическим анализом, то в повести «Мертвым не больно» такой анализ, по существу, отсутствует. Василевич лишь информирует читателей о своих переживаниях («Смерть Кати меня ошеломляет»), напоминает о своих болях («Опять же—нога»), о любви к Юрке («Эх, Юрка, Юрка! Ты — самая большая моя боль в жизни»). Но настоящей боли не чувствуется. Да и сам Василевич в повести не столько живет как самостоятельная личность, с плотью и кровью, сколько функционирует как свидетель бесконечных подлостей Сахно. В Василевиче нет ни одной черты современного человека. И уж совершенно невозможно представить себе как живую личность Сахно. Сахно в повести — это скорее призрак, нежели реалистический тип.

Автора повести «Мертвым не больно» постигла серьезная неудача. Мертвым литературным персонажам, конечно, не больно. Они выдержат любой авторский произвол. Но следовало бы подумать и о читателе: он ведь живой...

Иван КУЗЬМИЧЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский хирург, академик. 7. Коробка для сбора растений. 10. Продольный край доски. 12. Лиственное дерево. 14. Вершина Западных Саян. 18. Река в Бразилии и Аргентине. 19. Крытая галерея с торговыми помещениями. 20. Автор новеллы «Кармен». 21. Хирургический инструмент. 22. Узкая глубокая долина. 25. Отдых в пути. 27. Советский физиолог. 29. Переложение музыкального произведения. 30. Римский поэт.

По вертикали:

1. Рисунок перед началом текста, главы. 2. Краситель. 3. Кавказский танец. 5. Низкий диван. 6. Рыба со сплющенным телом. 8. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 9. Итальянский скульптор эпохи Возрождения. 11. Народный писатель Белоруссии. 13. Птица отряда воробьиных. 14. Сторона прямоугольного треугольника. 15. Загадка. 16. Вид городского транспорта. 17. Опора рельсов. 23. Морское животное семейства дельфиновых. 24. Типографский работник. 26. Созвездие северного полушария неба. 27. Ткань полотняного переплетения. 28. Курорт в Узбекской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

5. Колонок. 8. Пылесос. 9. Танкер. 10. Льгота. 12. Формат. 13. Акация. 14. Комбайн. 16. Демокрит. 17. Пакистан. 18. Боярских. 21. Селекция. 24. Сальери. 26. Деймос. 28. Сверло. 29. Адидже. 30. Рапира. 31. Лемешев. 32. Материк.

По вертикали:

1. Початок. 2. Корнет. 3. Сысола. 4. Полоний. 6. Бергамот. 7. Телетайп. 9. Тамтам. 11. Апатит. 14. Каракас. 15. Николаи. 19. Яремча. 20. Хольберг. 21. Сценарий. 22. Церера. 23. Селигер. 25. Ильюшин. 27. Свитер. 28. Схидам.

•

На первой странице обложки: Тамара Пустеленина, слесарь-сборщик второго сборочного кузовного цеха на Горьковском автозаводе. Комсомольцы цеха избрали ее своим групкомсоргом.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Вечный огонь на площади Звезды в Ленинакане, Армянской ССР.

Фото М. Савина.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

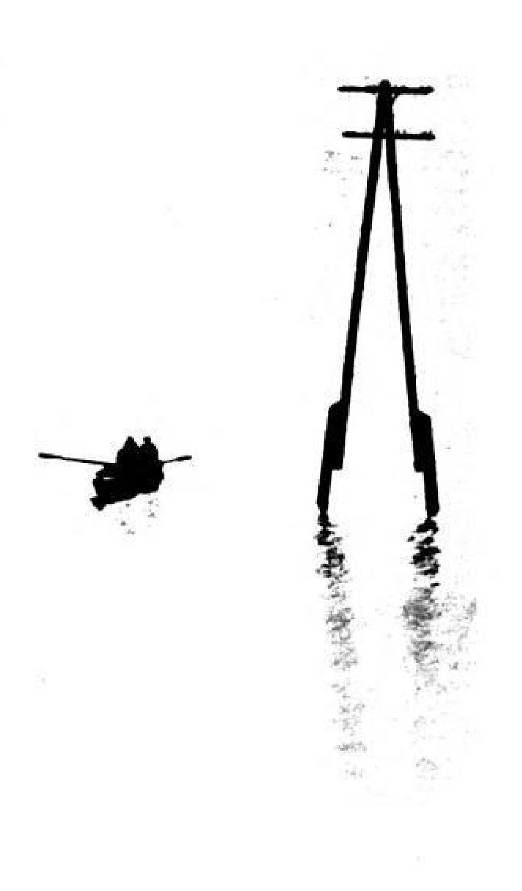
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10579. Подписано к печати 13/IV 1966 г.
Формат бум. 70 × 108[1/8]. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7.
Тираж 2 000 000. Изд. № 576. Заказ № 992.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ока. Разлив

Фото Михаила САВИНА.

Широко половодье под Калугой! Светлая, серебряная Ока, взломав ледяной покров, разнесла его вдребезги, убрала подальше, в стороны, в Волгу и раскинула свои пределы куда только глаз глянет! Мелкие реки, речки и ручьи все сбежались к Оке, как малые дети к матери, и слили с ней свои струи, образовав огромную неоглядную ширь.

Парк Циолковского, вознесенный со своими старинными липами на крутое косогорье, кажется, вот-вот сойдет вниз, чтобы соединиться с недальним бором, который сейчас выглядит островом, отброшенным водой далеко вглубь. По воде шагают, как странники, гуськом, телеграфные столбы, и, видимо, не так уж им легко пробираться сквозь разливную топь.

Новый мост, гордость строящейся Калуги, города, энергично сбрасывающего старые одежды, пестрядь ветхих домишек, легко раскинулся на обе стороны широченной Оки, явно показывая, что никакое половодье ему не страшно.

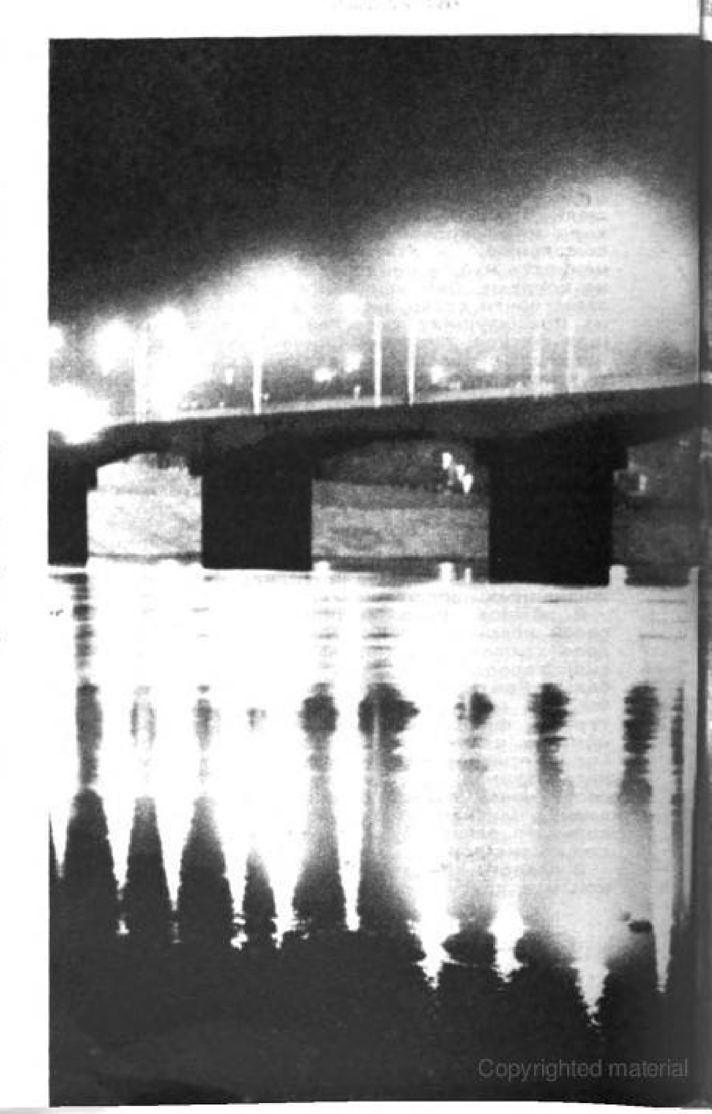
Вечерами, когда красный диск закатного солнца уйдет за бор, к Угре, и наступят длинные прозрачные апрельские сумерки, калужане идут к реке, в городской сквер, в загородный сад-парк Циолковского и любуются развернувшейся перед их глазами красотой водных просторов.

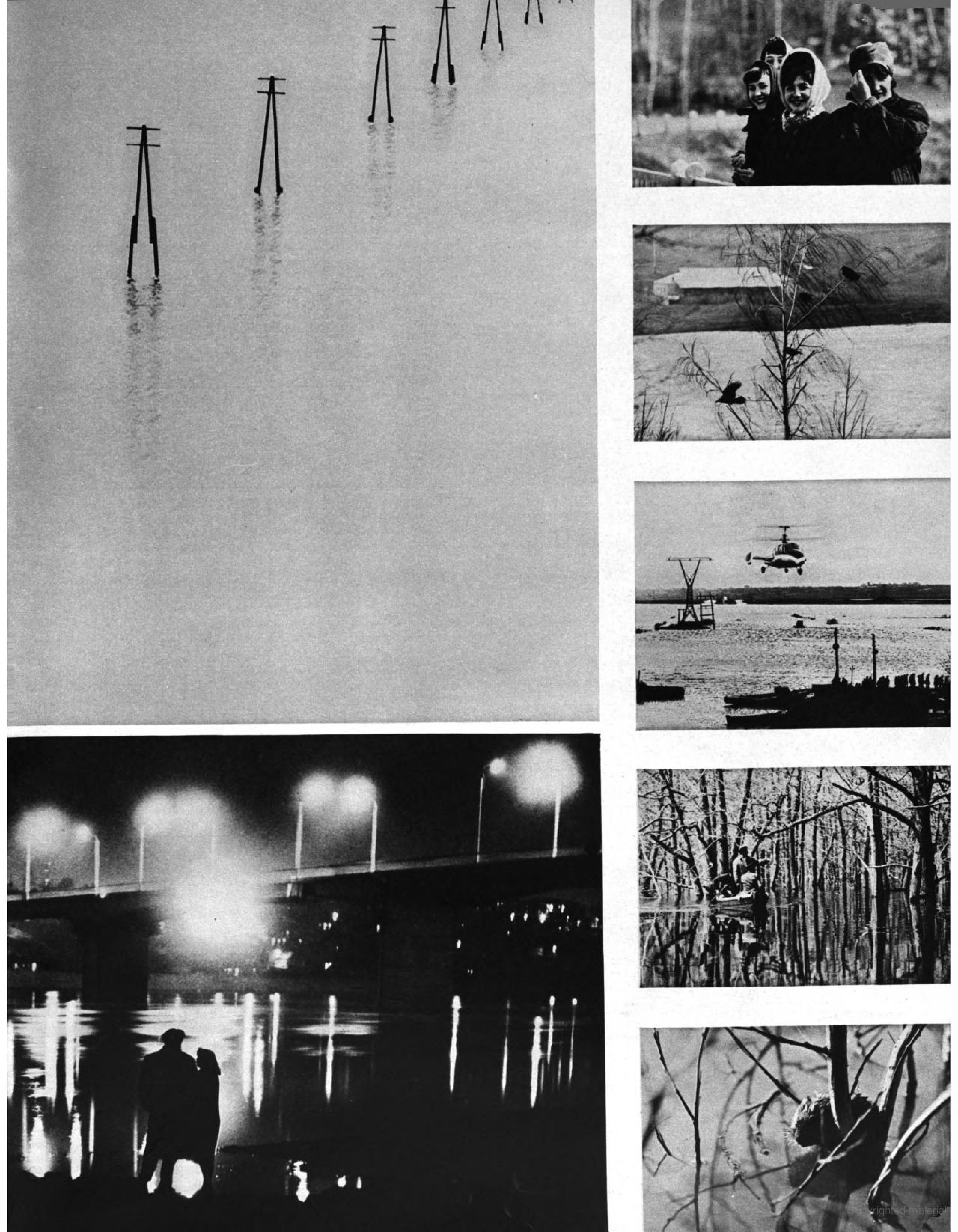
Хорошо на Оке в апреле...

Ширь.

Россия!

Ник. КРУЖКОВ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663